РАССЕКРЕЧЕННЫЕ ЖИЗНИ

АНАТОЛИЙ МАКСИМОВ

ОПЕРАЦИЯ «ТУРНИР»

(ЗАПИСКИ ЧЕРНОРАБОЧЕГО РАЗВЕДКИ)

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Впервые читатель может познакомиться из первых рук с историей «двойного агента» — секретного сотрудника, выступающего в качестве доверенного лица двух спецслужб.

Автор — капитан первого ранга в отставке — в течение одиннадцати лет играл роль «московского агента» канадской контрразведки, известной под архаичным названием Королевской канадской конной полиции (КККП). Эта уникальная долгосрочная акция советской разведки, когда канадцам был «подставлен» офицер, кадровый сотрудник Первого главного управления КГБ СССР, привела к дезорганизации деятельности КККП и ее «старшего брата» ЦРУ США и стоила, по свидетельству канадской газеты «Ситизьен», карьеры шести блестящим офицерам контрразведки и поста генерального прокурора их куратору по правительственной линии

- А. Максимов. Операция «Турнир»
  - От автора
  - Глава 1
    -
    - Шпионы
    - Школа военной контрразведки
    - Северный флот
    - Операция «Соседи»
    - Эхо войны
    - Выстрел «Печального»
  - Глава 2
    - «Гридневка»
    - Линия «Икс»
    - Пеньковский
    - Рождение «Тургая»
  - Глава 3
    -
    - Источники
    - «Под крышей» Внешторга
  - Глава 4
    - Приятный человек
    - «Важан», «Турок» и «Спец»
    - Странные визитеры
    - Пуговицы — стратегический товар
    - Начало «двойного агента»
    - Политика и разведка

        - Открытка
        - Икона
        - «Моменталка»
        - Бюро «Клода»
        - Подход
    - Глава 5
        - «О награде — никому…»
        - Объект разработки
        - Торг здесь уместен
        - «Орднунг ист орднунг!»
        - Товар — деньги
        - «Друг Ленина»
        - Письмо председателю КГБ
        - Удачная неудача
        - Контракт века
        - «Майкл Дзюба умер. Теперь вы — Стадник…»
        - Пленка для спутника-шпиона
    - Глава 6
        - Финал «ближнего боя»
        - Взгляд за кулисы КККП
        - Один из «специально подготовленного контингента»
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5

А. Максимов. Операция «Турнир»

Анатолий Борисович Максимов
Операция «Турнир»
Записки чернорабочего разведки

От автора

Невидимая часть айсберга «холодной войны» породила такие явления, как «психологическая» и «экономическая» войны, обострив до предела их эффективный инструмент — разведки.

«Психологическая война» породила массу тайных операций между Востоком и Западом, в процессе которых обеими сторонами использовались далеко не джентльменские правила игры. А ее родная сестра — «экономическая война» создала беспрецедентное в истории человеческих отношений между нациями запреты на использование достижений в области науки и техники.

Строжайшим эмбарго была объявлена продажа передовых технологий в страны восточного блока. США вовлекли в систему КОКОМ — комиссии по контролю за экспортом оборудования в социалистические страны — десятки государств на всех континентах.

В начале шестидесятых годов я оказался в водовороте событий «холодной войны», участвуя в ней как сотрудник научно-технической разведки советской госбезопасности. Профессионал-разведчик, я остро понимал: если КОКОМ — это система Запада против Востока, то советская научно-техническая разведка — это «орудие взлома» строгого эмбарго на поставку в мою страну передовых технологий так называемого двойного назначения, то есть для мирных и военных целей. Всеобъемлющая деятельность комиссии нейтрализовалась работой научно-технической разведки. Такая работа захватила меня целиком.

Гонка вооружений высветила проблему необходимости поддержания Востоком и Западом паритетов в области оружия массового уничтожения. Но именно такое отношение к обороноспособности великих держав привело к осознанию предела в безумной гонке вооружений.

Судьба распорядилась так, что кроме работы по научно-техническому направлению разведки я оказался вовлеченным в контрразведывательную операцию, которая на определенной этапе стала главным смыслом моей профессиональной деятельности. Известно, что спецслужбы большинства стран уделяют повышенное внимание борьбе разведок и контрразведок. Такое противостояние всегда отличается остротой содержания, хотя приемы борьбы различны. И среди них — проникновение в агентурную сеть противника.

В начале девяностых годов в России и за рубежом стала появляться мемуарная литература о деятельности советской

разведки. Но и по сей день все еще слабо представлены воспоминания рядовых разведчиков. Фактически нет упоминаний о тех, кто вел борьбу со спецслужбами Запада под флагом «предательства». Потому я и взялся за перо.

История русской и советской разведок знает немало примеров удачных операций по вскрытию замыслов противника и противодействию им. Но всегда считалось: наиболее сложными мероприятиями контрразведывательного характера были операции по проведению игр с привлечением «подстав».

В воспоминаниях идет речь о многолетней работе разведчика в двух направлениях: по линиям технической разведки и службы контршпионажа на фоне сложной игры, в которой я выступал в роли «предателя» моей Родины. В операции по проникновению в агентурную сеть западной спецслужбы мне пришлось не один год испытывать давление противника, целью которого было склонить меня к побегу за рубеж и сотрудничеству с контрразведкой противника. В то же время мне хотелось показать особенности становления человека, гражданина и разведчика, для которого предательство ни под каким видом не может иметь место.

В качестве профессионала разведки и Внешторга — этого моего многолетнего и единственного прикрытия — я не значусь в справочниках западных спецслужб, за последнее время обильно издаваемых за рубежом, хотя география моей разведывательной работы связана с одиннадцатью странами в Европе и Америке, Азии и Африке. Круг же моих знакомых в среде западных деловых людей — и того шире. О «деле Максимова» мало кто знал даже в среде моих коллег-разведчиков, разве что узкий круг руководства советской и канадской спецслужб.

Возможно, следы моей работы отыщутся в архивах нескольких спецслужб Запада: Канады, США, Швейцарии, а еще раньше — Англии, Японии, ФРГ, Норвегии… Но не могут же спецслужбы стран НАТО помещать в справочники имя советского разведчика, которого до начала девяностых годов они считали своим «московским агентом», разоблаченным и замученным в подвалах КГБ на Лубянке?

Глава 1
Долгая дорога в разведку

«В результате проведенных оперативных мероприятий удалось проникнуть в агентурную сеть противника…»

Из рапорта внешней контрразведки руководству КГБ. 1978 год

«…А цена этому делу была карьера шести блестящих офицеров КККП[1]».

Из канадской газеты «Ситизен» от 10 января 1983 года

В субботний день февраля 1978 года в доме Брюса Джеймса, одного из руководителей канадской службы безопасности — КККП, раздался телефонный звонок. На другом конце провода был обеспокоенный глава службы Роберт Саймондс: «Русские преподнесли нам сногсшибательную новость. Я заеду за тобой. Нам надо обсудить, что же делать…»

Джеймс понял, что «сногсшибательной новостью» может быть только одна. Он позвонил подчиненным, потребовав подобрать досье с документами по одной из наиболее деликатных и важных операций своей службы.

В ожидании коллеги Джеймс мысленно представил, как его подчиненные в оттавской штаб-квартире КККП на Альта-Виста открывают сейф с кодовым замком и достают совершенно секретное досье «Золотая жила», главное действующее лицо которого — ценный агент «Аквариус», русский коммерсант. Он появился в поле зрения контрразведки в середине шестидесятых годов. В то время «Аквариусу» было тридцать три года — возраст Христа. Применимо ли такое сравнение к человеку, предавшему свою родину, Россию? Почему он идет на риск быть «распятым» на Голгофе правосудия своей страны? И что известно ему, Джеймсу, и его людям об истоках нынешней жизни «Аквариуса»?

Звонок вызвал профессиональное беспокойство, поднял из глубины души мучившие Джеймса сомнения.

У дома коротко прогудел автомобиль Саймондса. Предчувствие не предвещало ничего хорошего…

Шпионы

Более пяти лет я провел в стенах военно-морского командно-инженерного училища. Оно просуществовало всего восемь лет, но было уникальным с точки зрения военной и инженерной подготовки. Учились мы по академической программе — из нас готовили новое поколение морских офицеров.

Перед моими глазами прошла мировая и русская история военно-морского искусства: от Соломанского сражения в древние века, сражений парусного флота на Балтике и Черном морях до морских операций в годы Великой Отечественной войны советских военно-морских сил и наших союзников по антигитлеровской коалиции. Мы разбирали удачные операции английского флота против пиратских набегов фашистских рейдеров в Атлантике и скорбели над участью американской морской базы в Пёрл-Харборе. На крейсерах мне пришлось ходить на Северном флоте и на Балтике: и все время в качестве морского артиллериста. Но как будущий инженер-артиллерист фактически ежегодно я по нескольку месяцев проводил на заводах, где знакомился с особенностями изготовления различных узлов к артиллерийским установкам, их сборкой, боеприпасами к ним. Изучал особенности технологии изготовления взрывчатых веществ и порохов, взрывателей к снарядам. С образцами новой артиллерийской техники знакомился на полигонах.

Три события во время пребывания в училище оставили в моей памяти особый след: подготовка военно-морского флота к атомной войне, парад на Красной площади, участником которого я был, и попытки западных разведок проникнуть в тайны нашего секретного училища. Я стал свидетелем коварства американских шпионов и впервые оказался в стенах ленинградской штаб-квартиры КГБ на Литейном проспекте, прозванной «Большим домом».

… В весенний воскресный день я и мой товарищ по курсу вышли из задних ворот училища и расположились на обширном пустыре. Волны травяного покрова перекатывались от стен училища до проселочной дороги метрах в трехстах. От одинокого автомобиля на ней в нашу сторону шли парень и симпатичная девушка. Не доходя метров двадцать, они остановились возле матроса из обслуживающей команды, который как и мы отдыхал.

Высокая трава скрыла всю троицу, и лишь иногда ветер доносил до нас голоса: они о чем-то бурно спорили. Так прошло минут двадцать. Неожиданно парень и девушка вскочили и стали быстро, почти бегом удаляться в сторону автомашины. Их бегство

нас насторожило, и мы окликнули матроса. Ответа не последовало, а странная парочка припустила к автомашине.

Мы бросились к матросу. Он лежал ничком и на наши возгласы не отвечал. Ясно, что с ним что-то сделали. Оставив товарища у лежащего в беспамятстве матроса, я бросился за убегающими. Пригодились мои занятия легкой атлетикой. Мне удалось бы догнать парочку, но неожиданно парень обернулся в мою сторону, в его руке блеснул пистолет. Раздались выстрелы. Я рухнул в траву. Рассмотреть автомашину все же смог: «Москвич-401», первой послевоенной модели.

Он уже запылил по дороге, а из ворот училища выбегали моряки. Открыл стрельбу в воздух караульный у ворот.

Матрос по-прежнему был без сознания, рядом с ним валялась недокуренная сигарета. Как потом оказалось, она была отравленной, но наше вмешательство спасло парня — медицинская помощь прибыла вовремя.

Дежурный по училищу, офицер, расспросил нас о случившемся. Свой рассказ мы повторили, но уже по отдельности, представителю Особого отдела[2] КГБ. Представителя все мы знали в лицо. Приветливый капитан третьего ранга всегда не по-уставному обращался с нами, часто разговаривая о разных мелочах. Но зная его должность, мы особой радости от бесед не испытывали.

Контрразведчик слушал, не прерывая. Вопросы стал задавать после:

— Так что ты можешь сказать об этой странной парочке? Опиши каждого: возраст, рост, цвет волос, особенности лица, одежду… Особые приметы — походка, жесты…

Сам себе удивляясь, я смог достаточно подробно ответить на все эти вопросы. Контрразведчик удовлетворенно кивал головой. С моих слов он записал данные на автомашину и запомнившуюся часть номера.

— Что ты заметил на заднем сиденье? Собаку? Какую собаку? Ведь ты был метрах в двадцати от машины? Как ты «заглянул» на сиденье?

— Да нет, товарищ капитан третьего ранга, это была собака-кукла, и лежала она под задним стеклом. Шерсть светлая и длинная. В наших магазинах таких я не видел.

— А не можешь ли ты описать оружие, из которого в тебя стреляли?

— Это трудно, но звук резкий, как из пистолета Макарова. А по свисту пуль трудно определить тип, — пошутил я.

Контрразведчик дал мне подписать бумаги. Прощаясь, попросил никому не рассказывать о характере беседы и заметил,

что, возможно, придется еще раз встретиться по этому делу. Мой вопрос: «что же произошло?» — он оставил без ответа.

В понедельник меня вызвал к себе начальник факультета и представил флотскому лейтенанту, который повез меня в «Большой дом» на Литейном. Там я снова повторил, что удалось запомнить в той ситуации. Еще через несколько дней «мой» контрразведчик пригласил меня к себе в кабинет и поблагодарил от лица руководства органов госбезопасности за оказание помощи в задержании американских шпионов.

— Твои описания помогли разыскать автомашину и эту парочку. Вот их фото. Сейчас мы составим протокол опознания.

Я узнал — это были те самые люди. С виду даже симпатичные, но… шпионы. Я спросил:

— Что они хотели от матроса?

— Им было поставлено задание проникнуть в училище и собрать сведения о его структуре и направлении обучения. Матрос отказался работать с ними, и они его пытались отравить. Ваша помощь пришла вовремя и для матроса, и для госбезопасности.

Контрразведчик хитро посмотрел на меня:

— Ты свист пуль слышал, когда парень стрелял в тебя?

— Да, — ответил я уже не столь уверенно, чувствуя какой-то подвох в вопросе.

— Он стрелял из пугача, — по-доброму улыбнулся контрразведчик. — Это бывает, тут стыдиться нечего.

Тут мне впервые было сделано предложение перейти на работу в органы госбезопасности.

— У тебя есть хватка чекиста, — сказал мне контрразведчик. — Ты быстро среагировал на обстановку, пытался задержать шпионов, а главное — запомнил столь много примет, что поиск завершился весьма быстро.

Сказанное я принял за чистую монету и лишь с годами работы в органах понял, что небольшое преувеличение заслуг сотрудничающего с тобой человека всегда ему приятно и полезно для создания атмосферы заинтересованности в контактах с тобой.

— Но ведь у меня еще не один год учебы? — я не торопился с решением.

— Полтора года. Станешь офицером, и мы направим тебя в школу военной контрразведки. Будешь работать с техникой на кораблях или в других местах — выбор за тобой. В общем, переговорим ближе к окончанию училища. Согласен?

Месяцем позднее «мой» контрразведчик свозил меня в «Большой дом» снова, где чекист в адмиральском звании вручил мне именные часы с надписью: «За бдительность». К сожалению,

часы в то же лето я случайно уронил в воду во время похода на парусных шлюпках на Азовском море. Жаль!

С осени пятьдесят седьмого года я начал работать над дипломным проектом по зенитной артиллерийской установке для крейсеров с использованием активно-реактивного снаряда и радиолокационного взрывателя. Месяца за два до окончания училища я встретил контрразведчика. Вместо обычного приветствия он бросил короткое: «Зайди…»

— Ты наш разговор помнишь? Передаю тебе официальное приглашение от адмирала перейти к нам на работу.

— Меня уже назначали на Северный флот…

— Северный флот от тебя не уйдет. Нужно думать и о будущем: идет серьезное сокращение. Как сложится твоя судьба? Подумай. А пока захвати-ка это, — и он протянул мне бланк анкеты. — Заполни ее и напиши автобиографию. Пойдешь к нам или нет, а все же заполни. Принеси все через два дня.

К защите диплома я уже знал, что еду в Тбилиси — учиться в специальной школе контрразведчиков.

Конец пятьдесят седьмого года был богат для меня событиями: в ноябре я встретил девушку, с которой зарегистрировал брак за двадцать дней до выпуска. Знал я ее меньше месяца, а живу уже более сорока лет. Она подарила мне троих детей, семейный уют, взяв все заботы по дому на себя. Она стала настоящим моим спутником жизни, а временами и помощником в оперативных делах.

В последних числах января пятьдесят восьмого года скорым поездом «Москва-Тбилиси» я и моя юная жена — ей было всего двадцать лет — приехали в столицу солнечной Грузии.

День только начинался. Город утопал в дымке, пронизываемой лучами встающего из-за гор солнца. Ярко блестела Кура, одетая в каменные берега, на одном из которых возвышалась высоко на скале древняя крепость.

Школа военной контрразведки

Напротив входа в парк Ваке, разбитого тбилисцами в новом предгорном районе, стояло трехэтажное здание, облицованное по цоколю красным гранитом. Это была школа КГБ, готовившая военных контрразведчиков. В ней мне предстояло провести два года.

Нас с женой поместили в просторном, человек на пятнадцать, помещении. Пару дней мы жили одни, а затем стали съезжаться другие слушатели школы, окончившие военно-морские училища Ленинграда и Калининграда, Севастополя и Владивостока. Около ста моряков представляли различные морские профессии: артиллеристов и минеров, штурманов и паросиловиков, электриков и радиоэлектронщиков.

Мы быстро разобрались в школьной учебной программе и начали требовать от руководства сократить обучение до одного года. Дело в том, что каждый из нас в училище в течение четырех или пяти лет проходил курс общественных предметов, причем львиная доля приходилась на марксистскую философию, которой мы были сыты по горло еще в училище. В результате из Москвы пришло указание: «Завершить подготовку моряков по сокращенной программе и выпустить в качестве военных контрразведчиков в феврале 1959 года».

Такое начало окрылило, и мы принялись за изучение специальных дисциплин: изучали суть оперативной обстановки, особенности вербовочной работы среди военнослужащих и гражданского населения, знакомились со структурой и задачами органов госбезопасности, с наших уст срывались профессиональные термины: «конспирация», «вербовка», «явка», «наружное наблюдение» — по-простому «наружка». Во время практических занятий мы тщательно разбирали приемы и способы вербовочных ситуаций. Курс практики вел руководитель потока — бывший боевой офицер — сотрудник знаменитого «Смерша».[3]

На склоне гор мы устраивали стрельбы из немецкого и японского оружия, американского и французского. Стреляли сколько хотели — патронов для нас не жалели.

В школе увлечение уголовным правом было всеобщим. Мы наизусть цитировали статьи кодекса и решали задачи с казусными ситуациями, спорили на правовые темы. Нам внушалось, что в основе правовой подготовки лежит долг врача — не нанести вреда невинным людям.

Но особую любовь мы испытывали к криминалистике,

зачитываясь учебниками и книгами с примерами из жизни. Вел этот предмет, не оставляя равнодушным никого, капитан Джапаридзе. Со временем он стал генеральным прокурором Грузии.

— Вам, контрразведчикам, — говорил Джапаридзе, — тем более военным, которые будут иметь дело с военной техникой, нужно упреждать ситуацию, когда создаются условия для аварий или утечки секретной информации из-за болтливости сотрудников. Инструментом анализа оперативной обстановки является предвидение событий на объекте защиты. Это возможно, если вы хорошо знаете свое «рабочее место», то есть оперативную обстановку на охраняемом объекте. Ваша задачу не ловить шпионов, а создавать условия, когда не будет безответственного отношения к делу и лазеек для шпионов. Другой ваш действенный «инструмент» — агентура.

Сколько раз вспоминал я добрым словом моего наставника. Он был моим незримым советником в работе на Северном флоте и позднее, в разведке.

Сто морских офицеров, без пяти минут военных контрразведчиков, написали председателю КГБ коллективную жалобу. Мы нарушили устав: в вооруженных силах коллективные жалобы запрещены, разрешены только индивидуальные. Хоть сто, но индивидуальных.

Что же заставило нас пойти на этот шаг?

По правилам высших военно-морских учебных заведений, через год после окончания училища каждому из нас должны были присвоить очередное воинское звание — старший лейтенант. Но руководство школы отказало нам в этом, заметив, что правила военных моряков на службу в органах госбезопасности не распространяются.

Письмо-протест с оказией было доставлено в приемную КГБ в Москве. Для управления учебных заведений органов госбезопасности это было ЧП, которое расценили как бунт. И не кого-то, а новых кадров госбезопасности, призванных по решению ЦК КПСС заменить старых сотрудников с настроениями еще культового периода.

На «усмирение» вылетел генерал Борисоглебский, начальник управления кадров КГБ. Этот умнейший и прекрасно образованный человек после двадцатого съезда партии возглавил комиссию по реабилитации незаконно осужденных в годы культа личности Сталина. Именно он разработал действенный механизм и этапность реабилитации невинно пострадавших людей: вначале тех, кто еще сидел за колючей проволокой в северных, сибирских и восточных лагерях, а затем вышедших из заключения на

свободу, но лишенных гражданских прав или ограниченных в них.

В учебной аудитории генерал обратился к нам:

— За такие поступки следует уволить из органов. Сознательное нарушение устава расценивается как неповиновение руководству КГБ…

Зал замер, не спуская глаз с генерала, который говорил спокойно, не входя в яростный раж, как любили это делать начальник школы и его заместитель.

Я вспомнил, как начальник школы, полковник, высмеял нашу наивность, сказав, что он ходил в каждом звании лет по десять, и пообещал, что старшими лейтенантами мы станем не раньше, чем к тридцати годам.

Генерал же предложил компромисс:

— Вы забираете свою коллективку, точнее, я рву ее на ваших глазах, а я обещаю, что не позднее чем через полгода вы получите очередное звание, которое найдет вас в особых отделах флотов после окончания школы военных контрразведчиков.

Конечно, мы согласились. Конфликт был улажен.

В то время я жил в общежитии школы — Нина уехала в Москву к моим родителям. От недоедания у нее началась дистрофия, а советы грузинского врача есть больше овощей, фруктов и мяса были не для нас.

Нина пыталась работать. С профессией модельера и портнихи она быстро нашла место в ателье женской одежды, хорошо зарабатывала. С местными женщинами-грузинками у нее завязались дружеские отношения.

Трудности возникли с неожиданной стороны. В Грузии все руководящие должности занимают мужчины. Удел работающей замужней женщины — обязательное домогательство руководства.

Нина не приняла правила игры и вынуждена была уйти с работы. Подобное ожидало ее и в других местах.

Последние экзамены позади. Двенадцать человек подали рапорт с просьбой направить на работу в Особый отдел Северного флота. Среди них был и я.

… В школе появился человек в гражданском, что было нетипичным для учебного заведения, где слушатели, преподаватели и руководство ходили в военной форме. Прошел слух, что идет отбор в какое-то специальное подразделение органов госбезопасности.

Попал на беседу с человеком в гражданском и я. Он отличался неофициальной манерой общения, в нем не было ничего от армейского служаки, облеченного властью над подчиненными. Вежливо, мягко и, я бы сказал, участливо расспросил он меня об учебе, поинтересовался моим прошлым:

юношеской спортивной школой, аэроклубом, предметами в военно-морском училище и профилем инженерных знаний.

— Как вы отнесетесь к предложению пойти на работу в Первое главное управление и заняться разведывательной работой?

Вопрос застал меня врасплох. Товарищи, что уже побеседовали с кадровиком от разведки, помалкивали. Да и не всем он делал такое предложение. Смущало меня и то обстоятельство, что было как-то несолидно в третий раз менять направление работы.

— А как же служба на Севере? Ведь на руках уже направление на работу в Особый отдел?

— Поезжайте и служите. Если решение о направлении вас на работу в разведку состоится, вас вызовут. Вы-то согласны?

— Конечно.

О внешней разведке КГБ в школе нам кое-что рассказывали, но в основном историко-описательного характера и немного о контактах ее с военной контрразведкой. Курс был ознакомительный, и длился он часа два. Видимо, больше и не следовало нам знать. И вот такое предложение. Я понимал: разведка — это, как в авиации, высший пилотаж. Я не ошибся в выборе. Но и в разведке был свой «высший пилотаж» — активные мероприятия, которыми мне пришлось заниматься не один год. Но об этом позже.

Северный флот

Дней через десять, после отъезда с Кавказа, мы с женой ступили на землю Кольского полуострова, где размещалась главная база северного флота — Североморск.

Город амфитеатром спускался к заливу, который дымился незамерзающей водой. На рейде редкими огнями обозначился силуэт крейсера «Александр Невский». В стороне, под высокими скалами теснились друг к другу корпуса подводных лодок, похожие на спины китов. При свете ярких звезд полярного неба заснеженные сопки имели фантастический вид.

Большой кабинет начальника Особого отдела был уютен и по-деловому обжит. Огромная карта Кольского полуострова закрывала одну из стен целиком. Пока адмирал разговаривал по телефону, я на карте нашел Мотовский залив с поселком Титовка. Здесь, во время моей стажировки на крейсере, мы стояли «по атомному рассредоточению». Однажды мы, группа курсантов, подошли к берегу, прозванному в годы войны «Долиной смерти», — такие здесь были упорные сражения между нашей морской пехотой и немецкими егерями.

На берегу увидели следы войны: окопы, колючая проволока, блиндажи, разбитые орудия и много гильз от снарядов и патронов. Нас предупредили: ходить можно только по тропинкам — кругом еще были минные поля. Один из моих товарищей пренебрег опасностью. Взрывом ему оторвало часть ступни. Он не погиб только потому, что от времени взрывчатка мины испортилась и потеряла свою силу.

Адмирал Усатов Михаил Андреевич имел опыт боевых действий и на Севере, и на Тихом океане. Именно он готовил дерзкие операции по захвату города-порта Лиинахамари, базы немцев в Норвегии. Старший лейтенант Леонов получил за нее звание Героя Советского Союза, повторил ее на Дальнем Востоке и был удостоен второй Золотой Звезды. Я знал, что Леонов, теперь капитан второго ранга, работает в этом же особом отделе.

— Ты ведь знаком с авиацией? — спросил Усатов.

— Да, только не с военной. Два года в аэроклубе под Москвой. Летал на «УТ-2», «ПО-2» и «ЯК-18». Прыгал с парашютом. Пилот четвертого класса…

— Вот и прекрасно, — воскликнул адмирал, — тебе и все карты в руки: будешь работать в Особом отделе истребительной авиадивизии, на Малом аэродроме. Это, брат, знаменитая Сафоновская дивизия.

Мы поселились в одной из комнат финского домика. Целый

поселок таких одноэтажных строений стоял вокруг штаба авиадивизии, который находился в трех километрах от трассы Мурманск — Североморск.

В отделе работало четыре оперативника: начальник подполковник Жевтоухов, старший оперработник, который еще в войну служил в «СМЕРШ», молодой сотрудник и я. Была еще секретарша-машинистка со стажем работы во фронтовой контрразведке и команда из десяти матросов, живших в землянке на склоне оврага.

Моим заботам передавался авиационный полк — два десятка реактивных истребителей, летчики, авиамеханики, специалисты по вооружению и радиотехнике. Я должен был контролировать работу автобатальона, кислородной станции и караульной роты. Кроме того, в мое ведение поступал полигон, на котором летчики проводили учебные стрельбы по наземным целям.

Среди военнослужащих «моих» объектов я имел негласных «помощников». Некоторых мне передали на связь, а новых должен был заводить сам. Начал изучать личные дела матросов караульной команды и обратил внимание на бывшего студента. Познакомиться и поговорить с ним так, чтобы никто не обратил внимания, было весьма не простым делом — матрос на казарменном положении. Мне нужно было вывести его за пределы здания, куда-нибудь в поселок. Договорились, что он попросит начальство отпустить его в санитарную часть, а по дороге я перехвачу его и привезу в землянку наших матросов.

Легко сказать: «перехвачу»… А если полярная ночь, пурга, все матросы похожи один на другого? И я ошибся: привел в землянку не того, кого ждал. Более того, я провел с ним вербовочную беседу, понимая, что говорю не с тем человеком. В нашем деле главное при вербовке — иметь санкцию руководства. И вот такая оплошность! Матрос удивился тому, что я попросил его никому не рассказывать о визите. Его насторожило убранство землянки: стены завешаны плакатами с изображениями американских самолетов, среди них «Вулкана» — самолета-треугольника, смутили английские надписи на плакатах, и он подумал, что попал, возможно, к шпионам или что его специально проверяют.

Когда я показал удостоверение сотрудника КГБ, он успокоился, дал согласие помогать органам, но уходя сказал, что посоветуется с представителем политотдела.

Конечно, объяснение с начальством было бурное, но все грозы проходят — прошла и эта. Правда, шуток в мой адрес сыпалось много: обычно меня спрашивали, на какую руку одевать повязку с надписью «иду вербоваться в КГБ»?

Операция «Соседи»

Главным заданием моих «помощников» было выявление недобросовестной работы на самолетах при их подготовке к вылетам. Я просил присматриваться к тем летчикам и техникам, которые недовольны жизнью в Советском Союзе и могут задумать угон самолета за границу, благо она была в нескольких десятках километров от Малого аэродрома.

Вскоре один из «помощников» сообщил, что летчик его звена нарушил границу с Норвегией: залетел на ту сторону. Я доложил об этом событии начальнику и тот разъяснил: Малый аэродром был построен еще до войны, естественно, для тихоходной авиации. Тогда это место носило имя Ваенга, по имени стойбища оленеводов. Во время войны здесь базировалась морская авиация под командованием Бориса Сафонова, дважды Героя Советского Союза. Он погиб в сорок втором году, прикрывая с воздуха очередной конвой союзнических судов, идущих в Мурманск с грузом военной техники.

В то время самолет винтовой авиации мог уйти в сторону границы километров на 10–15 через две-три минуты. Реактивный «МиГ» за это же время удалялся по прямой километров на пятьдесят, как раз до границы.

— Аэродром «смотрит» в сторону Норвегии. Раньше «МиГ» отвернуть не может — скорость еще не набрал. А когда начинает разворот, уже оказывается над чужой территорией. Норвежцы уже перестали писать нашему МИДу ноты протеста. Но опытные летчики не доходят до границы, это случается в основном с молодежью.

История на этом не окончилась. Другой летчик, причем опытный, стал регулярно нарушать границу. Мало того, он залетал достаточно глубоко и отчитывался перед своим командиром звена. «Помощник» высказал предположение, что летчик и командир звена в сговоре: хотят перелететь за рубеж. Вот как подействовал мой инструктаж!

— А зачем залетать глубоко? — попытался я подвергнуть сомнению версию.

— Ищут аэродром на той стороне…

— А откуда ты узнал, что летчик нарушает границу?

— К нему прямо к кабине подходит командир звена, и они о чем-то говорят. К другим летчикам не подходит. В сговоре они, — убедительно закончил «помощник».

Это уже было недоверие своему командиру.

— Ну, это уже далеко ведущие выводы. Пока есть факт:

нарушение границы. Наблюдай. Встретимся через два дня на условном месте.

Сколько раз в своей оперативной жизни — и в контрразведке и разведке — говорил я эту фразу: «встретимся на условном месте». В чем условное? В месте и времени, в запасном варианте, если встреча по каким-либо причинам срывается. Самое главное в работе с «помощником» и агентурой из иностранцев — не потерять с ним связь. Ценность информации зависит не только от того, что она есть у источника, то есть носителя интересующих сведений. Есть такая поговорка: «Дорога ложка к обеду». Так и с информацией.

Я вновь обсудил с начальником сообщение «помощника». В ответ услышал:

— Придется тебе раскрыть содержание операции «Соседи». Норвегия — член НАТО, это ты знаешь, и близость ее границ с нами означает возможность контролирования жизнедеятельности нашей военно-морской базы в Североморске…

— Она не оставляет равнодушной натовскую военную разведку?

— Вот-вот… Стало известно, что они строят новые радиолокационные станции перехвата для ведения технической разведки с территории Норвегии.

— Упование на технические формы ведения разведки — это пунктик ЦРУ. Нам об этом говорили в школе, — заметил я.

— Так вот, твой «подозреваемый» летчик ведет фото и электронную разведку под предлогом случайных залетов на норвежскую территорию…

— Вот почему он уходил в глубину территории. Ведь мы приучили норвежцев к нарушениям границы. Но норвежцы ли стоят за всем этим?

— Пока таких сведений у нас нет, но вернее всего — США. Ты не обижайся: эта операция была задумана еще до твоего приезда и, конечно, максимально скрывалась. А теперь подумай, как отвести подозрения «помощника» от летчика и его командира. И как поддержать на этом примере отличное качество «помощника» — бдительность, желание работать с органами.

Этот источник в дальнейшем оказал важную услугу госбезопасности — разобрался в ситуации с одним из механиков. «Летун», как я его назвал, стал изучать летные инструкции, беря их в секретной библиотеке. Криминального в этом ничего не было, но зачем ему знания об особенностях управления самолетом в воздухе? С моим «помощником» мы установили, что «Летун» дружит с техником-оружейником. «Помощник» говорил:

— Оружейник не имеет доступа к секретной инструкции по

полетам, но он якобы окончил аэроклуб и когда-то летал самостоятельно. Хотел стать летчиком, но что-то помешало. Я слышал, как они беседовали об управлении «МиГом».

— А может быть, это простое любопытство бывшего аэроклубовца? По себе знаю, как влечет авиация.

— Может быть. А если — нет? — возразил мой бдительный «помощник». Таким сигналом пренебрегать не следовало.

«Помощник» узнал, где проводит время эта парочка. Они уходили к большой скале в сопки и там, укрываясь от ветра, разводили костер, беседовали по многу часов. Я их понимал по-человечески: в гарнизоне податься особенно некуда — кинофильмы, вечером клуб и танцы, выпивка… В Мурманск ехать — денег не ахти сколько. А природа поднимает настроение. Понимал я и другое: они скрываются для беседы на тему, которую мы точно не знали.

В отделе решили провести против «Летуна» операцию. Нужно было получить сведения о характере их с напарником разговоров, в частности, о цели использования летной инструкции. Это удалось сделать с помощью подслушивающего устройства, которое заложили вблизи камня — места постоянной встречи парочки.

Неясность была ликвидирована: «Летун» с оружейником готовили угон истребителя в Норвегию. Оружейник изучал инструкции, сидел в кабине пилота, готовя оружие, и тренировался в управлении. Он внимательно присматривался к поведению самолета во время рулежек. В магнитофонной записи были и такие фразы: «…Взлететь-то я взлечу, а вот сяду ли? Вот где сложность — в посадке».

Мне было жаль парней, которые направили свою энергию в преступное русло. И в чем-то я понимал их, хотя, конечно, не оправдывал. Они окончили среднее авиационно-техническое училище, что-то вроде военного техникума. Их служба могла длиться еще лет двадцать и все в том же качестве: монотонная, скучная жизнь вдали от цивилизации, бесконечные заботы о полетах и тревога о качестве самолета и оружия, убогость обстановки в общежитии, регулярные пьянки и мечта об удачной женитьбе.

Лет десять назад такая информация привела бы в восторг тогдашних сотрудников Особого отдела: преступный умысел налицо, и механика с оружейником можно арестовывать, судить и отправлять в ГУЛАГ. Но шел пятьдесят девятый год, и действовал новый уголовный закон. Умысел — да. Но нереализованный…

Я вспомнил школу контрразведки и наставления грузинского капитана — специалиста по уголовному праву: нужно не ловить

нарушителей, а создавать условия, препятствующие нарушениям. Конечно, механика с оружейником надо изолировать, но не в судебном порядке. Об этом я говорил на совещании у начальника Особого отдела Северного флота. Мое мнение расходилось с оценкой события «особистами» старой закалки. Их предложение было провокационным: подождать конкретных действий, а затем привлечь к ответственности.

— Нужно уже сейчас изолировать механика и оружейника, но друг от друга, — говорил я, — перевести в разные гарнизоны, куда-нибудь в глубь страны, где до границы год скакать.

— Поддерживаю предложение лейтенанта, — бросил мой начальник, — но при условии, что наблюдение за ними будет продолжено. Кроме передачи дела на них нашим коллегам в Особых отделах следует высказать предложение об увольнении их из вооруженных сил.

— Согласен. Готовьте материалы. В конечном счете мы не благотворительная организация, а органы государственной безопасности, — подвел итог адмирал и добавил: — Мы их спасаем от более серьезного преступления.

«Летун» и его товарищ из авиадивизии были удалены. А я смог поощрить моего «помощника», дав ему возможность получить отпуск в летнее время — для молодых военнослужащих на севере — вещь крайне редкая. Было радостно от того, что мы смогли избежать расправы над молодыми ребятами, моими одногодками, что «помощник» оказался на высоте, а моя работа в отделе начала спориться, ибо я еще мысленно краснел, вспоминая случай с «ложной вербовкой», как ее прозвали коллеги.

Особые отделы работали при Малом и Большом аэродромах (на последнем базировалась авиация дальнего действия) и в Сафоново, где размещался штаб морской авиации флота и бригада летающих лодок, основной задачей которых были разведывательные полеты над Баренцевым и Северным морями.

Эхо войны

Июньским днем я сидел на совещании в отделе. День выдался отличным: много солнца и голубого неба, что бывает редко в этих краях. Было скучновато. Вошел дежурный матрос и что-то сказал на ухо руководителю совещания. Тот подозвал меня к себе:

— При прокладывании траншеи обнаружен мертвый матрос. Сходи, разберись и доложи.

Меня проводили к месту происшествия. На глубине полутора метров были видны очертания человека в остатках матросской формы. Он сидел, пригнувши голову к коленям. Форма и ткани тела почти истлели, видны были кости — все говорило о том, что тело пробыло в земле достаточно долго. Я отвел матросов от ямы, выставил пост, приказав никого не подпускать к останкам. Выяснил обстоятельства обнаружения матроса и вызвал следователей из Североморска. Сам я предполагал, что событие связано с войной.

По срезу земли было видно, что человек находился в воронкообразной яме, которую присыпали сверху как бы другой землей. А что, если человека уже после убийства бросили в воронку, оставшуюся еще с войны?

Через час прибыл следователь, и я предложил ему свою версию.

— Все может быть. Могу сказать точно: труп пролежал в земле не менее пятнадцати лет. Более точно определит судебный эксперт.

— Значит, это могло случиться году в сорок третьем? Исчезновение матроса могло остаться в памяти людей того времени.

— Вот и хорошо. Поищи старослужащих из аэродромной команды, кто тянет военную лямку с тех пор.

В штабе я довольно быстро нашел фамилию, место службы и проживания одного из таких старослужащих. Уже первый разговор с ним позволил укрепиться в мысли, что матрос погиб во время войны.

— Немец нас особенно бомбил в конце сорок первого и в сорок втором. Иногда было по нескольку налетов в день. Уж очень ему досаждали наши истребители, охранявшие конвои судов из Англии и Америки. Как только Борис Сафонов поднимал свои истребители в воздух, немцы тут как тут. Точно не помню, но были вроде разговоры об исчезновении матроса. Может быть, спросить моего друга? Он тогда служил при штабе, был ближе к разным историям из жизни аэродрома.

И мы двинулись к другу. Это была удача: действительно, при одном из налетов немецкой авиации исчез матрос. Следов не нашли и посчитали его сбежавшим в тундру, а домой сообщили, что пропал без вести.

Пропал без вести… Что может для семьи хуже: ни жив ни мертв, почему-то считалось, что пропавший без вести обязательно в плену, а возможно, перебежал к немцам сам. Семью лишали всех льгот.

Исследуя останки матроса, мы нашли крохотный пенал из пластика, в котором каждый записывал свое имя, домашний адрес и личный номер. Все это помогло разыскать архивное дело. Но уж такая участь следователя — во всем сомневаться. Пенал мог быть подброшен. Поэтому ознакомились с надписями на ремне — фамилия совпадала. В деле говорилось, что у пропавшего матроса был перелом кости ноги. Это и решило дело — матрос и найденные останки — одно и то же. Видимо, во время налета матрос укрылся в воронке. Взорвавшаяся рядом бомба контузила его и он потерял сознание, выброшенная земля заживо погребла человека.

По указанию руководства я написал письмо в деревню, где матрос жил до войны. Нашлись мать, брат и сестры. Брат приехал к нам, был принят командованием авиадивизии и забрал останки. Его сопровождал политработник дивизии.

Так на моих глазах приоткрылась еще одна страничка истории войны. Через семнадцать лет удалось восстановить доброе имя погибшего воина.

За службу в авиадивизии мне пришлось пережить несколько авиакатастроф. Однажды я сидел в помещении отдела и писал отчет о встрече с одним из моих «помощников». Работу прервал начальник:

— Разбился штурман полка. Беги на КП и забери магнитофонную пленку с записями переговоров по радио руководителя полетов и штурмана.

Руководил полетами командир полка, соратник Бориса Сафонова по войне.

Полковник был бледен и глубоко затягивался сигаретой. Я знал, что со штурманом они были друзья. За год до войны прибыли сюда, в морскую авиацию, и всю войну сражались над Баренцевым морем.

— Слетается воронье, — грубо проговорил полковник, — теперь мне крышка — уволят. Лейтенант, четвертого за два года я провожаю на тот свет! Бери пленку…

Самолет упал на виду у поселка, не дотянув до посадочной полосы метров двести. Упал в болото и перевернулся. Через

двадцать минут трактор поставил пятитонный истребитель в нормальное положение, но штурман уже был мертв. После опрокидывания самолета он потерял сознание, ударившись лбом о прицел, завис на ремнях сиденья и сдавил ими артерию на шее.

Созданной комиссии предстояло аргументированно ответить на три основных вопроса: не была ли катастрофа результатом ошибок летчика при пилотировании самолета, не случилась ли она из-за поломки двигателя, управления или приборов навигации и, наконец, не было ли здесь злого умысла?

На первый вопрос акт готовило командование авиадивизии, на второй — авиаспециалисты, а диверсионный вариант отрабатывали мы, особый отдел — в моем лице.

Я изучил магнитофонную запись, особенно участка, который касался аварийной ситуации вплоть до гибели летчика. Записи сохранил по сей день. Всего шесть минут. Триста шестьдесят секунд трагического полета.

Прослушав запись, потрясенный, я долго сидел молча. Голоса, их интонация, отдельные фразы роились в голове: «Трясет двигатель…», «Остановился двигатель…» и ударяющее по сердцу последнее «Ой, мама…» Перед глазами стояло лицо штурмана полка, всегда приветливого и жизнерадостного человека. Отличный фронтовой летчик. Несколько лет назад, спасая «МиГ» с остановившимся двигателем, остался жив. Тогда его наградили золотыми часами, он с гордостью показывал их мне. А нынче не получилось. Но почему? Да, проволочка с посадкой, растерянность руководителя полетов, его нечеткость в управлении ситуацией, о чем рассказывала магнитофонная запись.

Если бы были убраны шасси, то самолет, попав в болото, не перевернулся бы. Ох, уж это «бы». Шасси убрать — несколько секунд. Их-то у штурмана и не было.

Случаи остановки двигателя в воздухе было основным злом в эксплуатации «МиГов». Заводской брак. Уже работая в разведке, приходилось ставить источникам задание по технологии изготовления надежных лопаток для турбин реактивного двигателя — и через пять, и через десять и даже двадцать лет.

Лопатка турбины отрывалась и попадала между вращающимися частями двигателя, разрушая его. Так случилось и в этот раз. Двигатель остановился, до посадочной полосы не хватило 2–3 секунды.

Из того времени память приносит радостное и трагическое, доброе и злое. Но я не хотел бы иметь память, которая создает атмосферу только спокойствия и умиротворения. Если есть Бог, значит, есть и дьявол. Такова уж доля людей — жить в добре и

зле. Пусть все будет при мне всегда — это жизнь, а она многогранна. Не хочу забывать. И не могу!

Выстрел «Печального»

Профессионализм — это как умение плавать или ездить на велосипеде: или он есть, или его нет. Мой профессионализм инженера-артиллериста пригодился в более чем трагической ситуации.

В тот день были обычные учебные стрельбы. Ясная погода для летней поры — роскошь для северного края. Погода помогала новичкам из летчиков — их специально «обкатывали» в такую погоду. Во время полетов я старался быть на стоянке среди летчиков и техников. В этом была оперативная необходимость: общение создавало эффект привыкания к «особисту», восприятие его как своего коллеги по службе, эдакого доброго парня, интересного собеседника. И еще — короткие встречи с «помощниками».

В полдень со стороны Большого аэродрома донесся глухой взрыв. Расстояние в пять километров приглушило его, но как артиллерист я оценил его мощность — сильный, не похожий на разрыв снаряда или бомбы, даже цистерны с горючим. Взрыв распался на несколько более слабых. Из-за сопок возникло зарево, заметное даже в свете солнечного дня. Похоже, что-то случилось с самолетом авиации дальнего действия.

Я пошел в отдел — так всегда бывало в случае ЧП. Начальник отдела, как никогда, был мрачен:

— Только что сообщили: на взлете взорвался «ТУ-16».

— Да у них же сегодня должны были быть полеты на Дальний Восток. Беспосадочные. Это десять тысяч километров!

Я ужаснулся: на борту тринадцать человек экипажа, полная бомбовая нагрузка, боекомплект, а главное — полный запас горючего… Теперь я понял, почему было несколько взрывов: в первую очередь горючее в воздухе, а затем боезапас на земле.

— Ты будешь включен в комиссию от нашего отдела, — донесся до меня голос начальника. — А пока нацель-ка своих «помощников» на отношение летчиков, техников и штабистов к этому событию. Вдруг что-нибудь всплывет?

Несколько дней в радиусе до десяти километров собирали останки «ТУ-16» и погибшего экипажа: летчиков, штурманов, бортинженеров, радистов… Куски самолета выкладывали в огромном ангаре в точном соответствии с месторасположением их в целом самолете. Каждый кусок и деталь тщательно осматривались всеми членами комиссии.

Мое внимание привлекла плоскость крыла. Странно: в ней круглое рваное отверстие, похожее на пробоину от снаряда

малокалиберной пушки калибра тридцать семь миллиметров. Нападение вражеского самолета? Абсурд. Свой зенитный огонь? Но это может быть только умышленно или — случайный выстрел. Эту версию нужно проверить. И, наконец, свой истребитель, на вооружении которого стояла именно такая пушка. Но откуда? Да, «мои» обстреливали полигон, но это совсем в другой стороне от Большого аэродрома. А если на пути перелета из зоны к аэродрому? Все придется тщательно проверять.

Главе комиссии я высказал свое мнение о пробоине от снаряда. Тот посмотрел на меня с удивлением, но согласился осмотреть находку, пригласил эксперта по вооружению. Тот не без сомнения подтвердил: отверстие похоже на пробоину.

Коллеги на Большом аэродроме проверили средства противовоздушной обороны. Случайного выстрела из зенитного орудия не было.

Один из моих «помощников» обратил внимание на летчика, который после злосчастного дня вел себя не так, как обычно: сильно нервничал в этот и последующие дни.

Сидя на валуне среди сопок километрах в полутора от поселка, мы беседовали с «помощником», опытным летчиком и пытливым человеком.

— Нервозность появилась, когда стало известно о гибели «ТУ-16»? — спросил я.

— Да, ходит сам не свой. Что-то терзает парня…

— Что о нем известно?

— Летчик молодой, первогодок. Дисциплинированный и старательный. Авиацию любит, профессией гордится, из семьи летчика-фронтовика…

— Может быть, что-либо не так дома, с девушкой?

— И это узнавал: все в порядке. Главное, что настораживает: как говорится, вчера — спокоен и весел, а сегодня, после гибели бомбардировщика, — скис, подавлен…

Мы оба чувствовали, что между летчиком и бомбардировщиком есть какая-то связь. Проверили даже, может, был друг среди погибших? Не подтвердилось. Из этого экипажа он никого не знал.

В отделе подняли личное дело со спецпроверкой этого летчика, которому я дал псевдоним «Печальный». Родом из Пензы, из семьи летчика, из школы и училища — положительные характеристики: честен, принципиален и в одном месте совсем не стандартное — совестливый.

Был у меня среди старших механиков «помощник» и среди оружейников — еще один. И тот и другой имели постоянные контакты с «Печальным». Одного я поймал в столовой, другого

поджидал у склада с боеприпасами. Оба подтвердили черту характера «Печального» — его совестливость, приведя по нескольку примеров.

С начальником мы пришли к выводу: нужно провести с «Печальным» открытую беседу, в ней может вскрыться неожиданная сторона дела. Совпадения — вещь редкая. На беседу пошли вместе. Чтобы создать атмосферу доброжелательности, «Печального» к себе вызвал начальник политотдела дивизии, которого, правда, мы в детали наших предположений не посвящали.

Я видел этого летчика не раз в полку: стройный и подтянутый, симпатичный лейтенант. Но теперь он выглядел потухшим, без былой молодцеватости довольного жизнью человека. Глаза глубокие с затаенной болью. Но держал себя в руках, не торопясь присел на стул.

Никто не хотел торопить разговор, тяжелый для обеих сторон. Вздохнув, говорить стал начальник политотдела:

— Лейтенант, вас что-то угнетает? Все ли в порядке у родителей?

— Спасибо, дома все хорошо…

В разговор вступил мой начальник:

— Может, поговорим о последних полетах? Вы не удовлетворены стрельбой на полигоне?

— С полигоном все в порядке, — тяжело промолвил летчик. — А вот с тем, что было перед взлетом…

«Печальный» обвел нас взглядом мучительно боровшегося с собой человека. Пытливо, как бы ища поддержки, он вглядывался в каждого из нас. Сознаюсь, в тот момент мне показалось, что парень хочет что-то скрыть от нас. Но в его взгляде не было страха. Только боль. Позднее я понял, что молодой человек оттягивал минуту, когда он перейдет грань, за которой уже не будет морального права быть невиновным.

— Вы знаете, что перед вылетом на полигон нужно отстреливать оружие, — он медленно подбирал слова. — В тот день меня поторапливали с КП: чтобы полку уложиться в срок полетов, всех подгоняют…

До меня начало доходить: а не было ли зловещего совпадения — пребывания летчика у капонира для опробования оружия и взрывом на бомбардировщике? Вот что нужно было проверять на магнитофонной записи: время.

«Печальный» продолжил:

— Торопясь уложиться вовремя, я не докатил самолет до контрольного флажка, от которого должен был произвести выстрелы в капонир, в глубине капонира поднялось облако пыли.

Я понял, что снаряды легли в песок этого укрытия. Когда узнал о гибели «ТУ-16», то вспомнил именно флажок… — Летчик надолго задумался, видимо, преодолевая мучавшие его глубокие сомнения. Потом решительно и жестко сказал: — Мой снаряд сбил бомбардировщик. Я сбил своего. Думаю, что один снаряд из пушки ушел в сторону Большого аэродрома… Мой снаряд.

— Но вы ведь видели пыль в капонире? — спросил я.

— Когда я развернул машину в сторону взлетной полосы, она накренилась на правое колесо. Я это вспомнил позднее и понял: при выстрелах колесо передней стойки стояло на бугре. Трасса пулеметов вошла в капонир, а снаряд из пушки — выше него…

На парня было страшно смотреть. На наших глазах он стал меньше ростом, окаменевшее лицо потемнело, и черты обострились. Больше он в глаза нам не смотрел.

После следственного эксперимента комиссия сделала вывод: причиной гибели бомбардировщика стал снаряд, выпущенный из пушки «МиГа», управляемого «Печальным». Обвинение ему предъявлено не было. При поддержке Особого отдела и политотдела командование предоставило «Печальному» долгосрочный отпуск на лечение. Через много лет я встретил на Дзержинке своего бывшего, по Северу, начальника. Он рассказал, что «Печальный» поправился, но летать так и не смог. Из авиации он уволился.

Моя душа не ликовала от удачи в этом расследовании. Было грустно. Единственным утешением было то, что подобная история больше не повторится.

А капонир перенесли на сторону, противоположную Большому аэродрому.

Недолгая служба в Особом отделе дала мне достаточно примеров полезности моей работы в этих органах. Меня и раньше не мучили угрызения совести от того, что я связал свою жизнь с всемогущественным ведомством, прошлое которого было далеко не безупречным. А теперь тем более.

Глава 2
«Снаряд» против КОКОМ

«Гридневка»

Летом 1959 года меня вызвали в кадры Особого отдела Северного флота и приказали срочно выехать в трехдневную командировку в Москву.

Через несколько дней я входил в помещение приемной Комитета госбезопасности на Кузнецком мосту. Там было малолюдно. Моя черная морская форма резко контрастировала со светлыми летними гражданскими костюмами.

К этому времени три моих товарища по учебе в военно-морских училищах Ленинграда, контрразведывательной школе и затем сослуживцы по Северу тоже прибыли в Москву. Нас приняли на площади Дзержинского в 10 отделе Первого главного управления. Отдел этот впоследствии стал основным подразделением научно-технической разведки.

Талантливый разведчик, отличный организатор и большой поклонник нового Валентин Васильевич Рябов побеседовал с каждым из нас. После встречи с руководством Главка он посоветовал нам забыть о военной форме и ходить только в штатском.

Сдав дела в своих особых отделах и отгуляв отпуск, в конце августа в группе будущих слушателей мы выехали на автобусе к месту учебы под Москвой. Только по названиям улиц мы догадывались, что едем в восточном направлении. Проскочив какой-то поселок, автобус свернул налево с трассы Москва-Горький.

Высшая разведывательная школа — единственное в своем роде учебное заведение — располагалась на территории в несколько гектаров. «Гридневкой» она звалась по фамилии начальника школы генерала Всеволода Васильевича Гриднева. Здания просматривались среди вековых сосен и елей. Все здесь напоминало Дом отдыха. Не вписывалось в общую картину лишь новое здание учебного корпуса.

С каждым прибывшим побеседовал начальник факультета капитан 1-го ранга Визгин, начальник курса и руководители учебных отделений. Вместо своих фамилий мы получили псевдонимы. Поскольку в тот момент в школе была мода на флотоводцев, среди моих товарищей по курсу оказались «Ушаков», «Истомин», «Сенявин», а из «североморцев» — «Корнилов» и я, «Макаров». В эту плеяду не попали два наших товарища по Северному флоту — их имена начинались на «П» и «Т», а имен знаменитых адмиралов на такие буквы не нашлось.

Уже во время учебы по здоровью был отчислен «Корнилов» —

мой однокашник по военно-морскому училищу. Однако через несколько лет он все же пришел в Главк и не одно десятилетие работал по линии оперативной техники. После окончания учебы исчез из поля зрения «Сенявин». Встреча с ним произошла в ПГУ в середине восьмидесятых, когда он возвратился на родину после двадцатилетней работы за рубежом в нелегальных условиях.

В школе был основной факультет, на котором вместе занимались слушатели всех направлений разведки — политической, научно-технической и контрразведывательной.

Жили мы по два-три человека в комнатах двухэтажных домиков. В них было чисто и уютно. Опрятные ковровые дорожки, занавески на окнах в маленьких, на несколько человек, фойе, картины с русскими ландшафтами на стенах.

Весной и летом слушатели в тенистых аллеях и на глухих тропинках зубрили язык, зимой быстро перебегали из дома в дом на очередные лекции, семинары, практику, самоподготовку. В многоэтажном кирпичном здании располагались аудитории и классы по спецдисциплинам, страноведению, основам марксизма-ленинизма. Здесь же находились волейбольно-баскетбольный и актовые залы.

Домики были отведены под жилые помещения слушателей первого и второго курса основного факультета и факультета усовершенствования. Двухэтажный дом, напоминающий небольшую сельскую школу, был предназначен для языковой кафедры и классов. Там же находился фонд языковой библиотеки и маленький уютный зал на пятьдесят человек для лекций и общественной работы.

Одно время моим соседом по комнате был эстонец под школьной фамилией Палей. Его оперативная биография начиналась в пятидесятые годы в лесах и болотах Прибалтики, когда чекисты гонялись за вооруженными группами националистов. Несколько замкнутый, но добродушный в общении прибалт в учебе был сосредоточен и трудолюбив. Трудно ему давался английский язык, особенно произношение — он и по-русски говорил с сильным акцентом. Мы подшучивали над его частыми заменами «п» на «б» и «з» на «с».

Для разминки произношения перед языковыми занятиями мы придумали для Палея сложную фразу, позволяющую контролировать глухие и звонкие звуки. Первое время в его устах она звучала так: «Балей цитает Аббулея “Солотой озел”». В переводе на общедоступный язык это означало: «Палей читает Аппулея “Золотой осел”». Как ни странно, но эта трудная для эстонца скороговорка помогла ему в освоении английского и налаживании русской речи.

Начальником курса был опытный разведчик Михаил Михайлович Юрьев или, как мы его звали за глаза, «Мих-Мих». Он частенько принимал на себя замечания начальника школы, когда отпускал слушателей в город в неположенные для этого дни.

Руководитель учебного отделения, Борис Николаевич Журавлев, человек большого спокойствия и выдержки, начинал свою чекистскую деятельность в фашистской Германии и был активным участником вызволения советских сотрудников из этой страны в тревожные первые дни войны. Ему мы обязаны важным для разведчиков правилом: любые увлечения могут быть использованы в практической работе с иностранцами.

В школе многие начали собирать марки, чему способствовали приходящие в школу сотни газет и журналов из десятков стран всех континентов. Участие в драмкружке и постановки на сцене любительского театра рассматривались как серьезное подспорье в оперативной подготовке.

Поощрялось и увлечение живописью. Многие часы провел я за самодельным мольбертом, наедине с замыслами, красками и кистями. Со временем тяга к живописи превратилась в глубокое увлечение всем, что затрагивает этот вид искусства: сотни книг-биографий художников, мемуары из различных времен, альбомы и открытки репродукций, каталоги и проспекты с выставок и галерей многих городов Союза и стран мира… В разной степени все это пригодилось в оперативной работе.

Много времени слушателя проводили на кафедре спецдисциплин: разведки и контрразведки, оперативной техники. Спецкабинет, организатором и хранителем которого был энтузиаст своего дела Дмитрий Петрович Заложный, редко пустовал. Основные пособия — таблицы, схемы изготовлялись слушателями. До позднего вечера трудились слушатели в мастерской при спецкабинете над изготовлением контейнеров[4] к практическим занятиям в городе.

Другим местом паломничества в школе был кабинет страноведения. Это направление оперативной подготовки возглавлялось эрудированным и мягким Василием Иосифовичем. Кабинет был оформлен слушателями нескольких поколений под его руководством. Василий Иосифович прекрасно рисовал и чертил, виртуозно разрабатывал плакаты — наглядные пособия. Карты, схемы, планы столиц мира, уголки природы на картинках или открытках представали перед слушателями. Здесь можно было увидеть и подержать в руках буклеты, монеты и марки из разных стран, железнодорожные билеты, наборы открыток, экзотические бытовые вещи и сувениры из Европы, Америки, Азии

и Африки. Василий Иосифович сам побывал в нескольких странах и умел красочно поведать об увиденном, услышанном и прочитанном.

Закрепленный за английским направлением, я изучал Лондон, нанося на немую карту-схему города основные правительственные, военные, общественные и культурные объекты.

Городские занятия проводились кафедрой, где курс наружного наблюдения читал Нисский. Моим первым преподавателем сложной работы в городе в условиях противодействия контрразведки противника был Игорь Александрович Ругажин. После работы с наставником по наружному наблюдению у нас не возникало желания упрощать свои действия под НН, например, в виде проверочных манипуляций с завязыванием шнурков или «фотографированием» исторических памятников аппаратом без пленки.

Уже работая в резидентурах, я не только помнил наставления по работе с фототехникой — мне даже слышались характерные интонации голоса Павла Герасимовича Ерагина, нашего строгого наставника. Он пресекал малейшую попытку уклониться от «железных» рамок подготовки и проявления фотопленок или изготовления микроточек.[5]

Зимними вечерами в фойе жилых домиков появлялся скромного вида человек с мягкой улыбкой. Это был Василий Михайлович Зарубин, выдающийся разведчик прошлых лет. Сняв пиджак и оставшись в серой шерстяной кофте не первого года носки, он делился с нами воспоминаниями о закордонной работе, житейскими премудростями.

С его помощью мы заглядывали в столицы стран западного мира глазами опытного, наблюдательного и пытливого человека. Перед нами раскрывались не оперативные хитрости, а труд разведчика-нелегала, нелегкий и увлекательный. Естественно, мы при встречах обсуждали и уточняли отдельные эпизоды из секретных воспоминаний Зарубина, которыми зачитывались, нарушая режим дня и ночи.

С упоением отдавались военно-физической подготовке: легкая атлетика, баскетбол и волейбол, купание в местном озере, лыжные гонки… Частенько в азарте футбола на задворках школы мяч улетал за забор. Вслед за ним лез виновник. Иногда мяч возвращался сам собой вместе с криком: «Получайте, дяденька-шпион…»

Фразу «А вот у нас в деревне Гридневка…» я слышал во многих подразделениях разведки, где работали мои коллеги и однокашники по школе. И, что греха таить, даже на всех

континентах мира, правда, со всеми мерами предосторожности.

В сентябре шестьдесят первого года трое из «североморцев» были направлены в 10 отдел ПГУ для работы по научно-техническому направлению разведки.

Линия «Икс»

В первых числах сентября я поднялся на восьмой этаж штаб-квартиры внешней разведки КГБ на Дзержинской площади в качестве постоянного сотрудника отдела, известного как научно-техническая разведка — НТР.

В шестидесятые годы здание занимали несколько управлений: первое — разведка, второе — контрразведка, третье — военная контрразведка и так далее. Один из этажей оставался за пограничниками. В соседнем здании размещались хозяйственные и вспомогательные службы, партийный и профсоюзный комитеты и отличная библиотека, заполненная в значительной степени книгами, конфискованными при арестах.

Здания носили ставшие привычными названия «дом один» и «дом два».

Разведка занимала основную часть «дома один». Подъезд для сотрудников НТР был пятым или шестым со стороны улицы Кирова. Правда, войти можно было и через любой другой, но это более длинный путь — здание занимало целый квартал. Переходы из корпуса в корпус, принадлежащих разведке, контролировались службой внутренней охраны.

Широкие коридоры, крепкие, добротно сработанные двери кабинетов, винтообразные лестницы и просторные лифты, в чем-то таинственный двор: там можно было увидеть знаменитые «воронки» — крытые автомобили для перевоза арестованных и заключенных, вооруженную автоматами охрану.

Отдел НТР занимал около семидесяти комнат, начиная с номера 800. Разведывательные задачи НТР были сформулированы в документах ЦК КПСС и Совета Министров СССР и сводились к добыванию секретной информации о тенденциях развития, новых достижениях науки и техники, технологии производства на Западе и образцов — все это для оборонных целей.

Возглавлял НТР Леонид Романович Квасников, организатор активного противодействия запретным санкциям Запада на доступ моей страны к передовым технологиям. Во главе запрещающих государств стояли Соединенные Штаты, подчинившие своим интересам Англию и Францию, ФРГ и страны Бенилюкса, Италию и даже Японию.

Нужно было «взломать» преграды КОКОМ — комиссии по контролю, ибо мир становился все более безумным в гонке вооружений — ядерных, химических, бактериологических. Таковы были главные условия «холодной войны».

НТР набирала силу, уже доказав стране свою значимость в

деле создания отечественной атомной бомбы. Именно разведка нашла аргументы для развенчания определения кибернетики как «гулящей девки империализма» по трактовке марксистов-догматиков. В момент отрезвления от идеологического угара разведка преподнесла нашим полуподпольным кибернетикам воистину драгоценнейший подарок — тысячи фотопленок с секретными работами американских ученых. Стратегия нашей науки и техники была в поле зрения Квасникова.

Когда я пришел в НТР, она была представлена в шести ипостасях, осмысленных и выстраданных Квасниковым как основные направления по проникновению в секреты Запада: ядерное, авиакосмическое, электронное, медицинское, так называемая «разная техника» и, наконец, химическое, в которое определили и меня.

Было еще одно направление, информационное — для разработки разведывательных заданий и реализации добытых материалов в организациях и ведомствах, выступавших под именем «заказчик». Главным из них была могущественная военно-промышленная комиссия, которая анализировала интересы научно-исследовательских институтов и заводов оборонных отраслей промышленности, тщательно сортировала заказы и, выделив деньги в иностранной валюте, спускала разведывательное задание главе и идеологу НТР.

Леонид Романович Квасников пришел в разведку во второй половине тридцатых годов, оставив блестящую карьеру ученого-химика, специализировавшегося по взрывчатым веществам. В годы войны он возглавлял резидентуру НТР в Нью-Йорке, которая решала задачу проникновения в «Манхэттенский проект» — создание американскими и другими учеными Запада первой атомной бомбы. Один из активных помощников Квасникова по «атомному шпионажу» и теперь в НТР был Владимир Борисович Барковский.

В годы войны Барковский работал в Лондоне и под гитлеровскими бомбами добывал информацию по атомным секретам. Он получил образцы военной техники, которую союзники тщательно скрывали от Красной Армии. К примеру, новейший радиолокационный прицел для бомбометания. Позднее в США работал по кибернетике и авиакосмической проблематике. Коллеги из других подразделений называли нас «иксами», то есть работниками линии «Х», а мы их — «ПР» — политическая разведка или «КР» — внешняя контрразведка. Откуда появилось название «Х» в секретной переписке между резидентурой и Центром? Об этом ходили разные версии.

В переписке разведывательную линию НТР обозначали

значком «Х». В левом верхнем углу писалось: «№ 121/Х от 23.02.61 года», то есть номер оперативного письма по линии НТР и дата. Якобы «Х» выбрал сам Квасников, исходя из Х-лучей Рентгена. Образно говоря, разведчики «просвечивают» чужую информацию. Но, возможно, это и дань плодотворной работе Квасникова в области химии.

В резидентуре за рубежом мои коллеги шутливо обращались ко мне:

— Ну, что ты еще там «нахимичил»? Вы, «иксы», неизвестно чем занимаетесь. То ли дело у нас: политическая информация — каждому ясно. А вы? «Химики» неизвестно чего, извините за выражение…

Направление химии или «группа химии» занимала в отделе кабинеты с 843 по 849. Здесь работали сотрудники — кураторы по всем развитым странам мира. Деление было условное — по языковому принципу. Англоязычные — США, Англия, Япония; франкоязычные — Франция, Бельгия и другие; «немцы» — ФРГ, Австрия, Швейцария и примыкающие к ним скандинавские страны. Другие континенты равномерно делились между основными странами. В моем ведении находились Англия, Израиль, Япония и несколько стран Латинской Америки. На США «сидел» отдельный сотрудник. Он же занимался сопредельными Канадой и Мексикой.

Личные дела разведчиков, работавших за рубежом, находились в моем сейфе. Выяснилось, что в Израиле работает Герой Советского Союза, участник войны, а в Англии в основном сотрудники, которые впервые выехали за рубеж.

Мне предстояло получать присланную из резидентур почту, изучать ее, отвечать на вопросы, предварительно согласовав ответы с руководством, проверять иностранцев по учетам на предмет их возможной связи с контрразведкой противника. Я готовил предложения по активизации работы с иностранцами, разрабатывал разведывательные задания, исходя из возможностей зарубежных источников.

Задания, по которым работали разведчики за рубежом, касались технологии переработки нефти, нефтехимии и химии и продукции на их основе. В то время наши военные заводы нуждались в сведениях по изготовлению специальных смазочных материалов и пластмасс, термостойких синтетических каучуков, а из ярко выраженных технологий для «оборонки» — твердых ракетных топливах, отравляющих веществах и образцах химико-бактериологического оружия.

Меня поразила слабая, на мой «контрразведывательный» взгляд, конспирация. Три сейфа, заполненные оперативными

делами, обычно были открытыми, на столе громоздились и оперативные письма и шифртелеграммы. Возглавлял нашу троицу в кабинете старший оперуполномоченный Василий Васильевич, который вел переписку с Лондоном и руководил работой Володи, куратора по США и Франции. Василий Васильевич, или «ВВ», имел опыт, работы в Англии, а Володя готовился выехать во Францию. Когда наступала пора отпусков, вся работа по странам ложилась на оставшихся двоих — о какой конспирации могла идти речь.

Володя выехал во Францию. Пришедшая вскоре после этого шифртелеграмма из Парижа ошеломила меня: Володя в срочном порядке возвращался из командировки, к которой готовился не один год. Мы терялись в догадках. Выдворение? Не похоже — он еще не успел «наследить» перед контрразведкой противника. Провал агента? Володя еще никого не принял на связь за несколько дней. Причина оказалась банальной: алкоголь. В компаниях я никогда не видел Володю пьяным. Крупного телосложения мужик, он умел выпивать. И все же его подвела далеко не лучшая традиция отмечать прибытие нового коллеги выпивкой. Володя тщательно скрывал свой старый недуг — облучение во время работы в исследовательском институте радиационной химии. Нервное напряжение переезда, акклиматизация и алкоголь сделали свое дело: могучий на вид человек потерял сознание на улице в сотне шагов от дома. А далее — полиция.

Все бы ничего, но при себе он имел записную книжку, в которую, вопреки всем правилам конспирации, внес имена, адреса и телефоны перспективных для разведки иностранцев. Последнее и решило его судьбу: из КГБ Володя был уволен. А ведь он любил поучать меня, новичка в разведке, на примерах разъясняя правила конспирации и обращения с секретными документами…

На работу я ходил, как на праздник, за час до начала рабочего дня. Как-то утром, освобождая кабинет для уборки, я прикрыл сейф и, стоя на пороге, слышал ворчание уборщицы, особенно заметное, когда она дошла до стола «ВВ», заваленного нужными и ненужными предметами и бумагами.

— Что-то не так? — спросил я.

— Молодой человек, я лет двадцать работаю здесь и убираю по утрам два десятка кабинетов. Раньше народ здесь был аккуратнее, столы так не заваливал. А ведь каждую вещь нужно поднять, протереть. Эх вы, сотрудники госбезопасности…

Мне эта женщина преподнесла урок уважения к чужому труду, а главное — позволила взглянуть на себя со стороны. И

теперь, спустя тридцать лет, когда я отсутствую, на моем столе нет ничего кроме лампы.

Стихией «ВВ» был вечный поиск «исчезнувшей» со стола бумаги. Он вечно спрашивал меня: «А ты не брал?..»

Однажды я увидел «ВВ» особенно озабоченным. Он уже отчаялся найти что-то в бумагах на столе и копался в сейфе.

— Слушай, Анатолий, кажется, у меня ЧП. Пропала фотопленка с почтой из Норвегии. Всего пять кадров — это меньше десяти сантиметров. Давай искать…

Часа через три, когда мы просмотрели по листику все дела, которые доставали из сейфа в этот день, «ВВ» сказал:

— Сейчас два часа дня. В пять пойду сдаваться на милость руководства. Ведь почту еще никто не видел, даже я не просмотрел. Видимо, придется запросить шифровкой Осло и попросить повторить высылку.

В кабинет заглядывали соседи, но, видя наши расстроенные лица, в расспросы не вступали. Шумно ввалился отпускник из США. Он был явно настроен на веселый лад.

Его все звали Исидорычем — такое у него было отчество. Он воевал артиллеристом и за бой с немецкими танками получил звание Героя Советского Союза. После войны окончил химический институт, стал кандидатом химических наук и весьма успешно работал в этой области в составе нью-йоркской резидентуры. В обращении был прост и приветлив.

— Орлы, что это вы кислые такие? Не узнаю «химиков».

«ВВ» рассказал историю с фотопленкой. Исидорыч прочно уселся на стул и хитро посмотрел на нас.

— Ну, в ваших поисках я участия принимать не буду — жалко мой светлый костюм. Но историю из личной жизни расскажу, может быть, она вам что-либо подскажет.

Мы посмотрели на коллегу, как на шутника и спасителя одновременно — чем черт не шутит…

— Так вот. Год назад получил я почту из Центра — тоже кадров пять-шесть. Положил фотопленку на стол, а через минуту там ее не оказалось. В резидентуре я был один, все прибрано в железные столы и шкафы, но… Стал восстанавливать все свои действия от момента, когда ее видел в последний раз, до пропажи. Получилось менее минуты. Понимал, что она где-то здесь…

Исидорыч сделал паузу и произнес три слова:

— Кондиционер, фотопленка, шляпа. Вот эта — мягкая, фетровая…

— Что «шляпа»? Не мучай, Исидорыч, говори яснее! — начал кипятиться «ВВ».

— Дело-то оказалось в шляпе! Воздушным потоком от кондиционера фотопленку занесло… Куда?

— В шляпу! — радостно воскликнули мы.

— Не в шляпу, а за шелковую ленту на шляпе. Фотопленка была обнаружена в щели между стеной и полом.

Через тридцать лет, уже на пенсии, я узнал, что портрет Исидорыча и его Звезда Героя были убраны из Кабинета истории разведки в новом здании штаб — квартиры СВР на юго-западе Москвы. В открытой печати появились статьи об Исидорыче, который в списках агентов ЦРУ значился под именем «Федора».

— Слушай, Анатолий, из Брюсселя пришла шифровка. Нужно срочно проверить по учетам Центра некоего бельгийца, на которого вышел наш сотрудник. Брюссельская резидентура назвала этого человека «Морисом».

Президент небольшой специализированной фирмы по производству высокотемпературных масел на силиконовой основе дал согласие передавать некоторые документальные сведения по их изготовлению. Естественно, за приемлемое вознаграждение. В шифровке были намеки и на другие перспективные возможности источника, о чем Брюссель сообщит дополнительно в оперативном письме. Давались имя и адрес жительства «Мориса», его место работы, год и место рождения.

В учетно-архивном отделе разведки я сделал справку из дела.

Главное было в том, что имя «Мориса» увязывалось с убийством «Старика». «Морис» передал свои личные документы некоему Рамону Меркадеру, который использовал их для выезда в Мексику. Там Меркадер проник в дом к «Старику» и убил его. В деле говорилось, что в сороковом году «Морис» был арестован и проходил по судебному делу о гибели «Старика», но отрицал факт передачи документов Меркадеру, сказав, что они были утеряны в начале сорокового года. О пропаже документов «Морис» заявлял официально. После оккупации Бельгии немцами он по тому же обвинению оказался в концлагере, где провел все годы второй мировой войны.

— Это о каком же «Старике» идет речь? — спросил сам себя «ВВ». — Ведь «Старик» — это Ян Берзин, чекист и руководитель ГРУ. Это — и псевдоним Ленина. Берзина расстреляли в тридцать седьмом. А «Старик», которого убили в Мексике, может быть только… Троцкий. Да, несомненно, речь идет о нем.

Озабоченный «ВВ» пошел докладывать руководству. Вернувшись, бросил:

— Срочно готовь в Брюссель шифровку. Работа с «Морисом» запрещается. Даже любые контакты. О выходе на него доложено руководству разведки.

— Но ведь он согласен работать с нами…

— Чудак-человек, все, что связано с «делом Троцкого», — табу.

История с «Морисом» научила меня уважать архивную службу. Как бы я ни был занят и не торопил события, не начинал работы с иностранцами без проверки по специальным учетам разведки и контрразведки, а иногда и ГРУ. Это «золотое правило» работающих в разведке помогло мне избежать напрасной траты времени. В архиве я находил сведения, которые ускоряли разработку иностранца с целью привлечения к сотрудничеству, но бывали и сведения, которые заставляли нас бросать работу с ним. Обычно это было связано с контактами иностранца со спецслужбами противника.

В случае с «Морисом» главная опасность таилась в том, что он был в поле зрения бельгийской контрразведки как человек с коммунистическим прошлым. И как ни было жаль расстаться с его возможностями по добыванию секретной информации научного и технического характера, строгие правила безопасности разведывательной работы с источником не позволяли продолжить с ним контакт. Нарушение могло привести к серьезной провокации против разведчика, развязыванию кампании шпиономании в стране, тем более что был повод показать миру террористические методы советской разведки в тридцатые и сороковые годы.

Более удачным было дело с бразильским бизнесменом, прозванным мною «Эмигрант». Мой коллега, работающий под прикрытием Внешторга, побывал на промышленной выставке в Рио-де-Жанейро. Несколько месяцев работы в этом городе по линии НТР позволили ему завязать контакты с интересующими нас специалистами. Среди них был «Эмигрант» — владелец исследовательской фирмы, специализирующейся на нефтехимии.

В архиве я погрузился в дело из тридцатых годов, когда начались преследования людей из Коминтерна. Сотни их были выдворены за пределы СССР и многие оказались в лагерях ГУЛАГа. По отцу «Эмигрант» был латыш. Его в одночасье вместе с женой и дочерью отвезли к финской границе и выставили за рубеж. Обвинение было стандартным: связь коммуниста-латыша с «врагами народа». Шел тридцать седьмой год.

«Эмигрант» сам нашел моего коллегу-разведчика и предложил регулярно передавать ноу-хау по нефтепереработке и производству химического сырья.

— Понимаешь, Анатолий, — говорит коллега из Внешторга, — я ему поверил сразу. Ты бы посмотрел в его глаза… Они светились неподдельной радостью от встречи с советским

человеком.

— А безопасность? — по-книжному бросил я. — Может быть, он в обиде на советскую власть за выдворение из Союза.

— Он говорил другое: если бы не отъезд из Союза, его могли бы отправить за колючую проволоку. В Бразилии он стал бизнесменом, развернул свое дело и весьма доходное, пережил войну.

— Вот спокойствие, сытость и настораживает, — не сдавался я. — Почему он воспылал желанием иметь с нами контакты?

— Советский Союз он считает своей духовной родиной, относит время революционных перемен в России к лучшим годам своей жизни. Для нас это уже не мало.

В те почти два года, которые я провел в стенах НТР до отъезда в Японию, «Эмигрант» регулярно передавал нам объемные материалы из секретных сейфов американских фирм, среди которых «Шелл» и «Стандарт ойл». Информация шла в фотопленках, которые я просматривал и составлял опись. Затем они передавались как секретные материалы в министерство нефтехимии или химии. И делал всю эту работу «Эмигрант» безвозмездно, на идейно-политической основе.

К концу года «ВВ» и я вели оперативные дела резидентур по химическому направлению в США, Канаде и Мексике, Англии и Франции, Японии и Израиле, по Бразилии, Бельгии и некоторым другим странам.

В Канаде представитель НТР был в единственном числе. Он тщетно бился над получением сведений о характере работ исследовательских центров Министерства национальной обороны Канады. Особенно нас интересовали направление и объем работ по контрактам со странами НАТО, в первую очередь с США и Англией.

Из Мексики поступала обширная информация из нефтяной области, из Англии — по специальным материалам: пластмассам, смазкам, покрытиям и каучукам для нужд авиационной техники.

Информация из Франции и Израиля поступала, главным образом, по твердым ракетным топливам. Парижская резидентура сообщала об исследованиях во французских центрах в этой области. Но это было «кое-что», а вот основные материалы, идущие из Франции, принадлежали американским фирмам. Причем не только по контрактам с министерством обороны США — мы чувствовали, что французы ведут научную и техническую разведку против своего партнера по НАТО. Французы добывали эти материалы для себя, а наш источник из аэрокосмического исследовательского центра Франции передавал их копии советской разведке. То же самое происходило с

разведывательными возможностями нашего источника в Израиле.

История «атомного шпионажа» еще не стала достоянием гласности в моей стране. Мы стыдливо отрицали участие советской разведки к похищению секретов создания американцами атомной бомбы. И это в то время, когда в судебном порядке такое участие было доказано и воробьи на крышах всего мира уже чирикали о роли нашей разведки в создании отечественной атомной бомбы. В начале шестидесятых годов мы уже имели собственную бомбу оригинальной конструкции и водородную не менее оригинального решения. Но над «атомным шпионажем» витала тень загубленных жизней супругов Розенберг, которые не признали себя виновными в хищении атомных секретов и отрицали связь с советской разведкой. Это стоило им жизни. Они мученически приняли смерть на электрическом стуле.

Постепенно я узнавал от своих коллег о роли нашей разведки в проникновении в «Манхэттенский проект» и участии в этой беспрецедентной акции нашего начальника Квасникова, его помощника Барковского и затем пришедшего в отдел Анатолия Антоновича Яцкова.

Квасников любил беседовать с теми, кто непосредственно вел оперативные дела разведчиков за рубежом. Поэтому вызов к нему меня не насторожил. В назначенное время я был у кабинета 802, откуда направлялась и материализовывалась работа НТР.

Кабинет был в меру просторен и удобен для работы: широкие окна, большой дубовый стол еще дореволюционной выделки с набором канцелярских инструментов на нем. Вдоль стены — просторный книжный шкаф, в основном со справочной литературой. На стенах таблицы и графики со значками, понятными только посвященным. Хозяин кабинета — худощавый, симпатичный человек с проницательным взором и доброжелательной улыбкой.

— Садитесь, — указал Квасников на стул. — Как обживаетесь на новом месте?

Это был мой первый вызов к руководителю, и я, весь подтянувшись, коротко изложил свои впечатления. Глаза Квасникова светились живым интересом к собеседнику. Зная его нетерпеливую конкретность в беседах, я приготовился отвечать на вопросы коротко и четко.

— А знаешь ли ты, Анатолий, — Квасников перешел на «ты», чем очень меня удивил, — мы с тобой коллеги: на гражданке и твоим и моим делом были боеприпасы, а точнее — взрывчатые вещества и пороха.

Невысокая крепкая фигура прохаживающегося по кабинету

временами вспыхивала облачком искристых седых волос, когда голова оказывалась против солнечного света, обильно льющегося в окна восьмого этажа.

Я был весь внимание. Но ни волнения, ни тревоги от общения с руководителем я не испытывал — атмосфера в кабинете была более чем доверительной. И создал ее за считанные минуты человек номер один в НТР.

— Химическому направлению НТР вменяется обслуживать все, что летает, плавает и бегает по земле. Речь идет не только о наполнении ядерным и взрывчатым веществом ракет и снарядов, но и о высококачественных материалах, без которых военная техника не полетит и не поплывет. Сейчас это специальные пластмассы и каучуки, смазки и покрытия, работающие в условиях высоких и низких температур и агрессивных средах. И еще — химическое оружие, технология производства твердых ракетных топлив.

Квасников внушал мне, казалось бы, общеизвестные истины, но это говорил идеолог НТР, и потому его слова западали мне в душу на многие годы.

Таким я Квасникова больше не видел. Прошло еще несколько мгновений, и под тяжестью забот Квасников угас, его раскованность исчезла, уступив место голому рационализму. Передо мной вновь был мой руководитель — «застегнутый на все пуговицы».

— А пока, до отъезда в Израиль, удели внимание «крыше» — готовь легенду твоей работы за рубежом.

Так я впервые услышал, что мне предстоит поездка в Израиль.

— Готовься тщательно. Главное направление — химия. Побольше читай литературу о разведке, и не только о советской. Кстати, ты читал перевод книги американского разведчика Фараго?

— Да, конечно. В разведшколе нас такой литературой не баловали. Я изучил книгу тщательно. Разведка — чужая, а вот мысли в его воспоминаниях интересные…

— И что больше всего обратило на себя внимание? Ну, например, в его оценке русской разведки, нашего разведчика?

Книгу я действительно штудировал основательно, делая выписки. Она хранилась в спецбиблиотеке под грифом «ДСП» — для служебного пользования. Это было издание «Академкниги», но для узкого круга лиц: партийной элиты, госбезопасности, МИДа. Идеологические шоры не допускали простого советского смертного до литературы о чужой разведке, тем более что супершпион из США был венгерского происхождения.

Выступая ярым антикоммунистом на страницах своей книги в пятидесятых годах, лет через двадцать Фараго стал бывать в СССР в числе делегатов от американской организации в защиту мира от угрозы атомной войны. — Фараго отзывается о наших разведчиках, как настроенных на командное руководство, говорит как о догматиках: «Они быстрее прекратят выполнение разведывательного задания, чем нарушат инструкцию Центра…»

— Верно, верно. А если серьезный риск в архиважном для страны деле?

Так и не ответив на заданный себе вопрос, Квасников дал краткие указания по оперативному делу, ради которого он вызвал меня к себе. А может быть, этот вызов был только предлогом для знакомства с новым сотрудником?

— Ищи нетрадиционные решения, — напутствовал он меня. — Говорят, Бог создал Землю за шесть дней. Думаю, это неверно: Он сотворил ее за один день, а пять дней думал, какой ей быть. Если придут в голову интересные мысли, приходи за советом. Если я еще буду во главе НТР… Думай и приходи.

Может быть, он предчувствовал, что через год судьба уготовит ему удел быть отлученным от любимого детища — НТР, которой он отдал всю жизнь, позволяя себе спорить даже с самим Берией. Это будет в высшей степени несправедливо и для Квасникова, и для дела разведки. Он создал новую и весьма совершенную структуру по «взлому» строгого эмбарго на передовую науку и технику Запада. Он был вынужден передать НТР новому начальнику, главная заслуга которого — удачная женитьба на дочери крупного военоначальника. Еще до шестидесяти лет, полный сил и глубоко уважаемый в среде профессионалов, Квасников станет вначале консультантом при начальнике разведки, а затем будет отправлен в запас, на пенсию.

Обо всем этом я узнал, работая вдали от Москвы, в Стране восходящего солнца. Но еще не один год будут идти в НТР письма и шифртелеграммы из резидентур на имя Леонида Романовича Квасникова, который в секретной переписке выступал под псевдонимом «Романов».

За несколько месяцев я вполне вписался в коллектив. Мне в разведке нравилось все: четкий ритм рабочего дня, прохладные и тихие залы архива, обработка оперативных писем и шифртелеграмм, слабый гул с площади Дзержинского и подтянутые сотрудники, стекающиеся к величественному зданию густым потоком по утрам и поодиночке покидающие его вечером.

Как-то идя с «ВВ» в столовую на первом этаже, повстречали пожилого сотрудника в простой солдатской форме — гимнастерке образца еще времен войны. Погоны он носил не

синие — госбезопасности, а красные, общевойсковые. «ВВ» почтительно поздоровался с этим крепким, чуть полноватым человеком, туго перепоясанным широким ремнем и с орденскими планками на груди. Когда мы прошли дальше, «ВВ» сказал:

— Мы только что повстречали старшину, который работает палачом…

— Па-ла-чом?

— Да. Именно он приводит приговоры в исполнение…

Ошеломляющее сообщение: палач открыто и с достоинством расхаживает среди нас, здоровается за руку… Эта встреча заставила по-новому взглянуть на функции КГБ. Мне подумалось, что они значительно шире, чем о них мне было известно. Ведь КГБ — это еще и оперативный розыск, следствие, суд, приведение приговора в исполнение, если это смертная казнь. Конечно, так поступают только с государственными преступниками, виновность которых доказывается теперь не как в тридцать седьмом. Так я успокаивал себя мыслью, что принадлежу к органам госбезопасности нового типа.

Проходя по лестницам внутренних переходов, я обращал внимание, что часть из них забрана сетками. Пространство среди них напоминало загон для животных в зоопарке. Однажды, идя по одной из таких лестниц, я услышал властный окрик: «Всем уйти в коридор!..» Случайный сотрудник из нашего здания объяснил мне, что так расчищают путь для заключенных из внутренней тюрьмы — их никто не должен был видеть. А сетки для того, чтобы заключенные в отчаянье не бросились вниз головой в пролеты лестниц.

С нового года я официально был включен в подготовку к долгосрочной командировке и утвердил у руководства персональный план-задание на разведывательную работу в Израиле. Нужно было разобраться с оперативными делами источников информации, которых мне придется принимать на связь и руководить их работой, наметить новые объекты разведывательного интереса, изучить агентурно-оперативную обстановку, то есть особенности политической и экономической жизни страны, административно-полицейского режима, специфику работы против нас и советских граждан израильской контрразведки. Я засел за книги о быте и нравах, этнических особенностях населения. Тогда было трудно найти Библию, но я ее разыскал, считая, что знакомство с библейскими сюжетами должно быть частью моей оперативной подготовки.

Правда, меня мучили сомнения: в школе разведки я специализировался по Англии, сейчас готовлюсь к работе в Израиле… Я еще не знал, что в конце шестьдесят второго года

меня выведут «под крышу» во Внешторг и направят в Японию.

Пеньковский

Руководство отдела приняло решение направить меня с ознакомительной поездкой в Англию, под видом молодого ученого. Наша группа выезжала на конференцию нефтехимиков, и в нее входили специалисты из Госкомитета по науке и технике, Академии наук СССР, исследовательского института катализа, учебного нефтяного института и два человека от КГБ — всего семь. Отправлял нас заместитель начальника отдела внешних сношений ГКНТ Пеньковский.

Группу возглавил заведующий сектором химии ЦК КПСС, он выступал от имени Академии наук, где работал до перехода в ЦК.

Виктор Сергеевич, фронтовик и большой души человек, резко отличался от кадровых партийных работников. Он тяжело переживал фактическое разделение коммунистической партии на элитную верхушку, приспособленцев и истинных коммунистов. Таких, а к ним относился и Виктор Сергеевич, оставалось мало после войны. В лице Виктора Сергеевича судьба свела меня с, без преувеличения, совестью партии. Та все больше теряла контакт с народом. В полную меру я еще это не чувствовал, но по отрывочным репликам знакомых партийцев с фронтовой закваской понимал, что не так все просто в нашей партии.

Виктор Сергеевич поручил мне заниматься вопросами контрразведывательной безопасности. Я получил подробный инструктаж во втором управлении КГБ: следить, чтобы не отлучались в Лондоне поодиночке, вовремя приходили ночевать в гостиницу, не имели внеслужебных контактов с англичанами.

— В общем, увези в Англию и привези назад, всех семерых, включая себя, — весело закончил инструктаж контрразведчик.

Провел инструктаж и Пеньковский. Он куда-то торопился, был хмур и скороговоркой пояснил нам, как себя вести в Англии, повторив наставления сотрудника второго главка. Пожелав счастливого пути и еще раз призвав к бдительности в условиях провокаций спецслужб, Пеньковский бросил:

— Может быть, увидимся в Лондоне…

И действительно, я встретил его в посольстве, уже не такого хмурого. Как и в первый раз, он произвел на меня впечатление вечно небритого. На приветствие отвечал вяло, явно тяготясь разговором со случайным человеком.

И в ГКНТ, и в Лондоне я не мог даже предположить, что передо мной сотрудник ГРУ и предатель, именно в это время сотрудничавший с английской и американской разведками, что в мире появится «феномен Пеньковского». О нем будут написаны

десятки книг на Западе. Уже на Экспо-67 в Канаде я смогу прочитать одну из них на английском языке, а в девяностые годы в клубе имени Дзержинского — месте торжественного сбора чекистов всех времен — свободно куплю двухтомник «Шпион, который спас мир» с подзаголовком «Как советский полковник изменил курс “холодной войны”». Книга была написана в США с участием другого предателя — сотрудника КГБ Петра Дерябина, перебежавшего на Запад еще в пятидесятых годах.

На судебном процессе над Пеньковским были представлены фотодокументы и описание к ним, в частности места, где в шестьдесят втором году Пеньковский информацию заложил в тайник. Он был взят под наблюдение, и на этом тайнике захватили с поличным сотрудника ЦРУ.

Любопытно, что весной шестьдесят первого года я проводил учебную тайниковую операцию в том же подъезде дома 5/6 по Пушкинской улице. Так же за батареей отопления я повесил на проволочке-крючке спичечный коробок с учебными материалами. Учебная операция не была зафиксирована, хотя сотрудники бригады НН отметили вероятность ее проведения.

Узнав из «дела Пеньковского» о его тайниковой операции, я в практической работе уже никогда не скатывался до столь примитивной подготовки. Работал только за пределами городских зданий, в лесопарковой зоне.

Позднее я прочитал множество книг и статей о «деле Пеньковского», осмыслил свою личную работу в качестве «московского агента» канадской разведки, о чем речь пойдет ниже, и попробовал взглянуть на это «дело» как на операцию по дезинформации западных держав о реалиях ядерной мощи Советского Союза.

В противостоянии двух миров в начале шестидесятых годов моя страна в научно-техническом отношении проигрывала Западу. Требовалась дерзкая и убедительная акция по дезинформации противника. Нам нужно было выиграть время для перевооружения армии на межконтинентальные ракеты. Ведь еще недавно наша ПВО не могла сбить даже «У-2» — самолет-разведчик, который не один год безнаказанно летал над Советским Союзом. И только в мае 1960 года акции «У-2» были пресечены, а захват пилота Гарри Пауэрса в плен стал сенсацией и «яблоком раздора» между СССР и США.

К «Карибскому кризису», то есть менее чем за два года, мы не могли развернуть в полную меру ракетно-ядерный щит. Технически не могли. Вот и представляется мне: Пеньковский действительно спас мир от ядерной войны, но не как шпион в пользу США и Англии, а как двойной агент-дезинформатор.

Что натолкнуло меня на эту мысль? Слишком хорошие разведывательные возможности по доступу к сверхсекретной информации стратегического значения. Сотруднику ГРУ «под крышей» они недоступны. Задания, которые ставились Пеньковскому, затрагивали такие секреты, что и дюжина «пеньковских» не смогла бы их осветить. Каждая информация, тем более документальная, — секреты высшей важности, к которой доступ имеют единицы. Были ли действительно у Пеньковского такие информаторы?

Правило работы с источником гласит: сомневаться в возможностях агентов. И в ЦРУ считали, что очень уж все идет гладко. Мои подозрения еще более усилились, когда я увидел выступление по телевизору Владимира Семичастного, возглавлявшего КГБ в это время. Имея подозрения в отношении Пеньковского, КГБ оставило его в покое чуть ли не на целый год. А окончательно убедили в моей версии исследования известного британского знатока шпионских тайн Филиппа Наейтли, ставшего знаменитым после опубликования биографии Кима Филби.

Когда планы превентивного ядерного удара уже созрели у американцев, спасти мир и Советский Союз могли только адекватные меры со стороны русских. Информация, а точнее дезинформация Пеньковского, должна была стать частью Такого плана спасения. Другой частью было появление советских ракет на Кубе. Помощь Пеньковского в «обнаружении» этих позиций только придавала вес его дезинформационным действиям в работе с ЦРУ и британской секретной службы (СИС).

Есть другой аргумент. Англичане знали, что Пеньковского подозревает КГБ. Однако для СИС это было единственным оправданием в серии провалов на фронте разведывательной борьбы с Россией. Доведя до ареста агента Пеньковского, СИС, да и ЦРУ, подтвердили версию о значимости своих разведок в политических делах Англии и США. «Честь мундира» — не это ли было использовано в основе советской акции по дезинформации противника?

Упреки в адрес связника Пеньковского — бизнесмена Винна несостоятельны. Их встречи не носили конспиративного характера: виделись они открыто в людных местах: у памятников Маяковскому, Карлу Марксу, у подъезда гостиницы «Пекин». Это мне, проработавшему более пятнадцати лет «под крышей» Внешторга, понятно. Я проводил сотни встреч с многими иностранцами, в том числе и с носителями секретной информации в Союзе и за рубежом. И я только в крайнем случае стал бы использовать тайник в чужой стране, если есть хорошо

легендированный контакт по линии Министерства внешней торговли, а в случае с Пеньковским — по линии ГКНТ.

Многое говорит о том, что Пеньковский сознательно вывел спецслужбы Запада на тайник. Он нужен был КГБ для легализации факта работы агента с ними и документального подтверждения характера передаваемой якобы совершенно секретной информации. Газетная шумиха, суд и приговор только подтвердили блеф о достоверности информации.

В отличие от фигурантов других операций советской разведки, когда использовались игры с дезинформации, Олег Пеньковский не появится через тридцать и более лет в ореоле героя своей Родины. Разве что в мемуарах участников этой операции.

Мне представляется, что Пеньковский, пройдя все круги ада в образе предателя — разоблачение, суд и приговор, — был действительно расстрелян с целью скрыть лет на пятьдесят далеко идущую акцию в отношениях СССР и США…

В Лондоне я пробыл двадцать дней. Как считают англичане, в их столице за год бывает всего двадцать солнечных дней. Так вот, именно эти двадцать дней пришлись на мое пребывание в этом историческом городе. Меня восхищало все: старина улиц, ухоженные скверы, внушительная набережная Темзы. Я бродил по улицам, посещал музеи и картинные галереи и музеи. Моей мечтою было увидеть картины Тернера, и я увидел их в Тейт гелери.

Мне нравились пабы — таверны, где я не нашел ничего чопорного в простых людях Лондона. Доброжелательность — да, достоинство — да, немного снобизма с примесью гордости за правопорядок в стране и чувство свободы — да. Юмор — да, но только не пренебрежительное отношение к иностранцу. Я был в стране гостем и хорошо это чувствовал. Подобное чувство было мне знакомо по Москве, когда в сороковых и пятидесятых годах наша столица еще не стала одним большим вокзалом для приезжих.

В Англии наша группа побывала в Нью-Касле — городе многих университетов, а также на заводах фирмы «Империал кемикл индастриз», в Лондонском университете. В общем, в местах, связанных с нефтью и химией.

Старый профессор Московского нефтяного института обратился ко мне с вопросом:

— Скажите, вы какой факультет оканчивали в нашем институте? И когда?

— Нефтепереработки, профессор.

— Значит, дипломную работу вы готовили на моей кафедре

и, конечно, я у вас был консультантом?

— Да, конечно, — чувствуя подвох в вопросе, продолжал я беседу, лихорадочно думая, как выйти из щекотливого положения.

— Но я вас не помню.

Разговор проходил на улице, когда мы шли от гостиницы к посольству. Нужно было что-то предпринимать: ведь моя легенда-биография была связана с учебой в нефтяном институте. О нем я знал кое-что от брата, который учился там в это время. Пришлось играть «ва-банк».

— А я вас помню, профессор. Я ведь начинал учебу в Ленинграде, в Горном институте, и только на четвертом курсе перевелся в Москву.

С сомнением посмотрев на меня, профессор как будто моим ответом удовлетворился. Для меня же это был урок-подсказка, как тщательно нужно готовить легенду-биографию на все возможные случаи жизни.

По приезде из Англии я составил подробный отчет о поездке: впечатления от знакомства с агентурно-оперативной обстановкой, справки по объектам разведывательного интереса, среди которых были университеты и корпорация «Ай-Си-Ай». А главное — справки на заведенные среди молодых ученых и студентов связи, имеющие оперативное значение для работы по проблемам химии.

Отчет я должен был доложить заместителю начальника отдела НТР Валентину Васильевичу Рябову. Он принадлежал к числу «чудаков-на-которых-держится-мир». Но это был «чудак» от разведки — умный, проницательный, профессионально грамотный и доброжелательный по натуре. Он терпеть не мог ловкачей, неискренних людей и бездельников. Распознавал он их мгновенно и повышал требовательность и контроль. В то же время Рябов никогда не отрицал права на ошибку, особенно если шел период становления разведчика. Не особенно утруждающие себя работой мстили Рябову, распуская слухи о его «чудачествах». Но Валентин Васильевич был глубоко уважаем большинством из нас. А его «чудачества» на самом деле были поисками новых путей решения разведзадач.

Однажды он повесил на двери своего кабинета циферблат часов, где стрелки указывали, когда он вернется в кабинет. «Группе химии» он поставил задачу создания мелков для постановки сигналов при моментальных, тайниковых и других операциях по связи с агентурой. И один из нас, химик по образованию, изобрел то, что нужно, — цветные мелки, исчезавшие с места их постановки через заданный промежуток времени. Операция по получению материалов через тайник

проводится в течение 45–60 минут. Здесь нужно использовать три сигнала: закладки материала, его изъятия или опасности. Метки мелками испарятся, и контрразведка не обратит внимания, кто следует по одному и тому же маршруту за разведчиком. Фиксирование же контрразведкой одних и тех же лиц по месту и времени ведет к провалу.

Рябов первым стал говорить об отставании советской разведки в использовании ЭВМ. Живым памятником этому неординарному человеку стало управление по информационной и научно-исследовательской работе в области разведывательных проблем. Но, как это случается, вложившему душу в дело создания действенной и глобальной АИС — автоматизированной информационной системы — Рябову места в ней не нашлось.

Заниматься вопросами компьютерного учета Рябов начал после того, как именем английской королевы спецслужбы Англии отказали ему во въезде в страну, лишив лондонскую резидентуру талантливого руководителя.

И через многие годы я слышал характерный голос Рябова — смесь баса и фальцета: «Думай, парень, о прикрытии, как оно работает на тебя, а значит, на разведку…»

С годами мой профессионализм развивался по двум направлениям — разведывательному и внешнеторговому. Но многие мысли, хорошо продуманные, часто не получали поддержку руководства, разве что ближайшего начальника. В НТР станут насаждаться чиновничье-бюрократические порядки, результатом которых будет снижение общей эффективности при видимой активности, разбухания штатов в центральном аппарате и в резидентурах.

Мне же пришлось работать в условиях, сформулированных великим полководцем Михаилом Кутузовым: от момента, когда ты познал истину, до времени, когда истина восторжествует, может не хватить и жизни. Моей оперативной жизни не хватило на многие задумки. И все же я нашел выход: методику выполнения заданий разрабатывать и реализовывать, не всегда согласуя детали разведывательной работы. С годами я понял, что поступал правильно…

… В кабинете Рябова я застал незнакомого мне сотрудника — худощавого, высокого и подтянутого, с изучающим взглядом. Это был руководитель токийской резидентуры, которая все чаще и чаще фигурировала в кругу сотрудников НТР как имеющая прямые выходы на информацию американского происхождения.

Короткая беседа-смотрины, и я получил приказ готовиться к уходу «под крышу» во Внешторг и затем выехать в Японию — не позднее января шестьдесят третьего года. Задание: наладить

работу по добыванию информации по линии химических интересов разведки, и в первую очередь из США.

Для работы под прикрытием мне предстояло подготовить легенду-биографию, причем не только по документам, но и фактическую, «изобрести» для себя новую профессию. Естественно, я продолжил в легенде «нефтяное направление». Изучил и законспектировал три тома учебника по нефтепереработке — все эти крекинги, реформинги, платформинги… Разобрался в структуре Министерства нефтяной промышленности, опираясь на знания отца-нефтяника и брата — студента нефтяного института. Побывал на нефтеперерабатывающем заводе вблизи Москвы, на заводе производства специальных масел и автопокрышек в Ярославле и в научно-исследовательском институте, специализирующемся в области переработки пластмасс. Тогда я еще не предполагал, что именно пластмассы станут моей «новой профессией». Все, что связано с пластмассами, со временем стало моей навязчивой идеей и вошло в мою легенду-биографию.

Шаг за шагом формировалось мое разведывательное задание: нефтепереработка, нефтехимия, смазки, синтетические каучуки. А из особых — химические отравляющие вещества.

В годы войны Япония активно создавала и испытывала на людях химические отравляющие вещества, в том числе и химико-бактериологические. А как сейчас? Вот это и надо было выяснить в стране.

Подготовка документов прикрытия осложнялась тем фактом, что мне нужно было «закрыть» в легенде-биографии десять лет: учеба в военно-морском училище, контрразведывательной школе и службу на Севере, школу разведки и почти два года работы в НТР. В специальном отделе КГБ мне изготовили трудовую книжку, прикрыв «военные годы» работой в почтовом ящике — секретном учреждении по линии Министерства обороны. Мне изготовили диплом об окончании Московского нефтяного института, профсоюзный билет на десять лет и даже сменили партийный билет, выданный ранее в парткоме КГБ. И везде были настоящие подписи и печати. Помогала практика держать в кадровых подразделениях фактически всех организаций Москвы бывших сотрудников КГБ.

В ноябре документы были готовы. Я прошел собеседование в ЦК КПСС и медицинскую комиссию. Как говорил «чудак» Рябов на одном из совещаний, «легче верблюду пройти через игольное ушко, чем сотруднику оформить свой выезд в загранкомандировку под прикрытием». В доказательство он демонстрировал этапы оформления выезда — красочные графики

документально подтверждались пятьюдесятью бумажками. Почти столько же собеседований на всевозможных уровнях: в разведке, парткоме, ЦК КПСС, ведомстве прикрытия где опять руководство, партком.

На основании инструкции ЦК КПСС мне, как выезжающему в загранкомандировку и не имеющему собственной жилищной площади, должны дать комнату. До этого я жил с родителями, затем снимал комнату в полуподвале старого дома — лучшие места были не по карману.

В декабре я получил комнату в жилом доме КГБ на проспекте Мира — семнадцать квадратных метров, две другие комнаты занимал секретарь партийной организации оперативно-технического отдела разведки с семьей: жена, мать жены, сын и дочь — студенты.

Как-то в первые дни вселения, еще не оформив все документы, мы сидели с секретарем на кухне за «рюмкой чая». Его предложение не оформлять комнату на себя, а подождать, когда их отдел предоставит мне комнату в другом доме, я воспринял вполне естественным.

Отдел, хотя и не сразу, постарался, и вот я и Нина идем в район Серебряного бора — лесопарковой зоны в черте Москвы на берегу реки. Жилье оказалось отдельной квартирой. Не веря своему счастью, я помчался получать ордер на вселение в квартиру, причем двухкомнатную — 13 и 8 метров.

Перед отъездом во входную дверь квартиры был врезан замок от сейфа, который изготовил слесарь — специалист с Лубянки. Этот умелец ремонтировал все сейфы в КГБ, подрабатывая изготовлением сейфовых замков для сотрудников ведомства. Рассказывали, что в прошлом это был один из последних «медвежатников». Как-то его привезли в дом на Лубянке прямо из тюрьмы — понадобилось вскрыть сложный сейф иностранной конструкции. Сделал он работу быстро и стал желанным специалистом, которого все чаще и чаще привозили из тюрьмы в ведомство государственной безопасности. Наконец, гласит байка, всем надоело таскать бывшего заключенного на работу к чекистам. Он был досрочно освобожден, проверен и взят в штат слесарей.

Деловые отношения с «медвежатником» я поддерживал не один год. Мои родители и брат, товарищи по работе пользовались его услугами. Его замки отлично работают в различных уголках Москвы, переезжают с квартиры на квартиру с хозяевами. А для меня это память о русском умельце.

Получение отдельной квартиры было делом весьма необычным в то время. После возвращения из Японии я узнал, что

делом занималась специальная комиссия от парткома. Она долго не хотела верить, что два сотрудника КГБ по-человечески помогли друг другу в таком сложном вопросе, как получение жилья «в стране победившего социализма».

И тем не менее, как бы мы ни критиковали нашу социалистическую систему за проблемы с жильем, многие, даже очень многие и отнюдь не из «элитных» учреждений вроде ЦК, КГБ, МИДа, а рядовые граждане России получали бесплатные квартиры.

Жилье находилось в типичном «хрущевском доме» — девятиэтажном, панельном. Народ будто бы прозвал эти дома «хрущобами» — от слов: «Хрущев», инициатор массового дешевого строительства таких домов, и «трущобы» — самые худшие жилища во всех частях мира; населенные беднейшими слоями населения.

Но это было несправедливо: Никита Сергеевич дал людям жилье задолго до назначенного им самим времени построения коммунизма в СССР в восьмидесятом году. Моя радость по поводу этой крохотной квартиры была столь искренней, что в семидесятые годы новая квартира в кирпичном доме, ее три комнаты с просторной кухней и двумя широкими лоджиями не была столь радостно желанной, как это скромное жилье на седьмом этаже «хрущевского дома».

Рождение «Тургая»

Химическое направление к моему отъезду возглавлял Николай Прокопьевич Карпеков, фронтовик, бывалый разведчик, человек веселого нрава. До недавнего времени он возглавлял НТР в лондонской резидентуре. Человек нестандартных решений, Карпеков любил шутку, подмечая юмористические стороны нашей повседневной действительности. Когда появлялся новый источник информации и резидентура сообщала о нем в Центр, неофициальным согласием и благословением на работу с ним служило присвоение источнику клички. Кто вел оперативное дело, тому из сотрудников на восьмом этаже и предоставлялась такая честь.

Но Карпеков не был бы Карпековым, если бы не превращал поиск звучного псевдонима в своеобразное соревнование между «химиками». Мы по четыре-пять раз предлагали ему клички, а он все шутил:

— Что, химики-лирики, иссяк родник фантазии? Как будем работать, если даже толкового псевдонима не можем придумать ни скопом, ни в розницу?

Но вот кличка найдена — что-то вроде «Синг» или «Крап». Требование шефа гласило, что кличка должна «стрелять» своим звукосочетанием, уверяя всех: не может быть иностранец плохим источником с такой кличкой.

Но истинные муки я претерпел, когда придумывал псевдоним для своего личного дела. Была такая практика: перед выездом за рубеж на длительное время каждый готовил свое личное дело, в которое входили сведения о сотруднике, автобиография и легенда — биография, анкеты, адреса и телефоны родственников, план подготовки и план-задание на разведработу в стране в составе резидентуры, а также список документов для работы под прикрытием, в моем случае для работы «под крышей» Внешторга.

Псевдоним? Казалось, очень просто: берешь отчество матери или отца, брата жены и так далее. Но уже первая попытка упростить процедуру потерпела неудачу.

— Не смеши меня, дорогой, — удивленно воскликнул шеф, — это я уже слышал сто раз! Где фантазия? Где полет мысли? Где молодое видение проблемы?

В эмоциональном Карпекове бурлила восточная кровь. Я уныло побрел к коллегам, сам себе удивляясь, что пришел в голову такой примитивный псевдоним, как «Григорьев» — по имени моего дяди-журналиста.

Стали думать вместе с «ВВ» — опять отказ. Призвали на

помощь соседей — отказ, испытали Карпекова на его охотничьи страсти — то же самое. Через неделю мучений в наш кабинет ворвался коллега-«химик» и торжествующе бросил на стол газету «Правда»:

— Вот! Вот где собака зарыта! — указал он на статью в газете и, имея в виду шефа, добавил: — Он теперь от нас не отвертится.

Мы прильнули к газете: статья под заголовком «Хлеборобы Тургайской долины готовятся к севу». До нас медленно доходил коварный замысел коллеги: Карпеков был родом из этих мест и не раз рассказывал о Тургайской долине в Сибири. Все взглянули на меня, словно ища приметы жителя этой местности. Первым нарушил молчание «ВВ», больно переживавший провалы с предложенными им псевдонимами:

— Анатолий, ты — «Тургай»! Вылитый «Тургай»…

— И чем же «Тургай» не нравится тебе? — во время очередного доклада спросил шеф.

— Похож на собачью кличку…

— Э, дарагой, зато никогда и ни у кого не будет такого звучного псевдонима. Одобряю!

Конечно, не будет, подумал я: не так много начальников вышло из Тургайской долины, тем более в НТР. Но все же вздохнул с облегчением. Да, восток — дело тонкое.

В среде разведчиков есть правило: вместе не собираться, ресторанных застолий избегать. Но это официально, в жизни все наоборот. Лед и пламень — конспирация и ее отсутствие.

Мой отъезд в Японию я решил отметить в кафе-ресторане «Армянский» — кухня отменная, маленькие тихие кабинеты. Но нужно разрешение руководства, то есть — Карпекова. Приглашать ли его? Он желанный гость, но не подвести бы его перед руководством.

— И слышать не хочу, и знать ничего не знаю, — замахал руками темпераментный шеф. — А когда это будет?

Я назвал дату.

— Нет, нет и нет… А где это будет? Я пояснил.

— Нет, нет и нет… А во сколько? Я сообщил время.

— Нет, нет и нет…

Точно в назначенное время сияющий шеф вошел в кабинет ресторана, где разместилась наша компания. Не спрашивая разрешения, Карпеков взял руководство застольем в свои руки и показал образец тамады.

За пару дней до отъезда, но уже в узком кругу, я отмечал наше отбытие в Японию дома. Вместо стола у нас была снятая с петель дверь, которую мы поместили на уложенные чемоданы. Кстати, дверь спасала нас еще не однажды, когда было нужно

организовать большой стол для неожиданно нагрянувшей компании.

Глава 3
На Японских островах

В первых числах марта я, Нина и дочь Ирина вылетели в Токио. Маршрут лежал через Ташкент и Дели. Мы провели ночь в индийской столице, где с нашего трудяги «Ту-104» пересели на комфортабельный «Боинг-707», который с посадками в Бангкоке и Гонконге принес нас к берегам Страны восходящего солнца.

Какая она, Япония? Я читал книги об этой удивительной стране, расспрашивал коллег, работавших там. Но все же: как в ней сочетаются элементы японского и западного быта? Что означает для молодого и старого жителя страны богини солнца Аматерасу телевизор, икебана и твист? Современный универмаг и дом, построенный по правилам, как и тысячу лет назад? Игры: маджан — что-то вроде наших нардов и домино, вместе взятых, го, сумо и карате — разновидности борьбы…

Все это я узнал позднее. Знакомство же с оперативной обстановкой началось буквально у трапа самолета в Токио: нас «обстреляли» вспышки фотографирующих — то ли корреспондентов, то ли спецслужб. Встречавший коллега по имени Игорь обратил мое внимание на скрытное фотографирование во время посадки в автомобиль торгпредства:

— Ну вот, завертелись мартышки. Эти макаки, пока не сфотографируют тебя голым со всеми приметами на теле, ни за что не успокоятся. Такая у них натура.

Меня поразило пренебрежение коллеги к японцам и, как позднее я понял, ко всему японскому. Я узнал, что отец Игоря, член оккупационной комиссии от СССР, умер на операционном столе токийского госпиталя. Игорь взял другую фамилию и теперь работал в Токио. И все равно — почему такое неуважение к целой нации?

В характере Игоря присутствовали эмоциональная невоздержанность и огромное самомнение. В то же время он обладал поистине бесценным для разведчика даром: в две-три минуты влезть в друзья к иностранцу, в том числе и к японцам. Новых знакомых он подавлял энергией и напористым требованием быть к нему внимательным. Игорь обрастал связями, имеющими значение для разведки, и не был в состоянии их всех обработать, а потому делился ими с другими разведчиками.

Отвечал Игорь за электронное направление НТР и за счет образцов имел репутацию удачливого разведчика. Его деловые и оперативные связи были из фирм «Сони», «Мицубиси», «Тосиба».

Хорошо используя прикрытие, Игорь стремительно выполнял одно задание разведки за другим. Правда, такая работа больше напоминала кавалерийский наскок. Мы не раз говорили с ним об этом, но он только посмеивался: «На мой век заданий хватит».

Прежде, чем отбыть в Японию, я прошел короткую стажировку в Министерстве внешней торговли — в импортном объединении «Техximимпорт», закупающем за рубежом процессы и оборудование, в том числе комплектное, для производства продукции нефтехимии и химии, переработки пластмасс, бумагоделательные машины, разрозненные машины и механизмы к уже действующим заводам на сумму более двух миллиардов инвалютных рублей.

По существующим правилам я должен был представиться главе «Техximимпорта», знаменитому в кругу внешторговцев и среди зарубежных бизнесменов Власу Андреевичу Клинцову. Он имел несколько орденов Ленина, первый из которых получил во время войны, будучи торговым представителем СССР в Англии. Он закупал у союзников по антигитлеровской коалиции оружие и боеприпасы, которые морскими караванами перевозились в Мурманск. Это были контракты по ленд-лизу между СССР и США с Англией. В страну шли из-за моря танки, самолеты, пушки, винтовки, взрывчатые вещества.

Однажды добился скидки процентов в десять. На эту сумму он закупил дополнительное оружие. Речь шла о десятках миллионов долларов, и объем поставок значительно возрос.

Отличался Влас Андреевич под стать своему имени, характером властным, безапелляционным и решительным. Ему не решались перечить советские и зарубежные бизнесмены — столь высок был его авторитет как специалиста.

И вот к этому «Зубру» — кличка Клинцова во Внешторге — я шел на прием, предварительно позвонив ему по телефону.

— Влас Андреевич, — начал я, не получив приглашения присесть, — еду в Токио и буду представителем «Техximинпорт».

— Кто? Ты? — громыхнул басом коренастый и квадратный, невысокого роста Клинцов. — Не смеши, пожалуйста, это торговля, а не прогулка по Токио в экскурсионных целях.

Он был прав: три недели стажировки — это, конечно, несерьезно. Мое молчание распалило его еще больше:

— О чем ваши думают? Посылают птенца без знаний азов торговли. Ты хотя бы знаешь различие между СИФ и ФОБ?

Я кивнул. Это немного успокоило Клинцова:

— Иди уж с Богом. Если сможешь — работай. Но не бери слишком много на себя — тебе еще учиться и учиться делам торговым.

И я начал учиться — и в Японии, и до самого ухода из внешней торговли через двадцать лет.

В стране победившего социализма разворачивалась грандиозная кампания под звучным названием «Большая химия». Кроме строительства собственными силами, это означало закупку десятков заводов и ноу-хау, образцов новой техники за рубежом, часть из которых шла по категории строгого эмбарго. Лозунг: «Решения партии — в жизнь» сказался здесь в полной мере, иногда — в уродливой форме. Но в целом программа в большой степени насытила рынок Союза продукцией химии и на ее основе.

Одним из разведывательных заданий для работы в Японии было получение закрытой информации о ядохимикатах, производимых в этой стране по лицензиям американских корпораций. В обычной жизни это пестициды и гербициды, инсектициды и фунгициды, то есть яды для растений и насекомых. В концентрированном же виде это боевые отравляющие вещества.

Уже через несколько месяцев мне удалось установить полезный оперативный контакт со специалистом одной из японских фирм, связанной с американскими «Дау кемикл» и «Юнион карбайд». Эти фирмы имели тесные связи с военным ведомством США и были главным поставщиком ядохимикатов фермерам Америки. Время от времени в газетах и журналах появлялись статьи о работе этих фирм над ОВ в интересах Пентагона, обе фигурировали в отчетах общественных организаций в качестве поставщиков ядов вооруженным силам США во Вьетнаме.

«Специалист» передал мне секретный доклад, подготовленный несколькими ведомствами США для президента Кеннеди. При закрытых дверях доклад слушали на Капитолийском холме в сенатском комитете по вопросам сельского хозяйства. В докладе говорилось, что, с одной стороны, химические удобрения и пестициды избавляют фермеров Америки от изнурительного труда, а с другой — это потери, связанные с загрязнением окружающей среды. По мнению Агентства по охране окружающей среды, эти удобрения являются основным источником загрязнения грунтовых вод, которые насыщены нитратами. Фермеры открыто жалуются на высокую заболеваемость среди сельского населения. Статистические данные в докладе по регионам и штатам говорили о повышении уровня смертности.

В выводах доклада отмечалось, что дальнейшее применение в сельском хозяйстве Америки ядохимикатов таит в себе смертельную опасность для населения страны, в частности для

национального генофонда, и приведет к трагическим последствиям в снижении долголетия нации.

— Юрий Иванович, — обратился я лично к резиденту, — этот доклад нужно передать в компетентные руки. Мы разворачиваем «Большую химию», в программе которой значительное место отводится ядохимикатам. В докладе говорится о пагубном влиянии их на судьбу Америки, ее населения. Нас ожидает то же самое…

Резидент направил доклад с комментариями в Москву. Позднее я узнал, что доклад попал на стол тогдашнему министру сельского хозяйства и вызвал его сильное раздражение. Он даже попытался обвинить руководство разведки в «паническом настроении при решении грандиозной задачи сельскохозяйственного преобразования в стране, строящей коммунизм…» В Союзе на государственном уровне было приято решение о закупке за рубежом десятков заводов и ноу-хау по производству ядохимикатов. В последующие десятилетия миллионы тонн этих ядов отравили землю и воды целых регионов страны. США как владельцы ноу-хау относили ядохимикаты к продукции и технологиям строгого эмбарго лишь до тех пор, пока не появился так называемый «доклад Кеннеди». Опасения и предупреждения, изложенные в нем, американской стороной были учтены, и американская нация была спасена. А загрязнение ядохимикатами земли и вод Молдавии, где развернул работу завод-гигант по производству химических удобрений и ядов, сегодня сравнивают с ущербом, нанесенным катастрофой на Чернобыльской атомной станции.

В основе концепции программы «Большая химия» лежало отношение ко всем видам химического производства с экономической точки зрения. По линии торгпредства я вышел на заводы по переработке старых изделий из синтетического каучука, которые давали в хозяйство стране до пятнадцати процентов вторичной переработки. Мне необходимо было разобраться с процессом, значительно экономившим ценное сырье. В масштабе нашей страны это означало: можно не строить два-три завода.

Тщательно собрав сведения по процессу возврата вторичного сырья в дело, я направил материалы в Москву. Их дальнейшая судьба мне была неизвестна. Но через двадцать с лишним лет, где-то в середине восьмидесятых, один из исследовательских институтов министерства химии с гордостью рапортовал о создании испытательной установки для переработки использованных изделий из каучука. Круг замкнулся. Жизнь и работа в Токио шли своим чередом. Лицо столицы — это не

здания, как, например, в европейских странах. Это прежде всего люди. Токио волнует, поражает и удручает в первую очередь как самое большое скопление в мире человеческих существ. Мне предстояло работать здесь не один год и я стал искать положительные стороны жизни в нем.

Границы города-гиганта с четырнадцатимиллионным населением терялись за горизонтом, взгляд тщетно искал в его панораме знакомые точки опоры, архитектурные доминанты, которые формировали бы городской пейзаж. Кроме Токийской — копии Эйфелевой, но более стройной, доминант не было. Знаменитое же здание корпорации «Мицуи» в тридцать шесть этажей еще не начинало строиться.

— Тургай, — окликнул меня в помещении резидентуры на втором этаже посольства заместитель резидента, — для тебя расписана шифртелеграмма. Срочная.

Я взял бланк шифровки: «Срочно, до конца месяца, разобраться с возможностью изготовления автопокрышек из полиуретана, в частности, их массового производства». Это был ответ на инициативную информацию, направленную мной в Центр, речь шла о попытках разработать процесс создания полиуретановых покрышек, стойких к жаре и холоду, а главное — износостойких. Японская фирма «Исибаси» выставила в окне своей штаб-квартиры на Гинзе такую покрышку.

Гинза — это сердце Токио. Не улица, а целый квартал, как Сохо в Лондоне. Здесь главные универмаги и скопище увеселительных заведений, лучшие рестораны в японском, китайском и европейском стиле. И кругом — реклама, реклама, реклама… Но — вечером, а днем Гинза производит впечатление, что она недостроена, как бы в строительных лесах из-за стальных стоек и труб, проводов, опоясывающих рекламные щиты.

Несколько раз я побывал вблизи главной конторы фирмы «Исибаси», глава которой готовил грандиозную выставку картин Пабло Пикассо. Он слыл меценатом, имел хорошую художественную галерею в стенах штаб-квартиры, которая была открыта для свободного посещения.

В галерее я провел почти три часа, чем удивил служащих-охранников, которые, видимо, доложили своему шефу о странном гайджине — иностранце, одиноко блуждающем среди картин французских импрессионистов и английских реалистов.

Глава фирмы решил сам разобраться в мотивах глубокого интереса иностранца к его картинам. Он появился в галерее, и при знакомстве я узнал, что зовут его Исибаси. Конечно, совпадение выглядело якобы случайным для меня, но главе фирмы это удивление было весьма приятным. О фирме я уже

имел достаточное представление, изучив справочную литературу. От картин мы перешли к вопросам производства каучука и изделия из него. На меня работала «крыша», и я получил приглашение посетить завод вблизи Токио, где как раз велись пробные исследования по созданию полиуретановой автошины и испытания на полигоне.

После посещения завода был дан традиционный ужин в китайском ресторане. Я «случайно» оказался рядом с главным инженером завода, японцем, который вел дела с американскими бизнесменами, проявлявшими интерес к оригинальной шине. В конечном счете удалось выяснить, что автошина — экспериментальный образец, испытания в полевых условиях — неутешительные, усовершенствование шины ожидалось в ближайшие 4–5 лет. Американские специалисты к новинке интерес проявляют, но относятся скептически к возможности создания высококачественной автошины из полиуретана.

Эту информацию я доложил в Центр. Думаю, что наши специалисты были верно сориентированы и не стали вести исследования в этой области, особенно в практическом плане. Насколько я знаю, автошины из полиуретана не появились на рынке и по сей день.

Знаменитая гора Фудзи предстает перед токийцами не более двадцати раз в году. Однажды майским вечером, часов около десяти, я ехал на автомашине от Роппонги к увеселительному центру в Сибуя и… вдруг увидел Фудзи, вернее осмыслил, что это она, Фудзи-сан, как называют японцы это чудо света.

Сто километров расстояния не скрадывали огромность горы. На красноватом фоне неба Фудзи своей коричневой массой занимал полнеба. Безупречная форма постепенно поглощалась темно-фиолетовым мраком, растворяясь в отблеске огней рекламы. Глаз тщетно пытался ухватиться за контуры горы, но безуспешно: видение исчезло.

В августе удалось увидеть Фудзи из Камакуры — древней столицы Японии. Тогда я взял парусную лодку и, выйдя из залива, снова увидел гору. День был солнечный, ясный и ветреный — Фудзи четко виднелся на далеком горизонте, Быстро возвратился на берег, забрал жену и дочь и через несколько минут пересек на автомашине перевал между Камакурой и островом Эносима, над которым возвышался Фудзи. Акварель этого вида и по сей день хранится в альбоме вместе с двумя десятками других работ как теплая память о Японии.

Еще в дни моей работы в отделе НТР из токийской резидентуры пришло письмо о разработке с целью вербовки японского бизнесмена, названного мной «Молчун». От него уже

шла информация — ноу-хау по производству каучуков для сверхнизких температур. По приезде в Токио я принял его на связь и стал регулярно встречаться с ним, получая информацию и выплачивая суммы в размере его месячного заработка, то есть что-то около ста тысяч иен. Мы обычно встречались в японских ресторанчиках, которых множество в пригороде Токио. Расположившись на татами, мы спокойно беседовали, наслаждаясь японской кухней: рыбными блюдами — суси и сасими, скияки и горячим саке — рисовой водкой. По правилам таких мест, каждого из нас обслуживала женщина, которая могла вести светские разговоры. Но это нам не требовалось, и женщины сидели рядом, разговаривая между собой и изредка подливая нам саке в крошечные фарфоровые чашечки граммов на двадцать.

Как-то, торопясь на встречу с «Молчуном», я взял в кассе резидентуры сто тысяч иен в десятитысячных купюрах. После двухчасовой проверки вышел на место встречи, получил материал и выдал деньги. Мы оговорили очередную встречу — через две недели, место и время ее.

На следующей встрече я почувствовал что-то необычное в поведении «Молчуна». Это меня насторожило. Первая мысль была о безопасности работы с ним — неужто на него вышла японская контрразведка? Но как разобраться в ситуации, не вызывая его подозрение и, не дай бог, не посеяв в его душе сомнений в безопасности работы с нами? Начал разговор о здоровье, который «Молчун» перевел в денежное русло. Он сказал, что прошлый раз, после встречи со мной, он посетил своего доктора и при оплате визита ему не хватило десяти тысяч иен. Меня осенило: в прошлый раз я передал ему не сто тысяч, а только девяносто. Так оно и было. Японец никогда не станет говорить о деньгах, особенно об оплате услуг. Нужно было понимать его завуалированный язык. Да, воистину: «Восток — дело тонкое».

Готовясь к работе в Японии, я подобрал себе несколько конкретных заданий по химической тематике. Среди них было: добыть образец смазки «Х-100», что означало — смазка экспериментальная, о чем говорил «Х». Одно из условий при работе над заданиями ВПК — нерасшифровка интереса советской стороны, тем более КГБ, к тематике задания.

Сидя на Роппонге в торгпредстве, я листал справочники химической продукции американских производителей, среди которых была и фирма-владелец «Х-100». Надеялся через знакомых японцев и под легендой добыть образец смазки, а если нужно — заплатить круглую сумму.

Каково же было мое удивление, когда я увидел ряды красно-синих банок со смазкой «Х-100» на обычной бензоколонке фирмы

«Шелл». Видимо, наших заказчиков из ВПК смутило загадочное «Х». Для себя я сделал вывод: не всегда задание разведки дается с учетом, что образец нужно добывать особыми методами.

Однажды осенним дождливым днем я вел в одном из помещений торгпредства переговоры. Неожиданно в кабинет заглянул мой коллега по Внешторгу и вызвал в коридор.

— Анатолий, в торгпредство пришел странный японец — просит переговорить с кем-либо, кто разбирается в нефтепереработке. Это по твоей части. Он ждет в соседнем кабинете.

Я оставил заканчивать переговоры моего коллегу, благо что фирма была в наших краях впервые и интересовалась работой торгпредства в целом. А сам пошел к незнакомцу.

Навстречу мне поднялся японец лет шестидесяти, возраст которого я определил с учетом поправки на моложавость японских мужчин. Худощавый, подтянутый, с внимательным взглядом узких глаз, одет он был неряшливо: светлый помятый плащ, старая шляпа в руках выглядела куском грязно-серой тряпки. Зонтика он не имел. Что заставило его в такую погоду навестить торгпредство?

Вид столь неаккуратного японца не вызывал доверия. Но с первых его слов на хорошем английском плохое впечатление прошло.

Я протянул ему свою визитную карточку, которую он внимательно изучил и положил перед собой на низкий столик.

— Вы специалист по ноу-хау, в процессах нефтепереработки, например, платформингу?

— Это предмет моей работы здесь, в Токио, — ответил я уклончиво. — Кто вы? Кого представляете? Могу ли я видеть вашу визитку?

Незнакомец пропустил мои вопросы мимо ушей, чем меня насторожил, — так японцы не поступают.

— Я хотел бы предложить вам ноу-хау одного из современных и эффективных процессов по переработке нефти — платформингу. Вот оглавление и первый раздел технологии.

С этими словами посетитель положил передо мной пять страниц печатного текста. Это были сведения о платформинге, да еще известной нефтяной компании. Но меня тревожило, не провокация ли это? Если это серьезное предложение, то нужно быстро во всем разобраться и вывести его из торгпредства.

— Но закупка ноу-хау требует экспертных оценок специалистов и значительных средств — миллионов долларов, — начал я прощупывать посетителя.

— Речь идет о разовой сделке, — твердо сказал он.

— Но у меня нет заказа на этот процесс, — пытался я прилепить «фиговый» листок на репутацию торгпредства, что могло означать: мы этим не занимаемся.

— Вы смотрите эти страницы и определяете их полезность. Я увижу вас еще раз, вы принесете мне деньги в обмен на оставшуюся часть общим объемом в пятьдесят страниц. Их содержание вы видите, — требовательно диктовал посетитель условия. Он подготовился тщательно.

По виду бумаги были похожи на материалы, в которых излагались сведения по ноу-хау. Внешняя сторона говорила в пользу их подлинности. Казалось, можно было бы отказаться от его услуг, но сам камуфляж с одеждой, хорошая английская речь и продуманность действий посетителя говорили о серьезности его намерений. Видимо, он сам или имеет доступ к таким материалам или переводит их, или выступает посредником в этой странной и опасной сделке. Я все больше верил, что передо мной личность, именуемая в нашей разведывательной практике как заявитель.

Упустить его мне вовсе не хотелось. Более того, хотелось перевести деловые отношения с ним на постоянную основу. Советоваться времени не было, и я решился:

— Сколько вы хотите за этот материал?

— Две тысячи долларов. Не позднее, чем послезавтра. Теперь мне нужно было выиграть время для посылки шифровки в Центр и получения разрешения на оплату требуемой суммы. По опыту я уже знал, что подобная сумма для такого рода информации весьма незначительна.

— Через три дня вас устраивает?

— Нет. Послезавтра, — снова решительно отрезал посетитель.

Нужно было оговорить место встречи. В Токио множество кафе, иногда на два-три столика. Название, адрес и даже маршрут проезда к ним обычно излагаются на спичечной этикетке. На всякий случай каждый из нас всегда имел несколько таких этикеток при себе, места, изображенные на них, нами предварительно проверялись.

— Вот место. Это кафе, — я передал посетителю спички, — буду там послезавтра в 16.00. А вы подумайте, что еще можете предложить нам?

Я понимал, что долго посетитель оставаться в торгпредстве не может, и потому вел разговор в интенсивной форме. Провожать его до ступенек на выходе я не стал — это было небезопасно. И чтобы не вызывать подозрений у «наружки», попросил проводить секретаршу: пусть «наружка» видит, что с

посетителем разговаривала только она.

«Посетитель», как стал я его называть, пробыл в торгпредстве не более двенадцати минут. Но для меня наступила пора серьезного испытания: нужно было убедить руководство, и по линии НТР, и по линии резидентуры, в серьезности намерения «Посетителя». Сам же я к тому времени уже не сомневался, что технологическая документальная информация подлинная. Если только «Посетитель» не пойдет на изготовление фальшивого документа.

Мне не раз приходилось просматривать, изучать и даже переводить отдельные разделы ноу-хау нефтяных компаний США и Англии. В том числе и материалы из секретов «нефтяных сестер», как называли в деловом мире концерны «Шелл», «Галф», «Эссо», «Стандарт ойл» — всего «сестер» было семь.

О подлинности можно было судить по характеру оформления документа, его структуре и, конечно, по содержанию. Вот здесь-то и пригодились мой опыт самостоятельного изучения нефтяных процессов и стажировка на нефтяных заводах. К моменту беседы с руководством я уже уверовал, что в руки мне идет реальная возможность заполучить ноу-хау, истинная цена которому в десятки миллионов долларов.

Эти мысли я изложил вначале моему шефу по НТР, а затем резиденту, срочно была составлена шифртелеграмма в Центр с просьбой разрешить оплату в 2000 долларов из средств резидентуры. В ней также говорилось: материал будет тщательно изучен, предприняты максимальные меры предосторожности при проведении встречи с «Посетителем». К вечеру следующего дня пришел ответ, суть которого сводилась к мысли: ни да, ни нет. Центр писал: да — материал интересен, но, не зная обстановки на месте, Центр не может представить всю остроту операции, мы это поняли так: Центр всю ответственность за проведение перекладывает на резидентуру. О, это был образец бюрократического гения! И резидент, и мой руководитель по НТР, и я чертыхались, изучая эту классическую «по-умыванию-рук» шифровку. Но мы рискнули, еще и еще раз взвесив все «за» и «против».

Решили, что на встречу я пойду один: если провокация, то и погорю я один, если обман, то все равно, кроме меня, никто в этом не разберется. Естественно, оговорили аргументы для убеждения «Посетителя» продолжить встречи и работу на материальной основе.

После длительной проверки, в назначенный день я оставил автомашину в другом конце города и на такси с пересадкой на электропоезд добрался до места встречи.

Прибыл туда минут за десять — нужно было осмотреть место передачи материала и оплаты. Всё было спокойно. При подходе к кафе ничего подозрительного не заметил: улица хорошо просматривалась. Была она в жилом массиве без деловых контор и крупных магазинов. Кафе одиноко стояло на углу. Людей в нем не было, их наплыв ожидался после пяти вечера. На это и был расчет, ибо многолюдность затрудняет контроль за обстановкой и облегчает спецслужбе неожиданный захват разведчика во время подобной операции.

Ровно в 16.00 в кафе вошел «Посетитель». Был он все в том же видавшем виды плаще и бесформеннной матерчатой шляпе. Однако его ботинки блестели, отдавая черным глянцем, из-под плаща выглядывали хорошо отутюженные брюки. Все говорило о том, что сделал он это где-то рядом, возможно в автомашине. Такой явно заметный для профессионала камуфляж меня несколько успокоил. Если бы готовилась провокация, японцы такой ляп не допустили бы.

«Посетитель» поздоровался коротко, без обычных японских церемоний, сел рядом со мной и извлек из внутреннего кармана пиджака сложенные листы — те самые обещанные пятьдесят страниц. Молча я углубился в их изучение. И чем больше читал материал, тем более верил, что материал подлинный. Теперь нужно убедить его продолжить работу по передаче мне других материалов.

— Спасибо, это то, что нужно. Но я надеюсь, что материал не последний?

— Последний, — как эхо повторил за мной «Посетитель», явно не желая долго задерживаться со мной.

— Вы владеете другой информацией?

В ответ — молчание. Лаконичные, хорошо продуманные действия, короткие фразы говорили о том, что человек отношения с нами строит по принципу: сорвать деньги и исчезнуть. Но и у нас был свой принцип: не упустить источника ценной информации, хотя бы использовать контакт с ним для возможных подобных действий с его стороны. Когда-нибудь в будущем… Вот какие мысли были у меня в те несколько секунд, пока я доставал деньги.

— Хорошо. Я передаю вам 2000. Но прошу подумать о дальнейшей работе с нами. Характер информации определите сами, как и цену ей.

И тут я преступил порог дозволенного в нашей разведывательной практике. Я решил стимулировать интерес к работе с нами и пообещал «Посетителю» сумму за каждый новый материал удваивать. Разрешения на это я не имел, «Посетитель»

был не проверен даже с этим материалом. Я мыслил категориями: ради дела — хоть потоп. Не мог я мириться с тезисом: лучше упустить источник, чем преступить грань «правил игры» — без согласования с начальством и Центром ни шагу вперед. Я помнил разговор с Квасниковым и его реакцию, не высказанную словами, но явно против такой нетворческой работы.

Моральная сторона дела меня не беспокоила — это не для слюнтяйного благородства. Идет война двух идеологий — тут уж не до работы в «белых перчатках», как это делают дипломаты. В разведках мира своя система, особенно в НТР: снаряд и броня, где броня — КОКОМ, а снаряд — НТР.

— Вот вам место очередной встречи, — передал я «Посетителю» спички. — Я буду бывать там в 16.00 первый вторник каждого месяца. Буду рад увидеть вас снова. И спасибо за помощь моей стране.

«Посетитель» снова промолчал, и на этом мы расстались. А через три месяца я увидел его снова, и мы повторили обмен долларов на ноу-хау.

Кем был этот человек, я так и не узнал. Он решительно отвергал все попытки проникнуть в его мир, тем более узнать его имя и место работы. Возможно, мы увиделись бы с ним еще раз, но мой стремительный отъезд из Японии помешал нашей дальнейшей работе. А предпосылки к этому уже были. Как ни странно, но именно мои «вольности» в работе с «Посетителем» были поставлены мне в упрек, когда шеф по НТР стал собирать против меня «камни».

Полученные от «Посетителя» материалы были отправлены в Центр почтой, а уведомление об успешной операции — шифровкой. Чисто по-бюрократически резидентура быстро получила ответ-шифровку, в которой говорилось о недопустимости оплаты подобным образом добытых материалов без предварительной оценки их специалистами в Москве. Мне, как исполнителю, ставилось на вид за нарушение «правил игры».

Однако уже через месяц Центр прислал другую шифровку, в которой меня поздравляли с удачной операцией: «Полученные материалы внесли вклад в нефтяную промышленность своей новизной и экономией средств при создании аналогичного отечественного процесса платформинга». Это потом уже я научился терпеливо пережидать бюрократические игры, а вот в этом случае мне долго было не по себе.

Выдержал я сражение с шефом по НТР из-за моего обещания «Посетителю» удвоить оплату. Открыто было сказано, что это мой первый дисциплинарный проступок. Шеф проповедовал жесткую линию разведчиков-догматиков, девизом которых было «От добра

добра не ищут», а по-простому — сиди и жди, что прикажут.

Посольство и торгпредство находились на одной улице, посольство ближе к Токийской башне. Туда, в резидентуру, мы ходили два-три раза в неделю. Как-то меня и Игоря вызвал резидент. В кабинете нас ждал и шеф по НТР.

— Неделю назад мы информировали Центр, что в районе Токио на одной из авиабаз появится американский спутник, на котором они впервые вывели человека в космос. Спутник демонстрируется военнослужащим и их семьям. Нам поставлена задача: найти спутник и, по возможности, сделать фотоснимки. Нужна визуальная разведка — оценка размеров и других видимых параметров. Вопросник у меня.

Шеф по НТР закончил и обратился к резиденту:

— Думаю, Юрий Иванович, ребята справятся. Игорь знает город, а Анатолий горазд на неординарные решения. Кроме того, он рисует, а значит, многое может запомнить при внешнем осмотре спутника.

Мы засели за карты Токио и его окрестностей. Использовали знания об авиабазах соседей из ГРУ. Наши рассуждения при поиске нужной базы сводились к следующему: она должна быть доступна для посещения — по расстоянию от города и по транспорту — шоссе и железная дорога. По этой причине база транспортной авиации в Тачикаве отпадала — она находилась в тридцати километрах от города. Кроме того, была активно действующей. Отвергли мы и другие базы, где стояла истребительная авиация. Наконец, сошлись во мнении, что такой базой может быть фактически бездействующий аэродром для винтовой авиации. И располагался он удобно: при выезде из Токио в сторону Иокогамы, на наиболее напряженной авто- и железнодорожной магистрали Токио — морской порт Иокогама. Под предлогом посещения советских судов в морском порту мы проехали мимо этого аэродрома и наметили пути подъезда к нему. На обратном пути зашли в китайский ресторан неподалеку от ворот авиабазы и, сидя там, разобрались в системе охраны при въезде на территорию. Нам повезло: охрану несли японские служащие. Именно служащие, а не профессиональные военные.

Через пару дней, в пятницу ближе к вечеру, мы приблизились ко входу на авиабазу. Расчет был на то, что спутник был доступен для осмотра в течение рабочего дня, то есть до пяти часов. Японская деликатность позволит ускорить проезд через ворота иностранцев, которые в то время еще почитались в этой стране.

Мы подъехали к шлагбауму на автомашине «контесса» — микролитражке, в которой даже двоим было тесно. Игорь был в своем репертуаре:

— Эй, ребята, — закричал он на охранников грубо, — открывайте! Я усох от жажды. Хочу пива. Шевелись, ребята…

Все аэродромы американцев имели единую систему размещения объектов на нем — что-то вроде типового проекта. При входе — ресторан, бары, танцплощадка, а вдоль аэродрома дорога, соединяющая ангары и отдельные места летного поля.

Игорь намекал, что он едет в бар. Но когда шлагбаум открылся, он спросил:

— А где этот «пузырь» из космоса?

Японцы указали на стоящий вдали ангар с огромной цифрой «7».

— Сэр, это там, но через двадцать минут ангар закроется.

— О'кей, тогда пиво подождет. И почему мы стоим? — рявкнул Игорь и с визгом развернул автомашину.

Через пару минут мы входили в ангар. Там в свете нескольких ярких прожекторов на низком постаменте стоял первый обитаемый американский спутник. Рядом ходили два солдата морской пехоты с винтовками на плече. На нас они не обратили внимания, выписывая ногами пируэты, положенные для почетного караула.

Игорь и я не разговаривали — только односложные реплики. Ребята из морской пехоты — это не японцы. Они сразу поймут, что для нас английский язык не родной. А кто знает, какие указания им в этом случае даны?

Мы осмотрели спутник: обгоревшая обшивка, внутри много приборов, панель с переключателями. От многократных тренировок краска на панели протерлась до металла. Видна была грубая ручная пайка проводов.

Но как там может поместиться человек даже моего небольшого роста? Места среди приборов фактически нет. Игорь начал фотографировать спутник, а я попытался в него залезть, предварительно взглянув на солдат. Те безмолвствовали.

Кое-как, сложившись вдвое, я все же залез, зазоры между моей головой и аппаратурой были минимальными. Тесновато. Но я стал своеобразным масштабом для приборов, которые оказались на фото. Когда семьдесят два кадра фотоаппарата «Олимпус-Пен» закончились, мы, козырнув солдатам, вышли из ангара и умчались с авиабазы, забыв про пиво.

Пленка была проявлена, но фотографий на память мы не получили — фотопленку срочно отправили в Центр. Как мы позднее узнали, это были первые сведения, полученные нашими специалистами. Потом мне удалось получить в Токио подробное американское описание этого спутника. Материал мне передал новый знакомый из Токийского университета.

Источники

В поисках новых источников информации я начал изучать химический факультет одного из местных университетов. Под предлогом интереса к ядохимикатам, закупка ноу-хау и оборудования по которым входила в задачу торгпредства, я познакомился с руководителем одной из лабораторий. Там велись исследования о вредном влиянии химических удобрений и ядохимикатов на почву, сельскохозяйственные растения и человека. Эту проблему я уже знал из «доклада Кеннеди» и легко нашел общий язык с японским профессором.

Но меня влекло в другие лаборатории и особенно в ту; которая работала в области твердых ракетных топлив по заказу японского аэрокосмического агентства. Тогда это «японское НАСА» только набирало силу, стремясь освоить ракетную технику для вывода в космос коммерческого спутника японского производства.

Японцы от природы любознательны и довели до совершенства заимствование чужих идей, технологий и технических решений, придав им собственное, еще более эффективное звучание.

В японском законодательстве нет статьи о промышленном шпионаже — иначе нужно было бы судить каждого первого изобретателя и специалиста. Промышленный шпионаж в Японии — явление тотальное.

За послевоенные тридцать лет японцы развивали свою индустрию под тремя лозунгами: высококачественная продукция, передовая, эффективная технология и оборудование и, наконец, лозунг — торговля на мировом рынке высококачественными идеями в области науки и техники. Они не могли не заниматься промышленным шпионажем по всему миру, а мы, НТР, не могли не учитывать возможности японцев в этом деле в отношении США.

… Я исходил из того, что работы в лаборатории университета ведутся с привлечением американских материалов и из других стран. И не ошибся.

Через знакомого профессора из лаборатории ядохимикатов я познакомился с профессором из лаборатории пластмасс и синтетических каучуков. Он был очень занятым человеком, а я — очень настойчивым, и он чисто по-японски вынужден был мне уступить.

Так произошло знакомство с одним из лучших моих источников, боль от потери которого до сих пор не дает мне

покоя. Профессор вывел меня на него, а я не жалел, что внимание мне оказал не сам профессор, а его аспирант. Случай с этим молодым ученым раскрыл мне глаза на низость человека из моей среды, среды чекистов-разведчиков. Человека, не способного подняться выше личных амбиций. Эта история заслуживает более детального описания, В коротком повествовании она выглядит так.

В японском родственном и деловом мире существует иерархия благодарностей, вернее, преданностей. В семье — к отцу, брату. В делах — к покровителю, старшему учителю жизни. Преданность человеку, оказавшемуся полезным на жизненном пути, крепка моральной обязанностью.

Профессор помогал молодому ученому — и не только знаниями, но и материально. Я узнал, что «Яги», так я его назвал в оперативной переписке, подготовил диссертацию, в которой исследовалось высокоимпульсное горение синтетических веществ. Как артиллеристу, мне было понятно, что диссертация из этой области, в том числе горения и синтетических порохов — предпосылка к исследованиям твердых ракетных топлив. Работа, точнее, ее тезисы, на английском языке, оказалась у меня. Это была ступенька для привлечения автора к работе по добыванию интересующей НТР информации.

Более глубокое знакомство с «Яги» показало, что он стоит на социал-демократических позициях и живо интересуется жизнью Советского Союза. Я всячески усиливал этот интерес. Из Центра было получено заключение: в перспективе «Яги» может представить интерес.

«Яги» увлекала игра на скрипке. Но его мизерная заработная плата не могла дать ему возможность купить даже простенький инструмент. Если профессор имел в месяц пятьдесят тысяч иен, то «Яги» — всего двадцать. Для сравнения: я получал в торгпредстве двести тысяч, правда, около четверти уходило на квартиру.

Пренебрегая правилом — нельзя дарить японцу подарки, на которые он не сможет ответить аналогичной стоимостью, я купил «Яги» скрипку. Соблазн был велик, и он скрипку принял. Правда, после того, как я использовал японскую черту характера: не отказывать собеседнику, особенно гайджину-иностранцу.

Летом «Яги» побывал в родной деревне на одном из северных островов Японии и привез мне оттуда в подарок глиняную куколку, расписанную особыми матовыми минеральными красками. Он объяснил, что такие игрушки делают только у них в деревне и в Токио они встречаются весьма редко.

Сегодня я часто останавливаюсь у себя дома перед

сувенирами из многих стран мира, нахожу среди них розовую двадцатисантиметровую фигурку девочки в национальном кимоно. Рядом, на вертикально стоящей дощечке, написано по-японски пожелание долголетия и красная печать мастера-изготовителя…

Кроме диссертации, он передал мне десятки работ по этой проблеме, среди которых были и американские. Часть из них были открытыми, но две — явно из секретных источников.

Конфликт с шефом по НТР нарастал. Зная, что я уезжаю, «Яги» попросил совета, как побывать в Союзе. Понимая, что такой визит может закрыть ему работу в агентстве, я посоветовал ему посетить Москву проездом в Европу, обещал встретить.

О визите «Яги» в Союз я узнал через несколько месяцев после его завершения. Узнал и о его личной трагедии: он потерял веру в идеалы советских людей, столкнувшись с реальной действительностью.

Шифртелеграмма из Токио сообщала, что «Яги» едет в Москву. О том, что я был с ним в оперативном контакте, в шифровке не сообщалось. Молодой сотрудник НТР в Центре не удосужился перед визитом «Яги» в нашу страну посмотреть оперативное дело. Руководство НТР, как обычно бывает в таких случаях, обратилось во второй главк — контрразведку с просьбой собрать на «Яги» сведения, пока он будет жить в гостинице. И только!

Шел шестьдесят пятый год. Вокруг иностранцев в гостиницах вились валютчики, перекупщики, проститутки. Не встреченный мною, «Яги» оказался преследуемым коммерческой братвой. Как он сам рассказал позднее, они буквально снимали с него носки, галстук и ботинки. Нужно знать чуткую душу японца, чтобы понять, какое перенес он потрясение. Просидев три дня в гостинице, «Яги» улетел в Европу. А по возвращении в Токио категорически отказался встречаться с моим коллегой, которому я передал его на связь.

Когда позднее я спросил своего коллегу — он был в отпуске в Москве, — почему это произошло, тот ответил, что шеф по НТР приказал не информировать Центр о работе с «Яги» «Тургая», то есть меня. Досада до сего дня жжет мое сердце. Ведь с середины семидесятых годов «Яги» занял пост специалиста по твердым ракетным топливам в Японском аэрокосмическом агентстве. Тогда я организовал его поиск от Внешторга. Один из моих источников из числа японских бизнесменов нашел «Яги», но после тщательной проверки было принято решение его не тревожить, то есть не подходить к нему от имени советской стороны. «Яги» уже стал не тем человеком, которого я знал десять

лет назад.

Сегодня, с позиции опыта многих лет работы в разведке, я с уверенностью могу сказать, что случай с «Яги» — не служебная халатность, а сознательное предательство человека, который олицетворял НТР в шестидесятые годы в токийской резидентуре. Этот человек плохо кончил: будучи начальником европейского Отдела в НТР, он уничтожил документ, уличающий его в провале ценного агента. Он был изгнан из НТР и работал во Внешторге, куда его пристроил начальник разведки, у которого он был некоторое время помощником.

На встречах ветеранов или похоронах коллег-разведчиков я никогда не подаю ему руки.

За несколько месяцев до отъезда из Японии, я познакомился в увеселительном центре «Ничигеки» с лейтенантом американских военно-воздушных сил. Он служил по контракту на авиабазе Тачикава от фирмы «Шелл», специализируясь в финансовых делах по горюче-смазочным материалам.

Авиабазы нас интересовали особо: это и техника, и вооружение, и система обслуживания, а для меня еще и снабжение новейшими маслами и топливом. Но контакт с «Лейтенатом» привел к другой информации, фактически стратегического значения. Это был конец шестьдесят четвертого года — последние дни перед вьетнамской авантюрой США. Через «Лейтенанта» я узнал о подготовке американцами этой войны, точнее, о конкретных сроках ее начала. Не думаю, что «Лейтенант» был единственным источником: тут и агентура, и электронная и спутниковая разведка, но и через меня была получена в Центре такая информация.

Несколько раз побывав во Вьетнаме, «Лейтенант» сообщил о развертывании там новой базы для бомбардировщиков стратегической авиации из-под Токио, в том числе и с его базы в Тачикаве. Он сообщил, что военные действия начнутся через несколько часов после появления американской авиации на вьетнамской земле.

Из последней поездки во Вьетнам «Лейтенант» привез мне в подарок деревянный кувшин ручной работы с медными обручами, кольцами и ручкой.

Последняя встреча означала: час войны наступает. «Лейтенант» сообщил, что американские бомбардировщики вначале полетят бомбить Северный Вьетнам, а затем приземлятся на новых аэродромах в Южном Вьетнаме. Он уезжал грустным — война не предвещала ничего хорошего: ведь ему было всего двадцать пять лет. Мог ли он предчувствовать, какой трагедией обернется для его родины эта война? Унижение нации?

Проклятие ветеранов Вьетнама?

В моей памяти и сейчас фраза «Лейтенанта», печально спросившего меня:

— Анатолий, почему ваше правительство не помешает этой войне?

Что я мог ответить искреннему американскому другу? Информация, которую он передавал, была нацелена на раскрытие карт американской военщины перед миром и шла в разведку. Но известна истина, высказанная одним из разведчиков: добыча информации не всегда трудна, а вот реализация ее, как правило, весьма затруднительна.

Конфликт с шефом по НТР зашел далеко, принял открытый и необратимый характер. Чашу терпения переполнило его очередное амбициозное требование: проходить маршрут для изучения города пешком. И это в Токио, где, чуть сойдя в сторону, ты оказываешься в джунглях однотипных деревянных домиков, где отсутствует система улиц и номеров домов, где только почтальон знает адреса?

Нет ничего хуже, чем сбиться с пути в этой незнающей конца и края путанице безымянных переулков и тупиков. Токио был и, думаю, остается лабиринтом, шарадой, загадкой не только для приезжих, но и коренных жителей. Знание адреса тут почти ничего не значит. Токийцы в шутку говорили: такси в столице водят бывшие летчики-камикадзе. Но даже эти отчаянные лихачи и лучшие знатоки города могут ориентироваться в нем лишь по зонам и главным улицам, паркам и храмам. Например, если сказать, что мое торгпредство находится на Роппонги — это не укажет на место его нахождения. Но если скажешь: в районе Ноги-дзака — это уже «адрес». Ноги-дзака — это храм рядом с торгпредством.

Раньше шеф работал в Лондоне. Но ведь это две большие разницы, как говорят в Одессе. Там плановый, европейский город, а здесь… Попытки объяснить ситуацию результата не дали.

…Мои коллеги советовали мне не конфликтовать с шефом, но это было против моих правил, о чем я высказывался открыто и перед всеми. Вот это «перед всеми» и решило мою участь.

В Центр пошло оперативное и личное письмо шефа, где подвергались сомнению мои профессиональные качества и предлагалось меня из токийской резидентуры отозвать. В Москве мне его показали, правда, неофициально.

И я уехал последним пароходом. Резидент не захотел со мной поговорить, отмахнулся, прикрываясь тем, что «иксы» имеют свою специфику и не ему судить наши дела.

Уезжал я не с пустыми руками. Увозил добрые (и

оперативные) отношения с несколькими японскими бизнесменами и специалистами, частицу души доброго и трудолюбивого японского народа, у которого учился видеть в живой и мертвой природе невидимую для европейца красоту. Некоторое понимание традиций, полученное японцами от синтоистской и буддийской религии, помогали мне преодолевать житейские и оперативные невзгоды и в последующие годы.

Красота в естественности — архаичное несовершенство, прелесть старины, печать времени—это сабо. Но японцы пошли дальше, что мне, как европейцу, трудно понять по-настоящему. Это — сибуй. Дословно — терпкий. Это красота простоты плюс естественности при минимальной обработке материала и максимальной практичности изделия. Японцы считают такое сочетание идеалом. Сибуй — это первородное несовершенство в сочетании с трезвой сдержанностью.

Тридцать лет я на практике осваивал взгляд на природу, почерпнутый в Японии. Думаю, и оставшееся время буду все еще искать гармонию в природе и во всем, что с ней связано.

Мне близки по духу и стилю японские художники прошлого века Хиросиге, Хокусаи, Утомару. Не случайно французские импрессионисты считают их своими родоначальниками. Я благодарю судьбу, которая свела меня с народом, по-философскому принципу выращенному в пословице: «Посеешь поступок — пожнешь привычку. Посеешь привычку — пожнешь характер. Посеешь характер — пожнешь судьбу».

«Под крышей» Внешторга

В первых числах октября пароход доставил нас из порта Иокогама в Находку, откуда поездом мы добрались до Хабаровска.

Поезд шел среди тайги, расписанной всеми цветами осени. Кое-где на сопках уже белел снег. Мы были на родине, и одно это уже настраивало на праздничный лад. Билеты на самолет были заказаны заранее, и через десять часов мы оказались в Москве.

Никаких разговоров в Центре — сразу в отпуск. И хотя на душе было неспокойно, увядающая природа и первые заморозки улучшили настроение, рука потянулась к кисти и краскам, что бывало, когда наступало душевное равновесие. Впервые после разведывательной школы я работал на природе масляными красками. Но настроение все же сказывалось — его отражали этюды. Везде хмурое небо, свинцовые тучи — в поле с огромными стогами, пашне с далекими кленами и осинами, в липовой аллее с оголенными ветвями и ворохом красно-желтых листьев.

Тем не менее, еще не окончив отпуск, я приступил к работе. Дело в том, что всю вторую половину шестьдесят четвертого года я готовил в Токио выставку японского оборудования и изделий из пластмасс. Торговые ассоциации выступали организаторами ее с японской стороны, а я — нашей, как представитель торгпредства.

В ноябре выставка «Пластмассы-64» начала работать в парке «Сокольники». Удалось убедить японцев привезти на выставку оборудование для изготовления пластмассовых емкостей большого объема — в пятьдесят и более литров. Это был заказ нашего военного ведомства. Запад уже внес это оборудование в списки эмбарго, но японцы поступили по-своему, так как их установки были собственной оригинальной конструкции.

Десятки японских фирм не прогадали — все оборудование было закуплено, заключены новые контракты.

Отношение японцев ко мне было более чем почтительным. Для меня же подготовка к выставке и работа на ней стали отличной школой по углублению в профессиональную специализацию. Как показало время, специалист по пластмассам — отличное прикрытие для контактов с любой западной фирмой.

Готовя выставку еще в Японии, я побывал в десятках фирм, которые имели отношение к производству сырья или уже перерабатывали его в изделия. Но машины для их изготовления могли лить не только пластмассы, но и другие полимерные материалы, например, синтетический каучук, производить волокна. Реализовав идею выставки в России, я стал желанным

представителем Внешторга у таких корпораций, как «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо», «Исикакавдзима Харима» и других. Но за ними стояли десятки компаний группы, среди которых были фирмы нашего, разведывательного интереса. Так оно и случилось: в дальнейшем я использовал налаженные контакты для выхода на нужные фирмы, специалистов и коммерсантов.

Однажды у одного из стендов выставки я наблюдал любопытную картину. Работала установка для литья пластмассового изделия объемом с обычное ведро — десять литров. Я беседовал с представителем фирмы, стоя перед этой установкой. Японец был очень любезен и предупредителен. Неожиданно он сделал зверское лицо, схватил еще горячее в момент изготовления ведро и замахнулся.

Первой мыслью было, что метит он в меня. Но он ударил кого-то за моей спиной. Оглянувшись, я увидел сбитого с ног японца с кинокамерой в руках: конкурент вел киносъемку кинематики процесса изготовления ведра. Это уже походило на промышленный шпионаж. Через несколько секунд мои собеседник снова улыбался и, извинившись, продолжил разговор.

Я все еще был вне пределов Внешторга. На выставке выступал с визитной карточкой торгпредства. Трудный разговор состоялся в кабинете Рябова — речь шла о моем профессиональном будущем.

— Вот что, Анатолий, во-первых, не раскисай — это не первое твое поражение, правда, в малом. Продолжишь работу в «Теххимимпорте». Помни о трех факторах: время, «крыша» и профессионализм. У тебя это все есть. Главное — работать и работать. И еще: ты должен стать своим человеком во втором главке — действуй в контакте с контрразведчиками, — Рябов поднял руку и растопырил пальцы. — Работать в КГБ надо не так, каждый в отдельности, а вот так…

И он сжал пальцы в кулак.

Прошло немного времени, и я выполнил рекомендации Рябова. Первое, что я сделал, засел за тщательное изучение характера работы «Теххимимпорта»: разобрался в профиле работы отдельных контор, тематике поручений на закупку машин и оборудования, ноу-хау. Все это привязывалось к странам и фирмам с точки зрения разведывательных заданий — как конкретных, так и направлений: химического, электронного и так далее.

Было сделано множество выписок, которые обсуждались с коммерсантами из ТХИ и специалистами-химиками. Мне стало ясно: в самом ТХИ далеко не все конторы имели оперативное значение, то есть выход на нужные страны, фирмы и иностранцев.

Были и такие, что работали с социалистическими странами. Круг нужных мне контор был определен, главной заботой стало обрасти «помощниками» из числа сотрудников ведомства.

Контракты я разделил по принципу: готовится, подписан и уже работает, выполнен. Работа по контракту давала мне возможность многомесячного общения с коммерсантами и специалистами нужной фирмы, возможности которой предполагалось использовать.

Диапазон работы в оперативном плане был широк, ибо любое оборудование, тем более комплектное, — это механизмы, электрика, электроника, специальные материалы, а главное — выход на множество больших и малых фирм-производителей всего, чем комплектуются заводы.

Естественно, линия работы строилась с учетом моего пребывания в Японии, где были заведены полезные связи. Я стал приглашать японцев в Москву для конкретных переговоров.

Японцы как бизнесмены весьма терпеливы. Они охотно участвуют в конкурентной борьбе и добросовестны в подготовке коммерческих и технических предложений. Японские деловые круги были вынуждены считаться с тем фактом, что рынок международной торговли уже поделен и Япония пришла на него позднее других, особенно на советский рынок, где сильны были традиционные связи с Англией, Францией, ФРГ и другими европейскими странами.

Трудности в «Теххимимпорте» у меня возникли совершенно с неожиданной стороны. За пару месяцев до моего возвращения из Японии арестовали и судили как шпиона работника одной из контор ТХИ. Он продавал коммерческие секреты: сумму контракта, сроки поставок, заключение экспертов с рекомендациями закупить оборудование и ноу-хау у конкретной фирмы. Получить такую информацию для фирмы-конкурента — все равно что выиграть в лотерею: речь шла о десятках миллионов долларов.

Казалось, а я при чем? Но коммерческие секреты шпион продавал японским фирмам. Разоблачение его привело к тому, что по Внешторгу был издан приказ: с японцами дел не иметь, в здание их не пускать — в общем, проучить как следует. Чисто русское явление — чтоб неповадно было.

И вот появляюсь я с «японским уклоном» в коммерческой работе. У работников ТХИ мне удалось найти понимание довольно быстро, а вот секретарша… Она, как цербер, стояла на страже инструкций. Не зря говорят, нет кислее фрукта, чем лимон, и страшнее «зверя», чем секретарша в русской деловой структуре.

Японцы, знакомые и незнакомые, почувствовав брешь в официальном заслоне против них, начали названивать мне. Это были счастливые дни: я мог выбирать партнеров по переговорам, исходя из интересов разведки. Игра стоила свеч — такие контакты сопровождались японской благодарностью. С другой стороны — срабатывал принцип: если долго стрелять в ручей, то обязательно попадешь в рыбу.

Тем временем секретарша жаловалась на меня главе ТХИ, говоря, что работает на одного Максимова, который нарушает указание не иметь контактов с японцами. Секретарша была довольно истеричной и все делала громогласно и демонстративно. Новый глава ТХИ — человек мягкий и обходительный — понимал задачи разведки как государственное дело.

Разрешилась конфликтная ситуация просто. Из Японии возвратилась секретарша торгпредства, которая стала секретарем заместителя министра. У нашей семьи с ней там были теплые отношения.

— Ольга Андреевна! — воскликнул я, увидев «японскую секретаршу» в столовой Внешторга. — Рад вас видеть.

— Толя, я тоже. Как жена, дети, кто у вас родился? Я в двух словах рассказал: родился сын, работаю в ТХИ. Мимо проходила «моя» секретарша.

— Сусанна, — обратилась к ней Ольга Андреевна, — ты знаешь Анатолия? Этой мой друг по Японии.

Надо было увидеть лицо моей мучительницы! Она взглянула на меня, как смотрят на самого дорогого человека. Иерархия требовала подчеркнутого уважения: секретарша заместителя министра была выше, чем из ТХИ.

Конфликт был разрешен.

Среди моих знакомых коммерсантов из Японии время от времени появлялись такие, кто открыто предлагал свои услуги.

— Максимов-сан, мне пятьдесят, и все мое богатство — русский язык. Я был военнопленный в вашей стране и там его улучшил. Помогите мне, дайте контракт во Внешторге.

Контрразведывательная осторожность не позволяла мне отвечать взаимностью на такие предложения, но участвовать в конкуренции я давал возможность и таким.

В середине шестьдесят пятого года в парке «Сокольники» проходила торгово-промышленная выставка «Химия-65», в которой участвовали сотни фирм со всех континентов. Здесь получили развитие старые контакты по Японии и появились новые оперативно значимые знакомые из европейцев.

Профессионально общаясь с коммерсантами многих стран, я

давал характеристики на них моим контрразведывательным коллегам, главною задачей которых было выявление кадровых сотрудников разведки Запада и связанных с ними деловых людей.

И вот в поле моего зрения появился однофамилец — работник крупной французской фирмы. Профессионально и грамотно он стал изучать меня, используя столь редкое совпадение. Выяснилось, что наши родные были из одних и тех же мест, но его отец выехал во Францию еще в революцию. На выставке работали тысячи иностранцев, и подсказка, кто может подозреваться в связях со спецслужбами Запада, — это экономия сил и выход на нужный объект контрразведывательного интереса. Мой тезка оказался кадровым разведчиком, «коллегой» с той стороны. Это установила «наружка» и кое-какие мои действия по согласованию с контрразведчиками.

На выставке я познакомился еще с одним французом российского происхождения. Это был типичный еврей с мощным басом и яйцевидной, совершенно лысой головой. Шестидесятилетний весельчак и балагур привлекал к себе внимание заразительной жаждой жизни. Мне он был симпатичен по многим причинам, одна из которых заключалась в обоюдном интересе к живописи. На эти темы мы много говорили с ним, сближаясь все более и более.

После закрытия выставки я ввел его в круг работников ТХИ, дал кличку «Рубо». Первая же моя просьба по добыванию образца была им воспринята с пониманием. Через месяц он привез нужную смазку, рассказав, что доставил ее на себе, в пальто:

— Все думал, как объясню таможенникам, если заинтересуются, почему она в кармане, а не в багаже?..

Как-то он пришел в ТХИ и рассказал историю:

— Зашел я на днях в гастроном на углу рядом с Внешторгом. Рядом оказались двое, по виду — алкаши. «Дай рубль» — говорят. Я дал. Они: «Жди здесь». Через минуту появляются с бутылкой и каким-то свертком. Зашли во двор. Они достали три стакана и разлили водку. В газете были хлеб и колбаса. Перед тем, как выпить, я сказал по привычке: «Ваше здоровье, господа!» Зажмурился и выпил. Когда открыл глаза — ни собутыльников, ни закуски. Мое «господа» и спугнуло их. Все бы ничего, да без закуски я не любитель выпить.

По делам оперативным «Рубо» каждый раз привозил что-либо. Наши отношения начали определяться как весьма перспективные. Но… всему приходит конец.

Одно из заданий было важным и весьма деликатным: достать образец молибденовой смазки, применяемой в системе гироскопов ракет армии НАТО. «Рубо» охотно взялся его

выполнить. Через недели три приехал в Москву и сообщил, что путь добычи образца найден: работник фирмы «Боинг» в Париже имеет связи среди военных Франции.

— Мой друг из «Боинга» спрашивает, сколько нужно смазки?

Я запросил информационный отдел, тот уточнил просьбу у заказчика — военного исследовательского института. Через несколько дней я сообщил «Рубо», что нужно пять килограммов, якобы это стандартная упаковка. Вскоре «Рубо» прилетел из Парижа.

— Анатолий, я виделся с другом из «Боинга» и просил его достать нужное количество. А он мне в ответ: можешь не говорить, для кого эта смазка — для русских…

Я изумился такой прозорливости. Тот продолжал:

— Он еще добавил: для всех ракет НАТО нужно всего двести грамм этой смазки…

Это был шок. Какая нелепость! Но «Рубо» добил меня окончательно:

— Мой друг предостерег меня от участия в секретных делах с Россией. Более того, он сказал, что по моим следам идут люди из Сюрте националь — французской контрразведки и что они уже интересовались о характере связи меня с русскими.

И все же он выложил передо мной маленькую коробочку, в которой было около грамма нужной мне смазки.

Но безопасность есть безопасность, оперативные контакты с «Рубо» пришлось свести на нет. А жаль — человек большой энергии, он явно гордился специфичными заданиями. Главное, он понимал, что моральная правота в промышленном шпионаже на советской стороне: мы боролись против изоляции страны в научно-техническом прогрессе и на мировом рынке разделения труда.

Плодотворный опыт работы с контрразведчиками был продолжен. Объединив усилия нескольких подразделений КГБ, провели операцию под кодовым названием «Цены».

Я вел переговоры с одной западной фирмой по заключению контракта на десять миллионов долларов. Речь шла о закупке оборудования по производству полимерного вещества как сырья для синтетического волокна. К участию в контракте привлекались фирмы из нескольких стран — производители оборудования и владелец ноу-хау.

Цель операции — узнать реальную стоимость предложения на оборудование и ноу-хау, то есть пределы снижения цен, на которые пойдут фирмы Запада. Наш конъюнктурный отдел в результате расчета вышел на цифру примерно на 5–7 процентов ниже предлагаемых. Эта сумма укладывалась в утвержденную ЦК

КПСС и Советом Министров СССР.

Нам удалось заглянуть в нужный атташе-кейс и сфотографировать деловые бумаги главы делегации западных коммерсантов и специалистов, ведущих переговоры с ТХИ. Каково же было наше удивление, когда среди этих документов был обнаружен листок, всего один, но какого взрывоопасного содержания!

Это была заявка фирмы-производителя в европейский банк для получения кредитов. В ней говорилось, что фирма просит деньги на машинную часть контракта, электрику и так далее. Указывались цены по позициям. Но затем шел пункт, которых гласил: «Коэффициент 2 для стран Восточного блока». И вся сумма за оборудование увеличилась в два раза.

Искренне веря, что творю правое дело, когда раскрываю глаза Внешторгу на нечестные игры с ценами наших западных партнеров, я доложил полученные сведения начальнику НТР, который, в свою очередь, направил сведения официальным путем, как строго конфиденциальные, руководству Министерства внешней торговли СССР.

Но этот листок, оказывается, ставил под угрозу эффективность системы обсчета конъюнктурного рынка во Внешторге. Его руководство стало спасать «честь мундира», заявляя, что это происки КГБ.

Чтобы погасить начинающийся скандал между двумя могущественными ведомствами — КГБ и Минвнешторгом, нужен был «козел отпущения», и его нашли в моем лице. Был поставлен вопрос о моем исчезновении из-под «крыши». Обо мне говорили, как о «кэгэбэшнике», ведущем подкоп под традиционные устои Внешторга, собирали на меня компрометирующие материалы.

Банковский «компромат» жег руки коммерсантам Внешторга, ибо в ней были сведения о принципе завышения цен западными партнерами в два раза на экспортируемое в Советский Союз оборудование и ноу-хау. Эти «два раза» система обсчета цен во Внешторге была не в состоянии уловить.

Рассмотрение полученной разведкой информации в высоких инстанциях с участием руководства КГБ, разведки и Внешторга не дало хода амбициям торговых профессионалов и заставило их признать несовершенство конъюнктурной системы. Если учесть, что только ТХИ ежегодно закупал более чем на 2 миллиарда долларов, то можно представить, сколько переплатила западным фирмам моя страна.

Чувствовал ли я себя в этой ситуации именинником? И да, и нет. Во-первых, чуть не вылетел из Внешторга и даже из собственного ведомства — «чуткие» кадровики грозили мне

увольнением «за подрыв авторитета КГБ». Во-вторых, меня не привлекали лавры, добытые путем конфликта с сильными мира сего во Внешторге. И тем не менее я поработал там еще более десяти лет и, думаю, весьма успешно.

Радовало торжество правды, пусть довольно шумной, но все же в интересах государства. Я глубже стал понимать, что безопасность его — это не только работа военного контрразведчика, ноу-хау и образцы по линии НТР, но и прямой экономический вклад в дело моей Родины.

С оперативной точки зрения в этом деле мне помог японский источник, который подсказал о завышении цен Западом. Но это «чудо» в отношениях КГБ и Внешторга не могло бы свершиться, если бы не мой частный визит в ЦК КПСС к старому знакомому — тому самому Виктору Сергеевичу, с которым судьба свела меня в Англии и которого я принимал в Японии.

Редкий случай, но здравый смысл восторжествовал в плановом хозяйстве страны, где работали по принципу: «Все, что не из руководящих уст, то от лукавого».

Год закончился для меня весьма неплохо. Начата работа с японскими источниками, получена информация и образцы, появились новые полезные контакты среди бизнесменов и специалистов в ФРГ, Австрии, Франции. И все же моими любимыми источниками были японцы. А главное удовлетворение я получил в результате завершения разработки японского специалиста, которого назвал «Фузи».

Ни электроника, ни химия, ни, тем более, атомная энергетика не могут существовать без сверхчистых материалов. Как правило, получение абсолютно чистого материала зависит от технологии очистки. Это сейчас по телевидению домохозяйкам предлагают систему получения сверхчистой воды. А тогда, в середине шестидесятых, специальные вещества для очистки — ионообменные смолы (амберлиты) находились в стадии эксперимента. Универсальных смол не было, их нет и сейчас, а были избирательные — для каждого материала была своя.

Разведывательное задание гласило: добыть образцы и технологию производства экспериментальных ионообменных смол серии «Х». Нужно было искать источник, который смог бы на регулярной основе передавать образцы и информацию, в первую очередь американского производства. Еще в Японии, разобравшись со спецификой проблемы, я стал наносить визиты химическим компаниям и специализирующимся в области очистки воды фирмам.

Исходил из того, что японцы очень беспокоились о качестве своей продукции на мировом рынке. А оно зависело от качества

исходного сырья. Предполагалось, что группа крупнейших корпораций, известных в Японии как «большая десятка», — дзайбацу, наладит для собственных нужд производство ионообменных смол, вернее всего, по американской лицензии. Так оно и случилось. Удалось установить оперативный контакт со специалистом на основе интереса его к СССР. Себя он считал социал-демократом, а в прошлом был японским комсомольцем.

«Фузи» плохо говорил по-английски, но все же мы нашли общий язык. Еще в Японии он передал информацию и образцы для атомной, химической, электронной промышленности, описания к ним, а для двух — ноу-хау.

Всего два раза побывал «Фузи» в СССР: на торгово-промышленной выставке и проездом в Европу, но этих встреч и контактов в Японии было достаточно, чтобы установить оперативные отношения. В последний визит в Москву я встретил «Фузи» в гостинице и построил его программу пребывания таким образом, чтобы максимально поддержать в нем добрые чувства к моей Родине. Он мечтал побывать в Ленинграде — колыбели Октябрьской революции. Мы поехали в город на Неве, совершили экскурсии по нему. Но наибольшее впечатление на него произвело Пискаревское кладбище, где захоронены шестьсот тысяч ленинградцев, умерших в блокаду от голода и от ран, убитых при защите города.

Когда я перевел трагические строки дневника Тани Савичевой, «Фузи» окаменел и дрожащей рукой коснулся стекла, под которым лежали листочки из 1943 года. Это было эхо войны, сравнимое разве что с эхом Хиросимы — для японцев, Орадура — для французов, Хатыни — для белорусов, Пёрл-Харбора — для американцев и Ковентри — для англичан.

Перед памятником матери-Родине «Фузи» упал на колени и надолго замер, сложив ладони перед лицом. Думается, он испытывал такое же чувство личной вины за содеянное человеком, что испытал я у символической могилы жертвам атомной бомбардировки в центре Хиросимы.

В Москве мы посетили музей-квартиру Николая Островского. Я знал, что «Фузи» относился к личности писателя с большим уважением и приход в музей был для него своеобразным праздником.

— Максимов-сан, «Как закалялась сталь» я читал в Японии еще до войны, — воскликнул взволнованный «Фузи», когда нашел знакомую книгу на японском языке. — Читали скрытно — она была в Японии запрещена.

Работник музея — близкий Островскому — человек предложил расписаться в книге отзывов. Сделать это я попросил

не под своей фамилией, а просто «Фузи» — его чувства к Островскому в Японии могут и не понять, «Фузи» согласился.

В Москве мы оговорили с ним задания, условия неофициальной переписки, встречи в Токио.

Весной шестьдесят шестого года я побывал в Японии с коротким визитом, получил от «Фузи» очередную информацию и образцы. Встретился еще с двумя источниками, которые работали над синтетическими каучуками для космической техники и приборами контроля за качеством интегральных схем.

Повидал и «Манга» — главу фирмы-производителя. Его я знал с шестьдесят третьего года. Это был японец с типичными чертами американского бизнесмена. Молодой коммерсант рвался на советский рынок, и моя помощь в этом деле оказалась решающей. Я оговорил с ним задание на добывание оборудования и информации для конструкторского бюро, которое создавало пассажирский самолет нового поколения. «Ил-62» не мог получить международный сертификат качества без системы кондиционирования.

Требовалось добыть аналогичное оборудование американского авиалайнера «Боинг-707» — полный комплект установки, техническое описание и инструкции по эксплуатации. На приобретение выделялось 130 000 долларов.

Естественно, задание было поставлено разведке, ибо ни по частям, ни целиком «Боинг-707» в страны Восточного блока не продавался. Пока я был в Токио, «Манг» нашел канал выполнения задания — через авиакомпанию «Пан американ».

Однако дело до доставки установки в Советский Союз не дошло. Через пару месяцев «Манг» прилетел в Москву и привез с собой полный комплект рабочих чертежей всех узлов установки, полное описание и нужные инструкции. Когда наши специалисты просмотрели гору информации в несколько тысяч листов, то удовлетворились. Задание было выполнено. Более того, «Манг» — миллионер ничего не взял за все это богатство.

Мои руководители не могли взять в толк, почему источник отказывается от тысячи долларов? Я пояснил, что ему нужна наша помощь в проникновении на наш рынок, а не деньги. Именно это и есть основа работы с ним. Но руководство было неумолимо:

— Нет такого миллионера, который отказался бы от живых тысячи долларов!

— Максимов-сан, эти доллары я не могу взять, — вежливо, но со всей решительностью отказался при встрече «Манг». — Мы ведь друзья с вами…

А для меня наступило время мучительных раздумий: как

сделать «другу» подарок за тысячу долларов? За доллары купить тогда ничего было нельзя. Но за тысячу рублей можно было попытаться. На такую сумму сувенира в Москве я не обнаружил, пришлось купить два по пятьсот рублей. Вручил «Мангу» грузинской чеканки маленькие стаканчики на серебряном подносе и рог, отделанный серебром. Проблем с вручением не было.

Позднее я узнал, что конструкторское бюро «Ил-62» использовало кондиционер «Боинга» в создании отечественной системы кондиционирования воздуха для стратегических бомбардировщиков, космических кораблей и подводных лодок.

В благодарность за эту информацию и другие щепетильные задания я помог «Мангу» открыть в Москве его собственное коммерческое бюро.

Напрасно я гордился, что немного разобрался в отношениях японцев между собой внутри фирмы. Шеф бюро фирмы «Манга» в Москве знал русский язык еще со времен плена. Как-то «Манг» спросил меня:

— Скажите, Максимов-сан, мой глава бюро хорошо знает русский язык? Он просит себе девушку-переводчицу для работы в офисе…

Глава бюро знал язык хорошо, но, конечно, были шероховатости. Об этом я и сказал «Мангу». По японским же обычаям в этом случае нужна не правда, а лесть. «Манг» сделал вывод: раз я хвалил, но сделал замечание, значит, скрыл правду — глава бюро язык знал плохо. Через наделю я встретил расстроенного главу бюро:

— Максимов-сан, мой босс, ссылаясь на вас, сказал, что я плохо знаю русский язык. И теперь мне сократили, заработную плату на 15 процентов.

Я как мог стал успокаивать старого японца, объяснил характер беседы с «Мангом». Но тот был безутешен, говоря, что не деньги его беспокоят, а доброе имя. В очередной приезд «Манга» я упросил его быть справедливым к подчиненному. Опять то же: восток — дело тонкое.

В том же году мне пришлось начать работать над сложным заданием для нужд космических исследований. Речь шла об изготовлении за рубежом нестандартного оборудования — термобаровлагокамеры для испытания космонавтов и приборов. Это была климатическая камера, имитирующая условия космоса на Земле. Главной ее особенностью был глубокий вакуум. Именно глубокий, почти космический вакуум стал камнем преткновения — оборудование было отнесено к категории строгого эмбарго, даже строжайшего, так как работа с такими камерами вносила

прямой вклад в создание систем, позднее названных «оружием космических войн». Заказчиками такого оборудования были Англия, США, Франция, а камеры с требуемыми параметрами нужны были только США и СССР. Товар штучный, скрыть его трудно.

Нужен был особый контракт. Это означало, что камеру изготовят на нескольких фирмах Запада и в разных странах. Но все оборудование — это установка с многоэтажный дом. Сама камера — 8 кубических метров, а вот насосы для создания глубокого вакуума…

Заказали камеру в Европе, отправили в Японию; а там заменили на местную, специально для этого изготовленную. Камеру строгого эмбарго привезли в СССР. Японские специалисты наладили ее, и в ней проходили испытания космонавты и приборы для космических целей.

Разведка взялась обеспечивать космическую программу термобаровлагокамерами различных размеров. Одновременно решалась проблема обеспечения технологий их производства на отечественных заводах. Отставание в таком производстве определялось в семь лет. Нужна была камера объемом в 17 кубических метров, а это уже оборудование на нескольких большегрузных железнодорожных платформах.

Началась разработка путей выполнения задания. Главным моим помощником в этом деле был «Кондо», японец почти моих лет, коммерсант, что весьма важно, так как нужен был организатор. «Кондо» и я разработали поиск в Японии конструктора климатических камер, который взялся бы решить техническую задачу по созданию изделий подобного типа силами японской стороны и укомплектовать их электроникой американского производства.

Так волей или неволей «Кондо», я и японский конструктор стали инициаторами развития сверхнового направления в японской промышленности — имитации условий космоса на Земле. Думаю, и сейчас японское агентство по аэрокосмонавтике получает камеры этого конструктора-энтузиаста, который, к сожалению, уже умер. Но он оставил память — инженерную мысль и для России, и для Японии.

«Кондо» помог «Конструктору» негласно получить необходимые сведения о производстве на американских, английских и французских фирмах. Первая камера в 17 кубических метров была сделана за какие-то десять месяцев. За ней были другие, но вершиной конструкторской мысли стала камера в 100 кубических метров. Электроника для нее была уже японского производства, вакуумные насосы — из США, Англии и

Японии.

В середине года я побывал на Британских островах, где в Лондоне получил образцы ионообменных смол и сведения о их производстве на английской фирме «Ай-Си-Аи». Это была целевая поездка.

Визит в Лондон — это снова музеи и картинная галерея национального искусства Тейт, где я простаивал часами перед великим маринистом Тернером. Фирма-клиент ТХИ устроила в мою честь ленч, после него мне указали на место, обозначаемое во всех странах мира двумя буквами. Обратил внимание, что оно предназначено явно для двоих. О своем открытии я уведомил присутствующих и пригласил кого-либо присоединиться ко мне.

— Это не в английских нравах — или один, или трое…

— А зачем же на двоих?

— О, это от британской демократии: могу, но не хочу… Быть в Лондоне и не посетить Бейкер-стрит для меня казалось непростительным. На этой улице, в доме 221-б английский писатель Артур Конан Дойл «поселил» знаменитого детектива. Вот на доме вывеска «Покои доктора Ватсона», рядом гостиница под названием «Отель Шерлока Холмса», а вот и квартира сыщика. Писатель умер, не узнав, что на улице появится действительно дом с выдуманным им ранее номером.

Когда в него въехала фирма, в офис полетели письма в адрес… Шерлока Холмса. Почты было столько, что фирма решила выпустить брошюру, в которой говорилось «об особом отношении к прославленному детективу». В офисе появилась «секретарша мистера Холмса», которая отвечает на письма читателей. «Мистер Холмс попросил меня ответить от его имени…», «Мистер Холмс сейчас на отдыхе…», «Мистер Холмс разводит пчел в графстве Суссекс…»

Захожу в таверну-салун на углу здания «Отеля Шерлок Холмса», надеясь посетить комнату, воспроизводящую обстановку кабинета сыщика, и упираюсь в спины людей, плотной толпой стоявших по всему залу. Все ели, пили и громко разговаривали, шум стоял неимоверный. Бармен, краснощекий упитанный мужчина в традиционном белом фартуке, явно меня о чем-то спрашивал.

Я кивнул, и через секунду в мою сторону поплыла тарелка с чем-то съестным и огромная кружка пива.

На тарелке лежал изрядный кусок ростбифа, пара картофелин и кусочки моркови. Приноровился в такой давке и стал осторожно орудовать вилкой с двумя зубцами. Минут через десять меня вынесло к ступеням лестницы. Поднимался я с трепетом в ожидании встречи со священным жилищем великого

мастера сыска.

В кабинете в упор на меня смотрели горящие фосфором глаза собаки Баскервилей, рядом змея из новеллы «Пестрая лента», тут же трубка, скрипка и лупа сыщика. На столе лежит бумажка с шифрованной запиской — это «пляшущие человечки». А вот и сам мистер Холмс — именно в такого сыщика стрелял наемный убийца, приняв бюст за реального детектива.

Уношу с собой «Каталог коллекции Шерлока Холмса», на котором делаю надпись: «Куплена 23 июня 1966 года во время посещения таверны Шерлока Холмса, которая расположена в двух минутах ходьбы от Трафальгарской площади».

Успех разведчика во многом зависит от того, как сложатся его отношения с «чистыми» работниками ведомства, «под крышей» которого он работает. В моем случае — Техимимпорта. Обязанности по работе я исполнял профессионально, рос в должностях. От меня «чистые» получали помощь не только советами, но и делами. Работы я не сторонился, и вскоре мои коллеги перестали стесняться меня. Более того — стали помогать.

Далеко не всегда надо оформлять отношения «помощник» — разведка на юридической основе. Чаще всего я имел дело с людьми, доброжелательно настроенных к органам.

Один из директоров конторы в ТХИ долго сторонился меня, но жизнь помогла и ему и мне все расставить по своим местам. Под его началом работали молодые мужчина и женщина — оба семейные. Мужчина оформлялся на работу в западную страну в качестве представителя ТХИ — в той стране шли закупки оборудования для «Большой химии». Когда билеты уже были на руках, в партком Внешторга пришло анонимное письмо. Работника обвиняли в интимной связи с женщиной из конторы. Партком потребовал разобраться.

В отчаянии директор обратился ко мне. Я знал подчиненного ему работника и плохого о нем ничего сказать не мог. Спросил своих «помощников» — те подтвердили порядочность человека.

— Валентин, можешь сказать в парткоме, что со стороны нашей службы к сотруднику претензий нет, анонимка — клевета…

Я превысил свои полномочия — это было дело контрразведчиков, но стоял вопрос о важной государственной работе в стране, решающей задачи для нужд и нашего народного хозяйства. И я взял «грех» на душу. Я не был уж столь бескорыстен, надеясь, что это зачтется мне в работе с руководством ТХИ. Так и случилось. Работник уехал за рубеж, честь женщины была спасена, а я стал обращаться с доверительными просьбами к директору, который в отношениях

со мной до этого случая был весьма строптив.

В январе шестьдесят седьмого года началось мое оформление в Канаду для работы на «Экспо-67». До выезда мне было необходимо побывать в Японии для встречи с «Фузи», «Кондо» и специалистом по климатическим камерам.

Как обычно, зашел к коллеге из информационной группы НТР.

— Митя, дорогой, — с деланным радушием обратился я к симпатичному коллеге, с которым нас роднила живопись, — что привезти тебе с Японских островов? Что-нибудь из красок?

— Точно. Нужна берлинская лазурь, в общем, оттенки голубого и синего. Я что-то увлекся прозрачностью неба Подмосковья.

— Нет проблем, Митя. А нет ли у тебя какого-нибудь старого задания, еще не выполненного? Может быть, я поработаю? Ты меня знаешь — люблю что-то особенное…

— Смотри сам, — и Митя подсунул мне толстенную папку-досье с заданиями ВПК.

Я стал читать бланк заявки на указанной Митей странице. Конечно, задание по Америке, фирма «Митчелл», работают уже два года в Нью-Йорке, Париже и Лондоне. А что же нужно? Образец гелиевого ожижителя — криостат. Номер задания говорит о космической тематике: сверхнизкая температура, почти абсолютный нуль, 9 градусов по Кельвину.

— Хорошо, я возьму это задание на проработку…

— Но помни — это для космоса… Сам знаешь — важное.

— Важное? А что же оно киснет уже два года в Европе и за океаном? Они, видимо, уже давно его «рассекретили» перед американской контрразведкой. Ладно, беру — есть кое-какие задумки…

— Ты лучше посмотри внимательнее на номер задания: ведь два нуля — совершенно секретное. Да с этим заданием в нью-йоркской резидентуре никто даже и не пытался работать. Это им не по зубам. Почему оно не у вас? Так распорядились сверху.

Митя еще добавил:

— Выполнишь — крути дырку под орден. Оно на учете!

На том и расстались.

Я напрягся и вспомнил, что один из моих японцев, «Тромб», который помогал мне на границе доступного и опасного, работал в коммерческой фирме и однажды мы обсуждали с ним закупку криостатов из фирмы «Митчелл». Правда, простых, для обычных дел. Но и тогда были трудности с получением экспортной лицензии на ввоз приборов в СССР. «Тромб» особенно рисковать не хотел. Постоянно он пребывал в Осаке, во время визитов в

Москву обязательно встречался со мной.

Его судьба была тесно связана с Квантунской армией, которая в годы войны оккупировала Маньчжурию. У «Тромба» был там друг. Теперь он стал большим начальником в МИТИ — Министерстве международной торговли и промышленности. Жизнью оба были обязаны нашим войскам, которые стремительно разгромили японцев в сентябре 1945 года: «Тромб» и его друг были приговорены японским военно-полевым судом к расстрелу за пораженческие настроения.

За три года плена в Сибири «Тромб» выучил русский язык и теперь занимал руководящий пост в торговой фирме, имеющей хорошие отношения с Китаем и СССР. К нему-то я и собирался обратиться, знал, что он выполнит задание, если, конечно, возьмется за него. Если же откажется, о моей просьбе никто не узнает. В Токио я позвонил «Тромбу» и, мотивируя встречу работой по ТХИ, через пару дней встретился с ним в китайском ресторане на Гинзе.

— Помнится, мы разговаривали об американской фирме «Митчелл»…

— Да, Максимов-сан, мы имеем соглашение на поставку их криостатов в Японии, но не в страны Восточного блока.

— У меня есть просьба… — И я изложил суть задания, в ответ на что бизнесмен не по-японски развел руками: «Ну, что с вами поделаешь!»

— Хорошо, Максимов-сан, через три дня я дам вам ответ.

И вот мы снова сидим на Гинзе.

— Мы уже поставили два гелиевых ожижителя в Хиросимский университет. Один в работе, другой — в запасе. Конечно, вам образец нужен срочно? Как говорится, «кровь из носа!..»?

— В пределах полугода.

— Я организую поставку в Москву через три месяца. Цена — 15 000 долларов.

Я имел полномочия приобрести криостат за 7 500 долларов. Но это уже были «технические» трудности. Разговор с «Тромбом» происходил в марте, и мы договорились, что к концу мая образец будет в Москве. Я разъяснил, как и кому передать образец (я в это время уже должен быть в Монреале) и как получить деньги.

«Тромб» обещание выполнил. Мой коллега из НТР, который принял от японца образец, рассказал о реакции руководства на появление криостата в здании разведки. Образец был на контроле у руководства КГБ. Связано это было с тем, что стыковка грузовых космических кораблей срывалась одна за другой — лазерный прицел не давал нужной точности при сближении «грузовика» со

станцией длительного использования. Нужен был криостат с температурой именно в 9° Кельвина, чтобы стабилизировать лазерный луч, направленный на стыковочный узел станции.

На вид прибор был как обычный термос, рассчитанный на литр, но его значение было более чем значительное: один за другим грузовые корабли сгорали в атмосфере Земли, не выполнив стыковку.

Мой начальник во Внешторге и коллега, получивший образец от «Тромба», принесли криостат в кабинет заместителя начальника НТР. Тот позвонил начальнику разведки и получил приказ принести криостат к нему.

— И вот эта штука может помочь нашему космосу? — начал с сомнением начальник разведки, мысля крупными государственными категориями.

— Да, это тот самый образец, наконец-то мы его достали, — сказал замнач НТР.

— Вы уверены, что тот самый?

— Абсолютно.

Через час образец был доставлен в конструкторское бюро космических ракет. А я, вернувшись из Канады осенью шестьдесят седьмого года, был награжден… почетной грамотой за подписью председателя КГБ со стандартной формулировкой «за достигнутые положительные результаты…» Я был счастлив, особенно от того, что мой пиджак не пришлось дырявить.

Порадовал меня и «Фузи». Он приготовил обширную информацию по ионообменным смолам для нужд строителей подводных лодок с атомной установкой и производства твердых ракетных топлив. Передал он и секретный доклад на конференции по стратегии и тактике в области применения амберлитовых (ионообменных) смол.

По своей инициативе «Фузи» передал мне карту Японских островов, на которой было указано размещение военно-морских и военно-воздушных баз США: назначение, состав, количество самолетов и судов, другие характеризующие сведения. Данные «Фузи» получил от своего друга по университету, который был близок к группе политиков, в число которых входили премьер-министр и министр МИТИ.

Карта была направлена в ГРУ, которое оценило сведения положительно, заметив: данные дополнили уже имеющиеся сведения о дислокации американских войск в Японии.

Я возвратился в Москву и в конце апреля пересек Атлантический океан для работы на «Экспо-67».

Глава 4
В Стране кленового листа

Приятный человек

Шел второй месяц моей работы в Коммерческом центре советской секции «Экспо-67». Остались позади открытие грандиозной международной выставки под девизом «Человек и его мир», первые впечатления о двухмиллионном городе, прозванном «Западным Гонконгом». Шли обычные оперативные будни: знакомства, беседы, первые встречи в городе с коммерсантами и специалистами, работающими к области нефтехимии, химии, пластмасс.

Через оперативные возможности и анализ обстановки на выставке было известно, что помещения советских организаций оснащены подслушивающими устройствами, телефонные разговоры контролируются. Наши граждане сообщали об их изучении спецслужбами. Работала контрразведка, и не только канадская…

В двадцатых числах июля я выехал во второй по величине город страны — Торонто, где проводилась Международная выставка пластмасс. В коммерческом центре на «Экспо-67» по линии Минвнешторга лишь я один представлял объединение «Теххимимпорт», которое закупало оборудование по производству сырья и изделий из пластмасс. Многолетняя специализация в этой области давала мне возможность завязывать полезные знакомства среди деловых людей Запада, прикрывать свой интерес в работе по НТР.

Среди нескольких полезных связей, заведенных мною на этой выставке, оказался Джеффри Вильямс, вице-президент монреальской консультативной фирмы «Барнетт Дж. Дансон — Ассошиэйтед лимитед». Джеффри был удивительно приятным человеком. Выше среднего роста, спортивного склада. Чуть красноватое лицо — предки его были ирландцами — озарялось открытой улыбкой. Веселый, жизнерадостный, он, казалось, преуспевал и был беззаботным.

Однажды, как это принято в деловом мире, Джеффри пригласил меня на вечерний коктейль в гостиницу, где проживали сотрудники его фирмы, прибывшие на выставку в Торонто, и привел меня в номер к главе фирмы Барнетту Дансону. Против ожидания, на так называемый коктейль собралось всего пять человек.

Это была странная группа людей. Сам Дансон, плотный стареющий мужчина, этакий босс, явно презирающий своих подчиненных. Джеффри — на побегушках, испытывающий унижение от насмешек босса и поддакивающих ему молодых

людей, принадлежность которых к какому-либо роду занятий определить было трудно (своих же визиток они мне не вручили).

Дансон не скрывал враждебного настроя к нашей стране. Видимо, антисоветизм у него был в крови. Даже торговая деятельность Советского Союза вызывала у него прилив необъяснимой злобы.

Желание глубже понять идейного противника заставило меня вести с ним дискуссию. Шпаги скрестились. Молодые люди молча внимали своему хозяину. Только у Джеффри на лице иногда проскальзывала неловкость за своего слишком агрессивного босса. Проповедуя неограниченную свободу бизнеса, Дансон безмерно восхварял политические, экономические и торговые достижения южного соседа Канады — США.

Ни до, ни после встречи с этим иностранцем мне не приходилось встречать столь откровенную ненависть ко всему советскому.

Позднее Джеффри, будучи в нетрезвом состоянии, что с ним случалось весьма часто, доверительно обрисовал личность Дансона как человека с жесткой деловой хваткой, политикана с милитаристскими замашками, основной бизнес которого был в США.

Тем более года через три мне было странным узнать, что в канадском правительстве проамерикански настроенный Барнетт Дансон сначала занял место в канцелярии премьер-министра Пьера Трюдо, а позднее — пост министра обороны Канады.

Главная контора фирмы Джеффри находилась в Монреале. Профиль ее деятельности заинтересовал меня. Через нее я надеялся получить некоторую информацию по изготовлению емкостей из стеклопластика большого диаметра. Уезжая с выставки, договорился с Джеффри о встречах в Монреале. Да и повод был уважительный и вполне нейтральный: я пригласил Джеффри с семьей посетить советский павильон на «Экспо».

За последующие месяцы встречался с Джеффри еще раз шесть-семь. Он отличался деловитостью, был он весьма практичен, но в отношении меня бескорыстен. Хорошо зная компании, связанные с его фирмой, он порой давал мне нужные советы и помогал в поисках деловых контактов.

Естественно, я был ему благодарен, тем более что Джеффри старался временами скрасить мое свободное время. Он любил подчеркивать, что в Канаде я — гость, а значит, и его, Джеффри, гость.

Чаще всего инициатива встреч исходила от моего канадского друга. Так было и с ознакомительными поездками на фирмы-изготовители изделий из пластмасс за пределами Монреаля. Как

обычно, в пути Джеффри бывал общительным, веселым и внимательным собеседником. Много расспрашивал о различных сторонах жизни в Союзе. Искренне восторгался нашими достижениями.

Во время одной из таких довольно длительных поездок я обратил внимание на тот факт, что визит на фирму не был согласован заранее и для ее владельца явился полной неожиданностью. Это меня насторожило: уж не было ли в приглашений меня в эту поездку еще какого-либо смысла — побыть со мной, лучше разобраться в моих взглядах и особенностях характера? Вспомнилось, что в поездке Джеффри вел себя необычно: мало разговаривал, был задумчив. Во время короткой остановки у дорожного кафе проявил рассеянность, забыв ключи от автомашины на столике.

Пробыв на заводе фирмы не более часа, Джеффри повез меня назад в Монреаль. На полпути он предложил перекусить. За столом заговорил о деловом подходе в нашей стране, что ему казалось странным и непонятным.

Джеффри предложил мне давать консультации фирмам, что, по его словам, могло бы стать для меня хорошим бизнесом. Казалось бы, речь шла о довольно простых вещах: каталогах и проспектах советских внешнеторговых организаций. Моя задача заключалась бы в том, объяснял он, чтобы сообщать о наиболее важном и актуальном. Организацию такого бизнеса Джеффри без вознаграждения брал на себя. Когда я сказал, что в нашей стране такое не практикуется и частным бизнесом нам заниматься запрещено, он был поражен: почему? Странные порядки!

Предложение Джеффри не могло не заставить меня задуматься о наших отношениях. Придя из контрразведки, я старался анализировать поведение иностранцев вокруг меня. Действия Джеффри отличались от общения с другими моими канадскими связями. Настораживало назойливое желание втянуть меня в оплачиваемый бизнес. А может, мне все это казалось и во мне говорила присущая контрразведке подозрительность?

О своих догадках я рассказал коллеге-контрразведчику из совколонии в Монреале. Но данных было маловато. Подобная информация о других советских людях стекалась из различных источников. Мои соотечественники интенсивно изучались спецслужбами. Решили подождать: если Джеффри изучает меня по заданию, это скажется в чем-либо более конкретном.

А пока мне не следовало проявлять особой активности в контактах с Джеффри, предоставив инициативу встреч ему самому. Следовало внимательно следить за его действиями, не избегая общения, — лучше знать, кто тобой интересуется, чем

быть в неведении. В общем, рекомендовалось вести себя с ним как с нейтральной связью.

Вскоре после упомянутой беседы Джеффри пригласил меня на дачу на берегу озера Джорджвилл, у южной границы с США.

Поехал я туда вместе с Алексом. На «Экспо» Алекс работал стендистом в советском павильоне, заводя связи по линии НТР. Семья Джеффри — отец, полковник английской армии в отставке, мать, жена, брат с женой — встретили гостей весьма радушно.

Отдых получился на славу: купались в озере, катались на водных лыжах и, конечно, много беседовали. Русских подробно расспрашивали о жизни в Союзе, нравах и обычаях. Попросили спеть русские песни. Вот где пригодился талант Алекса как гитариста. Хозяева подпевали как могли «Калинку», «Полюшко-поле» и другие дорогие нам песни. «Подмосковные вечера», верно, были слышны и на середине озера, и в поселке. Было очень тепло и уютно.

Но Джеффри было этого мало. Уже смеркалось, когда он на своей машине повез нас к соседу. Как он выразился, «к соседу с той стороны», намекая на Америку. Показалось, что Джеффри суетился и явно опасался получить отказ со стороны русских.

В доме соседа царило большое оживление, было много молодежи. Как выяснилось позднее, в основном студенты и молодые ученые. Хозяин дома назвался Джимом Годбером.

Был он вызывающе самоуверен и с замашками мелкого провокатора, стараясь уязвить нас выпадами в адрес Союза. Правда, делал это весело, как бы шутя.

Компания была уже навеселе, хотя пили только пиво. Джим быстро организовал вокруг русских дискуссию, основной целью которой было доказать, что лучшего места, чем Канада и США, на свете нет ни в политическом, ни в бытовом плане.

Случилось так, что меня и Алекса во время спора отделили друг от друга. И весьма скоро я оказался с Джимом наедине. Было заметно, что он стремится продолжить со мной разговор в более спокойной обстановке. Предлогом для уединения он избрал мой интерес к катерам и яхтам, предложив осмотреть эллинг для своего катера.

Джим сменил воинственный тон на спокойный и доверительный. Речь повел о приложении сил каждого, всестороннем использовании возможностей человека. О себе он рассказал, что, будучи американцем, в свои неполные тридцать лет достиг всего: хорошая должность консультанта и совладельца химической фирмы в США, дача в Канаде, первоклассная автомашина и катер, есть невеста, а значит, будут семья и дети. Он миллионер, но его, как он знает, ценят не за богатство, а за

умение подбирать для дела людей. Тут Джим заявил, что я вполне подошел бы ему для работы. От Джеффри он якобы много слышал хорошего обо мне, теперь он сам видит это.

Джим предложил подумать над возможностью работать на его фирме. Попросил меня рассмотреть это предложение серьезно и не воспринимать весь наш разговор как пьяную болтовню.

Я отделался шуткой.

Позднее раза два я получал через Джеффри от Джима приветы и напоминание о предложении.

Время от времени в заботах о моем побочном бизнесе Джеффри одолевали новые идеи. Все это не очень нравилось мне, но, откровенно говоря, я особого значения словам его в то время не придавал. Находил объяснение в образе мыслей западного дельца и его неуемной энергии.

Расхолодил меня и контрразведчик, который вяло отреагировал на мою просьбу разобраться в наших с Джеффри отношениях:

— Брось ты мучиться подозрениями — всех изучают. Это вам, военным контрразведчикам, с непривычки все мерещатся происки спецслужб.

Доверившись чуть более опытному коллеге, я, верно, расслабился. Но, как показали события в дальнейшем, напрасно.

Мой отъезд с «Экспо» приближался. Последняя встреча с Джеффри проходила особенно тепло. Он живо интересовался дальнейшей моей, как он говорил, «моего русского друга», судьбой. Интересовался моим местом работы, спрашивал, могу ли я вновь вернуться в Канаду.

Я побывал у него дома. Супруги вручили мне скромный сувенир—две небольшие деревянные фигурки крестьян. Мне не хотелось оставаться в долгу, и я решил подарить пару своих рисунков, сделанных специально для семьи Джеффри. Моими любимыми мотивами были пейзажи с древними и старинными архитектурными памятниками.

Незадолго до отъезда я навестил дом Джеффри и передал его жене две небольшие цветные акварели, обработанные пером, — храм Покрова-на-Нерли под древним Владимиром и мавзолей Гур-Эмир в Самарканде.

«Важан», «Турок» и «Спец»

По линии «Х» информационное задание на «Экспо-67» предусматривало добывание документальных материалов и образцов новой техники, а в оперативном плане — заведение и разработка контактов в среде канадских ученых и специалистов на объектах авиационной, электронной и химической промышленности, причем с преобладанием основных усилий на химию. НТР была хорошо известна тесная связь канадских фирм с американскими компаниями — объектами проникновения разведки, выход на которые предполагалось осуществлять с территории Канады.

Канада занимает особое положение во взаимоотношениях с США. И не только с точки зрения НТР. Три аспекта придавали особый статус интересам СССР к этой стране: политический, военный и экономический. Советской стороне была весьма небезразлична роль Канады в системе международных отношений и ее политический курс в отношениях с другими странами, особенно США. В военном отношении советскую сторону беспокоило выгодное стратегическое положение Канады: она была северным соседом СССР через Северный полюс, а значит, представляла реальную угрозу в планах НАТО и тем более НОР АД.

Мои разведывательные интересы были не столь глобальными: задания, объекты, люди. За шесть месяцев на «Экспо» мне удалось кое-что сделать по добыванию информации и образцов. Тяготея к морской тематике, перед отъездом в Монреаль я изучил несколько заданий по линии судостроения, электроники и химии.

В старой части Монреаля я познакомился со специалистами фирмы, выступающей консультантом в области судостроения. В то время наши строители морских и речных судов работали над проектом «река—море» и вели серьезные исследования в области создания судов, которые могли бы плавать по рекам и выходить в море.

Наших судостроителей интересовало создание судна оптимального водоизмещения с точки зрения безопасного движения по реке и морю. И оно было создано — в 2000 тонн. В конце шестидесятых и начале семидесятых такие суда в России и Европе стали нормой. Но усовершенствование продолжалось. Вот это и предстояло мне осветить, коли оказался в стране с отличными судостроительными традициями.

Один из специалистов фирмы увлекался историей мирового судостроения и оказался моим гостем в павильоне СССР на

«Экспо». Франко-канадец «Бимс» отличался живым и темпераментным характером. Его страсть к пополнению коллекции о судах всех стран мира не знала границ. Он по-детски радовался, получая все новые и новые плакаты, фотографии, брошюры, которые я доставал для него через специалистов на стенде «Морской флот и судостроение». Но пиком его восторга стали маленькая модель сухогрузного судна, набор значков с изображением судов и книга об истории морских флагов разных стран.

На фоне таких взаимоотношений «Бимс» подбирал для меня открытые и не очень материалы. Они были фирменного распространения и принадлежали крупным судостроительным компаниям Канады и США, а из европейских — Англии, ФРГ, Италии и восточных — Японии.

Собранное мною досье в несколько сот страниц освещало тенденции развития судостроения этих стран, характер новых его направлений. Тут были мнения экспертов мирового класса, оценки финансовых специалистов, политиков в области деятельности крупнейших мировых судовладельческих компаний, прогнозы банков и судостроителей на годы вперед, мировое мнение в области судостроения и эксплуатации судов.

Из более конкретных вещей — чертежи компоновки двигательных систем в кормовой части судов различного водоизмещения. Из специфичной тематики — новинки в области строительства судов на подводных крыльях, применяемых канадской пограничной службой в качестве патрульных на побережьях Атлантического и Тихого океанов. Материалы по военной тематике исходили из исследовательских центров министерства обороны Канады. Были ли они весьма секретные или нет, трудно судить, но интерес для наших судостроителей все это досье представило.

В сборе информации по морской тематике помог мне и мой новый друг — Джеффри. Специализируясь на переработке пластмасс, он подготовил для меня объемный материал по изготовлению изделий из стеклопластика, в том числе корпусов судов и емкостей большого диаметра.

Тема стеклопластика была приоритетной для создателей авиакосмических изделий, так как этот материал вплотную приближал конструкторов к композитным материалам — заменителям металлических деталей и узлов. Например, будущий «Шаттл» — космический корабль многоразового использования — на 10–15 процентов состоял из композитных материалов, значительно облегчая конструкцию.

Стеклопластики оказались интересными и с другой стороны

— создания легких, но высокоэффективных бронежилетов.

Однажды у стенда «Нефть и химия» в нашем павильоне появилась любопытная личность — изобретатель специальных тканей. По договоренности с моим «помощником» на этом стенде, такого рода посетители направлялись ко мне, в кабинет коммерческого представителя.

Формально советская сторона не имела права вести коммерческую работу в павильоне, и наша коммерческая секция при Советском павильоне на «Экспо-67» располагалась в центре Монреаля в здании Плас Виктория. Но, посещая павильон, люди искали возможности установить с советской стороной и деловые контакты. Так появился кабинет коммерческого представителя, в котором мы поочередно дежурили.

«Важан» — выходец из Чехословакии, оказался один на нашей грешной Земле. Война отняла у него всех родных — они погибли в гитлеровских концлагерях. Чудом оставшись жить, он эмигрировал за океан и вскоре стал известен среди деловых кругов как изобретатель-одиночка. Работал он в весьма необычной области — производстве технических тканей. «Важан» имел образование инженера текстильного оборудования, и его изобретательским хобби стали высокопрочные и термостойкие ткани. Комбинируя сочетание волокон — от льняных до синтетических и металлических, — он добивался особых качеств ткани за счет необычного их прядения. Это тоже были своеобразные композитные материалы. Мы много беседовали с «Важаном». Его жизнь явилась передо мной как печальная жизнь одинокого человека, страсть которого к изобретательству сжигала его целиком. Позднее, побывав у него в Оттаве, я увидел не дом добропорядочного конструктора с именем и тугим кошельком, а «пещеру» отшельника, стол и полки нескольких комнат которой были лабораторией исследователя.

Людей такого склада ума я уважал, завидовал им и любил с ними общаться. Я подметил одну их особенность — желание найти собеседника, умеющего слушать. С годами «умение слушать» стало моим профессиональным инструментом в общении с нужными людьми. Я научился не только слушать, но и управлять беседой, ставя профессионально грамотные вопросы из той области науки и техники, с которой часто не был знаком. Здесь срабатывал «фактор интуиции», подспорьем которому была смесь обширных знаний из различных направлений научно-технической мысли, инженерная подготовка и жизненный опыт общения с авиацией, военно-морской техникой и вооружением, химическими отраслями.

За годы учебы в военно-морском училище я проникал в тайны

металлургического процесса на заводах, наблюдал производство артиллерийских вооружений и изготовление снарядов, порохов и взрывчатых веществ к ним, был знаком с различными системами наведения на цель и взрывателями к боеприпасам. И все это для военных кораблей и береговой обороны. Я получил знания по смежным вооружениям: ракетной технике (в училище был один из «фау», которым немцы обстреливали Лондон), минно-торпедному оборудованию. И, конечно, по специфическому оружию массового поражения: атомному, химическому, бактериологическому. Зная основы этого оружия, мы разбирались и в системах защиты от него.

Такая «универсальность» знаний — огромное подспорье в работе разведчика, тем более по НТР.

«Важан» не мог жить спокойно, пока существует угроза возрождения «коричневой чумы», унесшей в годы войны все его еврейское семейство.

— Анатолий, неонацизм недооценивают. И вы, советские, тоже. Придет время, и в вашей стране появятся молодые сторонники Гитлера.

— Только не в нашей. Мы помним войну…

Я спорил с «Важаном», но жизнь очень скоро дала мне понять, что моя страна так же мало защищена от неонацистских проявлений, как и любая в Европе и вне ее. «Важан» был прав: «чума» бродит по миру.

— Ваша коммунистическая партия, — говорил он, — может кому-то нравиться или нет, но она сделала главное — организовала победу над Гитлером.

И мы чокались легким рейнским вином — другого «Важан» не признавал.

— В моем окружении есть политики и банкиры, бизнесмены и специалисты, но часто они упрощают угрозу неонацизма.

— Конечно, Жан, — высказывался и я, — самоуспокоение Запада и желание натравить Гитлера на СССР стоило жизни пятидесяти миллионам.

— В твоем лице я благодарю твой народ за защиту людей нашей маленькой Земли от фашизма…

Это была старая тема в наших беседах: Земля беззащитна перед угрозой безумного поведения людей, а с приходом в наш дом авиации она «уменьшилась» в размерах.

Забегая вперед, скажу, что в августовские дни шестьдесят восьмого года, когда начались «чешские события», я виделся с «Важаном» и прочел в его глазах печальный укор:

— Скажи мне, Анатолий, почему именно на танках вы вошли для спасения своих завоеваний в Европе?

Что я мог ответить старому человеку, жизненный опыт которого был велик по сравнению с моим? Мне не хотелось думать и говорить в защиту действий своего правительства, как нас инструктировали в посольстве.

Информация изобретателя-одиночки стала поступать ко мне вместе с образцами пластин для бронежилетов, которые «Важан» разрабатывал по заказу ФБР, ведя переговоры с КККП.

Однажды «Важан» упомянул о работе над тканью для специальных противопожарных скафандров — это якобы было задание военно-воздушных сил США. Я обратил внимание на характеристики ткани: возможность работы в горящем жидком топливе из авиационных двигателей. «Важан» только что приступил к работе по заказу.

Перед отъездом на Родину я договорился встретиться, если окажусь в Канаде снова. А предпосылки к дальнейшей работе в этой стране были.

Менее всего мне была знакома технология получения сырья для электронных элементов — транзисторов, интегральных схем и, тем более, твердотельных генераторов.

Когда в поле моего зрения появился бывший гражданин СССР — специалист в области производства высокочистых материалов для электроники, я воспользовался консультациями инженеров-стендистов из раздела «Электроника» в нашем павильоне. Один из них подсказал мне три направления советских интересов в этой области, точнее, наших узких мест: получение сверхчистого сырья, очистка воды для этих целей, испытание изделий из этого сырья.

Канадского специалиста я назвал «Турок» — его родные сколько-то столетий назад были выходцами из Турции. Перед войной он был активным комсомольцем в одной из советских республик, присоединенных к СССР, ушел на фронт добровольцем, затем плен и работа на немецких заводах.

После прихода в Германию Красной Армии «Турок» работал вольнонаемным в одной из воинских частей советской оккупационной армии казначеем. Он очень хотел возвратиться домой, но судьба предостерегла его — может быть, от сибирского ГУЛАГа.

Офицеры части возвращались из отпуска в Союзе и рассказали «Турку», что бывшие пленные после возвращения в Россию вновь оказываются за колючей проволокой, ибо по законам военного времени приравнивались к предателям. Один из его хороших знакомых офицеров не советовал «Турку» возвращаться на Родину.

И тот подался на Запад. Я попросил Центр проверить

сведения и получил подтверждение: факты полностью совпадали. Более того, «Турок», бежав на Запад, оставил деньги кассы полностью вместе с письмом, объясняющим причины ухода.

Когда я услышал от «Турка» его историю, всей душой понял мотивы побега. Деревня и так лишилась в войну мужиков, а тут новое государственное наказание. Наше сельское хозяйство начало разрушаться не в результате «неверных» действий Никиты Хрущева, а раньше, когда в деревне каждый третий был или убит, или покалечен войной, или побывал в плену — работников не осталось. По-настоящему колхозы в большинстве районов России так и не смогли поднять. В стране праздновали «День металлурга», «День химика», «День учителя» и так далее, но не было «Дня колхозника». Не было до середины шестидесятых годов.

После бегства у «Турка» были трудные месяцы инфильтрационных лагерей в американской зоне оккупации и, наконец, приезд в Канаду. Здесь, на шахтах провинции Манитоба, он несколько лет и работал. Об этом времени он не любил рассказывать — труд был не только тяжелым, но и унизительным. Типичная судьба эмигранта из Европы.

Вырвавшись из цепкой и жесткой системы низкооплачиваемого труда, «Турок» закончил технический колледж и стал работать специалистом по электронике, поступил на работу в престижную фирму.

Наш контакт с «Турком» начался с его интереса к Родине. Человек пытливого ума, он быстро понял мой интерес к его личности, как носителя информации. Он подсказал кое-что по технологии производства сверхчистых материалов, в том числе с использованием ионообменных смол для очистки воды. Для работы с ним я получил из Центра вопросы, которые он осветил, правда, устно. Поведал «Турок» и о новых тестерах для проверки интегральных схем.

В шестьдесят восьмом году, когда я восстановил с ним контакт в Оттаве, «Турок» откровенно признался, что считает работу со мной опасной. Нет, он не сказал, что его персоной заинтересовалось КККП, но я почувствовал в его словах предупреждение: пока было время «Экспо», он мог не докладывать о контактах с советскими людьми, но теперь… Я спросил его:

— Есть трудности на работе?

— Пока нет, но могут быть…

— Какого характера?

— Ты же знаешь: я давал подписку-обязательство, в котором одним из пунктов было требование докладывать о всех контактах

с советскими людьми. Моя фирма работает по заказам канадского министерства обороны и для США.

— А был ли уже подход к тебе со стороны спецслужб?

— Пока — нет. Но все идет к тому. Я чувствую это по поведению руководителя отдела кадров.

Я не думал, что «Турок» блефовал. Наши отношения были искренними. Терять его не хотелось. Понял я и другое: он не хотел участвовать в игре против меня, занимавшегося особой неофициальной деятельностью.

— Мой друг Анатолий, — подвел «Турок» итог на последней встрече, которая проходила в ресторанчике в районе Халл, что лежит напротив столицы Канады, но в провинции Квебек, — я работаю в частной компании, ты видел моих детей — их пять. Я не могу стать угрозой их благополучию.

— Но ты говорил, что выучить детей в Канаде серьезная проблема. Кроме того, есть возможность возвратиться в СССР, жить и работать там по своей специальности, учить детей бесплатно.

— Прости, но эта наша встреча последняя. Вот если лет через пятнадцать, когда мои дети будут устроены…

Это был конец. Конец моим оперативным надеждам в этой области заданий. По опыту я знал, что моих оперативных контактов время от времени настигает сомнение. Но в этом случае, зная его судьбу, я не имел морального права быть настойчивым. Я обосновал необходимость прекращения работы с «Турком» и сообщил об этом в Центр.

Событием, определившим мою оперативную судьбу на ближайшие годы, была встреча с начальником НТР, который посетил «Экспо-67».

Резидент группы сотрудников на «Экспо» сообщил мне, что начальник в шифротелеграмме просил организовать встречу со мной. Он совершал «турне» по резидентурам в Канаде, США и Мексике.

Этот человек, сменивший легендарного Квасникова, в свое время утвердил мое досрочное возвращение из Японии, поверив шефу НТР в токийской резидентуре. И вот теперь я должен был предстать перед ним с отчетом о проделанной на «Экспо» работе. По крайней мере так я представлял нашу встречу.

От нее я не ожидал ничего хорошего. О начальнике ходила слава как о жестоком, безапелляционном и с претензией на бонапартистские замашки. Утверждал он себя в коллективе весьма оригинальным способом.

На одном из совещаний достал Устав вооруженных сил Министерства обороны, по которому мы, чекисты, служили, как

военные, и заявил:

— Судя по Уставу, я являюсь командиром дивизии, несмотря на мое звание полковника. И вас столько, сколько офицеров в полнокровной дивизии…

Ошеломленные чекисты молчали.

— Властью, мне данной, буду сурово карать за любые неподчинение, проступок и непрофессионализм.

В этих словах, которые мне дословно передали коллеги, сказались в высшей степени амбициозность и неуважение начальника к творческому коллективу разведчиков НТР, который был не только одним из самых крупных в разведывательном ведомстве КГБ, но и общепризнанно самым дружным.

У разведчиков есть такая поговорка: «В разведке, как в бане, все равны». Молодой разведчик в силу различных обстоятельств может добиться результатов, которые далеко не всегда сопутствуют опытному.

Не хотелось бы поминать недобрым словом моего начальника, но жизнь имеет не только положительные стороны. И хотя преждевременно он сошел в могилу из-за, как мне представляется, чрезмерного честолюбия, нужно несколько слов сказать об этой личности. Были и такие в разведке.

В пятидесятые годы начальник, тогда рядовой оперативный работник, работал в США под руководством одного из талантливых разведчиков НТР. Они дружили семьями. Но в Москве, когда наш герой стал во главе НТР, он удалил из числа своих заместителей того самого своего руководителя по американской резидентуре. С горечью рассказывал мне старый разведчик о том, как поступил с ним его бывший подчиненный:

— Ведь он называл меня другом и учителем. А потом просто выжил из НТР.

Судьба начальника была трагичной. В начале семидесятых он с женой и сыном выехали на своей автомашине в Карелию отдохнуть на озерах. По пути туда остановились с ночевкой. Сидя у костра, начальник держал в руках пистолет и случайным выстрелом убил жену. Был снят с должности, переведен в рядовые сотрудники НТР, работал «под крышей». Умер, не дожив до пятидесяти лет. Последние годы он был очень одинок в нашем коллективе — люди не могли простить ему неуважение к труду рядовых разведчиков.

… И вот к этому грозному начальнику я явился на прием. Начало разговора не предвещало ничего хорошего. Казенное лицо, жесткий взгляд и резкая реплика:

— Говорите понятным русским языком! Что вы повторяете все время: «Офис, офис, офис…» Доложите, как вы понимаете

отношения Канады и США?

Кратко я изложил характер контроля США над экономикой Канады, особо отметив засилье американского капитала, привел данные доклада парламентской комиссии, которые говорили, что в канадскую экономику американцы вкладывают ежегодно около сорока миллиардов долларов. Для Канады это 80 процентов всех иностранных капиталовложений и треть всех капиталовложений США за границей.

— Однобокости в развитии отраслей промышленности в стране не замечается, хотя в определенной степени Канада — сырьевой придаток США и находится в дискриминационном положении в отношении заработной платы, которая значительно ниже, чем в США…

— Зарплата и вербовочный контингент? — как бы сам себе задал вопрос начальник.

Уж не знаю, что случилось, но мрачность его вдруг исчезла, и он приветливо сообщил мне:

— Вернетесь в Москву, и чтобы через пару месяцев быть в Канаде снова…

Это окрыляло: речь шла о работе в течение трех-четырех лет. И я стал готовиться к оперативным делам с позиции Оттавы. Там находилась моя будущая «крыша»: для советской стороны — торгпредство, а для канадской — коммерческое бюро при Посольстве СССР в Канаде.

Моим активом из полезных оперативных контактов были «Бимс», «Важан», «Турок». И — «Дрозд» — так в оперативной переписке был закодирован Джеффри.

Но остались еще контакты так называемого влияния, то есть канадские и американские бизнесмены высокого ранга. Я получил визитные карточки от крупных руководителей концернов «Дюпон», «Шелл», «Юнион карбайд», канадских национальных «Стелко», «Алкан» и «Петроканада», глав отраслевых ассоциаций — металлургической, нефтяной, химической и алюминиевой.

Эти люди посещали «Экспо», причем часто с семьями. Я договорился с одним из моих «помощников» — «Спецом», крупным советским специалистом в области нефти, чтобы он показывал павильон женам и родственникам крупных бизнесменов, а я брал на себя самих деловых людей.

«Спец» знал английский язык, работал в США, был умен, элегантен и галантен с женами высокопоставленных бонз делового мира. Все они признавали в нем блестящего гида и джентльмена.

Мои задачи были скромнее: по-деловому показать и рассказать занятым людям то, что им было особенно нужно в

нашем павильоне. Некоторые из них прислали мне благодарственные письма, рукописно исполненные ими лично. Это считалось знаком высокого уважения к адресату.

Полученные таким образом визитки и письма сослужили мне в дальнейшем добрую службу. Их показ в отделениях компаний, фирм и организаций, расположенных в Монреале или Оттаве, имел магическое значение. Ведь в конце благодарственного письма имелась фраза: «…в случае необходимости обращайтесь ко мне», а иногда и добавление: «…или в наше отделение в Канаде».

Неприятный осадок оставили мои отношения с коллегой по резидентуре на «Экспо» Александром Ивановичем, который специализировался на вопросах контрразведки.

В конце июня он посетовал мне, что не может найти подхода к шефу полиции Монреаля. Речь шла об обеспечении безопасности павильона, который уже не раз пытались поджечь или подложить под него бомбу. Это действовали экстремистские силы антисоветски настроенных украинских и других общин Канады, да и Америки тоже.

Поджоги удавались. Сгорели картины, книги, национальные костюмы. У молодой женщины обгорели руки и лицо: при пожаре она спасала реквизиты со стенда. Канадские газеты возмущались варварскими методами антисоветчиков, но были не в силах противостоять им. Нужна была «жесткая рука» спецслужб, полиции.

Я предложил Александру Ивановичу использовать «Спеца». Вскоре нас вызвал руководитель резидентуры, и мы обсудили план установления контакта с шефом полиции Монреаля. Он предусматривал использования регулярных визитов жены шефа в советский павильон с ее знакомыми и родственниками, чиновниками полиции и их женами, представителями администрации города.

Неделю «Спец» был гидом этих групп и уже в ближайшую субботу получил от жены шефа полиции приглашение посетить их загородный дом. Приглашение было с благодарностью принято. Естественно, «Спец» оговорил право быть на вечернем рауте не одному. Вторым человеком оказался Александр Иванович. С этого момента наш павильон оказался под пристальным вниманием двух профессионалов: контрразведчика от советской стороны и шефа полиции — с канадской. Но если полицейский действовал официально, то Александр Иванович свою принадлежность к КГБ не афишировал. Дело спорилось — безопасность обеспечивалась.

Для Александра Ивановича я стал, кажется, самым приятным

человеком. Он предложил мне поощрить «Спеца» деньгами, пообещав выдать ему за полезную работу 200 долларов. Перед закрытием павильона Александр Иванович сам сказал об этом «Спецу». Естественно, тот, готовясь к отъезду, рассчитывал на эту сумму. По тем временам она была значительной.

Через несколько месяцев, уже в Москве, я узнал, что обещанная сумма «Спецу» вручена не была. Александр Иванович приехал с последней группой. Я встретил его в коридоре штаб-квартиры на Дзержинке и увидел, что от былой радости при общении не осталось и следа. Он был сух, официален, как-то по-мелкому суетлив. Это меня насторожило. Через контрразведчиков я узнал, что Александр Иванович в отчете о работе по обеспечению безопасности павильона все заслуги по выходу на шефа полиции и дальнейшей работе с ним приписал лично себе.

Ну, что обо мне не сказал ни слова — Бог с ним: это моя работа. А вот умаление заслуг «Спеца»… Я обиделся. И даже не за него, а за службу, которая в лице Александра Ивановича выставила себя «трепачом» перед моим «помощником».

Я подготовил рапорт на денежное поощрение «Спеца» за работу по линии «Х». По правилам рапорт должен быть завизирован у руководства управления КР. Таким образом, начальство Александра Ивановича узнало о причастности «Спеца» к делам в павильоне, и он был поощрен.

В первых числах ноября я вылетел в Москву и продолжил работу во Внешторге. Стал готовиться к выезду в долгосрочную командировку в Канаду, теперь уже в Оттаву, в торгпредство.

В то время по линии «Х» в Канаде была всего одна должность и прикрытием ее служило торгпредство. В мои обязанности старшего инженера «по крыше» относилась экспортно-импортная работа по поручению нескольких торговых объединений Минвнешторга СССР, интересы которых я официально представлял в Канаде. Среди них были «Техимимпорт» — нефтехимическое, химическое оборудование и процессы, «Союзхимэкспорт» — химическая продукция, в том числе парфюмерия. Особенно активно предполагалось использование официального поручения из «Лицензинторга».

Подготовка шла полным ходом, но все же я вылетел в Оттаву не так скоро, как требовал мой начальник по НТР.

Странные визитеры

Прошло полгода. В первых числах мая я, теперь уже с семьей, прибыл в Оттаву. Хорошо спланированный полутораэтажный город утопал в молодой весенней зелени, а его бульвары, скверы и улицы привлекали внимание прекрасно взращенными тюльпанами всех тонов и расцветок.

Удалось восстановить связи, заведенные на «Экспо», но не получившие развития из-за их проживания вне пределов Монреаля, в частности в Оттаве.

Небольшой город, политический центр страны, создавал определенные трудности для ведения оперативной работы. Интересующие разведку лица были представлены главным образом чиновниками правительственных учреждений, а из нужных НТР фирм — лоббистами при канадском парламенте.

Работа по заведению связей в основном строилась с использованием возможностей торгпредства. Были затруднения с подысканием мест встреч, которые бы не использовались ранее.

Довольно быстро почувствовал, что изучение меня спецслужбами Канады продолжается. В маленьком коллективе торгпредства из двенадцати человек, включая секретаршу и завхоза, каждый из сотрудников представлял несколько внешнеторговых объединений.

Казалось бы, все это удобно для меня при знакомстве с новыми полезными людьми. Но и канадской контрразведке облегчалась задача по подводу к сотрудникам торгпредства своих людей, например агентуры из числа специалистов и коммерсантов.

Однажды в торгпредстве появился Питер Паркин, президент крохотной посреднической фирмы из Монреаля. Торговое название ее претендовало на коммерцию в мировом масштабе: «Уорлд уайд пэтэнтс корпорейшн». Паркин, украинец канадского происхождения с весьма слабыми задатками коммерсанта, изо всех сил старался оправдать доверие правления фирмы (а может быть, и не только фирмы) и втянуть советскую сторону в деловые отношения при торговле лицензиями. Не имея достаточных средств, фирма привлекла в качестве основного пайщика некоего Жака Мозана.

Мозан был франко-канадцем лет пятидесяти, бывший архитектор с ярко выраженными аристократическими замашками, но по характеру добродушный и безобидный. Он занимал на фирме пост председателя правления, а потому время от времени предлагал торгпредству грандиозные проекты. В перерывах

между активной деятельностью на фирме Мозан по два-три месяца лечился от шизофрении. Естественно, его болезнь тщательно скрывалась от торгпредства.

В прошлом в провинции Квебек Мозан был довольно модным архитектором. Его больное воображение иногда подсказывало ему интересные, но нереальные по выполнению замыслы. Например, он предлагал развернуть в Канаде массовое производство шампанского по советской лицензии, но на виноградном сырье, привозимом из Южной Америки. Это предложение напоминало идею «шахматной столицы» Остапа Бендера, ибо предусматривало вначале заполонить шампанским Канаду, затем — США и даже Латинскую Америку.

В противовес широко разрекламированной сети «Кентукки чикен», продающей жареных кур, Мозан предлагал создать мощную систему продажи русских пирожков, изготовляемых на советских автоматах.

Но наибольшее беспокойство Мозан принес сразу пяти советским учреждениям в Канаде — «Аэрофлоту», «Интуристу», «Морфлоту», торгпредству и посольству. Он предложил проект создания световой рекламы, которая даже днем могла быть видна с воздуха на расстоянии в сотню километров. За эту идею Мозан боролся со всей решимостью шизофреника.

Именно он первым из канадцев рассказал мне об интересе к моей личности со стороны канадской контрразведки. С возмущением говорил он о попытке привлечь его к сбору сведений «о его русском друге». Пользуясь случаем, я спросил Мозана, а не могли ли другие сотрудники его фирмы согласиться на такую работу с КККП? Мозан ответил, что в этом отношении его беспокоит лишь Паркин, который ранее имел какие-то контакты с полицией. И действительно, Паркин двумя годами позже сообщил мне о своих, как он выразился, «невинных» с ней связях.

Появление этого коммерсанта в стенах торгпредства не могло быть случайным. И канадские, и американские деловые круги ревниво относились к работе в их регионе новых конкурентов, тем более из Советского Союза, к которому, по известным причинам, они не питали особых симпатий. Тем более их настораживали наши попытки продвинуть на рынок передовую технологию и технику.

Это была целенаправленная кампания по блокированию Канадой и США продвижения советских товаров. Дальше продукции сувенирного характера деловой мир этих стран не хотел нас пускать.

Усилиями американцев была сорвана демонстрация самолета

«ЯК-40» на ежегодном авиационном салоне в Канаде. Американо-канадская фирма «Фергюсон» много сделала для того, чтобы помешать нашему «Трактороэкспорту» поставлять фермерам этих двух стран отличный трактор «Беларусь», конкурентов которому на этом рынке не было — трактор средней мощности, в 65 лошадиных сил здесь не производился.

По тракторам и станкам советского производства возбуждались судебные дела. Нашу страну обвиняли в демпинговых ценах на стекло и турбины для гидроэлектростанций.

И все же мы продвигались на канадский рынок.

Фирме Паркина мы решили не мешать работать над нашими предложениями, а тем временем устанавливали прямые контакты с потенциальными покупателями наших лицензий на ноу-хау и различное оборудование.

Время показало, что такая тактика была оправданной. Паркин и Мозан ездили на переговоры в Москву, но серьезные компании не желали иметь дело с безвестным посредником между ними и «Лицензинторгом».

Тем временем переговоры напрямую позволили продать крупнейшим в стране фирмам-производителям стали и алюминия лицензии на передовую технологию. Компания «Стелко» («Стил компани оф Канада») приобрела право на внедрение в свое производство высокоэффективной системы охлаждения доменных печей, а мировой концерн «Алкан» («Алюминиум компани оф Канада») — на разливку алюминия в магнитном поле.

С оперативной точки зрения «невинные» связи Паркина с КККП меня устраивали — мне было известно, кто меня изучает и докладывает в эту спецслужбу.

Стала ли фирма во главе с Паркиным сдерживающим фактором в торговле советской стороны с Канадой? Нет и нет. Через нее не прошло ни одного контракта, однако регулярное пребывание людей фирмы в стенах торгпредства позволяло получать некоторую информацию об устремлениях «русских коммерсантов» на этом рынке. Прорабатывая отдельные поручения Минвнешторга, мы давали запросы и этой фирме. На что жила эта фирма, было не ясно, но, забегая вперед, можно предположить, что она приносила пользу спецслужбе Канады.

Сообщение Мозана о его беседе с представителем КККП в отношении меня могло носить для этой службы оперативно значимый характер. Она могла проверить мою реакцию на появление человека, имеющего связь с канадской контрразведкой. Не была ли эта попытка проторить дорожку от меня к людям спецслужбы на тот случай, когда сложится благоприятная

обстановка в процессе разработки меня их силами?

В Оттаве произошли еще две встречи с людьми, значение которых в изучении меня спецслужбами Канады можно было оценить лишь позднее, да и то косвенно.

Дело в том, что история Канады внешне менее блистательна, чем у стран Старого Света. Европейцы, прибывая на вновь открытую землю, привносили в ее жизнь дух тех мест, выходцами из которых они были. Вот почему через сто лет после провозглашения канадского государства в стране преобладал, в частности в архитектуре церквей, европейский стиль двухсот-трехсотлетней давности. На улицах Оттавы, Монреаля, Торонто, городов центральных провинций страны и маленьких городков можно было видеть отличные копии «древних» церквей и соборов Европы, но построенных в довоенное и послевоенное время.

В Монреале я частенько заглядывал под прохладные своды кафедрального собора Нотр-Дам — «слепка» со знаменитого парижского. Весьма знаменательно, что во время работы «Экспо-67» чудесная его акустика и вместительное помещение на две тысячи человек привлекли внимание монреальской общественности как к месту, которое больше всего подходило для концерта донских казаков, выступавших в Канаде по культурной программе советского павильона.

А капелла знаменитого хора была оценена знатоками как выдающееся явление в «культурном наследии России». Примечательно и то, что в истории собора это был первый случай, когда нецерковному хору было разрешено выступать под сводами Нотр-Дама, главного храма провинции Квебек. А она, как известно, отличалась особым влиянием церкви на все стороны жизни. «Волшебная сила искусства» победила церковные условности.

Бывал я и в грандиозном храме Сент Джозеф, красиво вписавшемся в северный склон горы, от имени которой пошло название Монреаля. Строительство этого храма велось более тридцати лет, и его архитектура сочетала в себе черты всемирно известных соборов Петра и Павла в Лондоне и Святого Петра в Риме. Внутреннюю отделку храма завершали уже во время работы «Экспо-67».

Работа со связями требует от разведчика, по моему определению, создания «атмосферы комфортабельного общения». Действительно, гражданину любой страны приятно, если знакомый ему иностранец живо интересуется культурным прошлым и настоящим его страны и разбирается в этом.

Такой фон общения создает у интересующей нас связи чувство удовлетворения от встречи, а значит, желание

продолжить их. В оперативном плане это означает развитие личных отношений, нейтральной средой которых может быть, например, архитектурное наследие страны пребывания. Замечено, что далеко не все канадцы увлекаются книгами или театральной жизнью страны. А вот памятниками, архитектурой, историческими местами — да. Это доступно каждому жителю Страны кленового листа.

Под легендой увлечения живописью я посещал укромные уголки Монреаля и его окрестностей. Навещал я такие местечки, где какую-либо другую легенду использовать было бы весьма затруднительно. Монреаль — это прекрасная и полноводная река Святой Лаврентий, ее набережные вдали от центра города, уголки патриархальной старины и заповедные места с кленовыми рощами и полянами с некошеной травой…

Зарисовки подкрепляли легенду. Наброски при желании можно было увидеть не только дома, но и в автомашине, на полях рабочего дневника. Такое «хобби» может быть серьезным подспорьем в изучении города, разработке проверочных маршрутов, подборе мест по операциям связи. В десятках стран легенда живописца отлично работала — и в Европе, и в Америке, и в Африке, и на Востоке.

Она позволяла посещать художественные салоны и выставки, мастерские художников и антикварные магазины. Любимыми разделами крупных универмагов стали те из них, где можно было посмотреть краски и кисти, карандаши и холсты, рамки… А в книжных магазинах — от серии дешевых пособий «Как рисовать» до мемуарных воспоминаний и альбомов с репродукциями, «Легенда живописца» напоминает модное платье, которое всяк может надеть, но не всякий в состоянии эффектно носить его.

В свободное время я делал зарисовки соборов, а во время проверок от наружного наблюдения осматривал внутреннее, весьма скромное в католических церквях, убранство, слушал органную музыку и церковный хор. В Оттаве зарисовку церквей продолжил, используя редкие выезды с семьей за город.

Видимо, в Монреале и затем в Оттаве канадская контрразведка обратила внимание на мое «тяготение» к церкви. Иначе чем можно объяснить появление вскоре после приезда в Оттаву нашей семьи «проповедника-на-общественных-началах».

Однажды в квартире раздался звонок. На пороге стоял худой, бледнолицый, лет сорока человек в темной одежде и с фанатическим блеском в глазах. С ним была такая же бледненькая и хрупкая девчушка лет десяти, которая застенчиво жалась к этому человеку. Тоненьким голоском девчушка пропела какой-то псалм, и проповедник начал говорить. По первым его

словам было видно, что он из религиозной братии.

Его призывы были просты: в лоно Бога никогда не поздно вернуться, но чем скорее, тем лучше. В его рассуждениях фигурировали два основных тезиса: наука в лице дарвинизма не может доказать присутствие в эволюции человека существенного звена между обезьяной и «гомо сапиенсом», а это означает, что вмешалась божественная сила. И другой тезис: Бог простит любую заблудшую душу.

Проповедник был предельно вежлив, даже в моменты моих откровенных насмешек. По теме беседы он оставил брошюру и удалился. Но не навсегда. Через некоторое время пришел снова и более решительно попытался вовлечь меня в обсуждение брошюры, а когда его вежливо поблагодарили и попросили удалиться, — разразился бранью в мой адрес, всех русских безбожников и советского строя в целом. Естественно, проповедник был выставлен за дверь решительным образом.

Можно было бы подумать, что визит — случайность. Но из беседы с привратником дома и моими коллегами по прикрытию в торгпредстве и в разведке мне удалось узнать, что другим свои услуги, ни этот, ни другие проповедники не предлагали.

Стояла ли за этим контрразведка? Время показало, что свой интерес она могла иметь. Например, расчет на знакомство его девочки с моими детьми, которое могло быть продолжено в городе. Через детей — более тесное общение и со всей нашей семьей.

Теперь о другом визите. Как-то мне на глаза попалось объявление в воскресном приложении к газете «Оттава ситезен»: американская художественная школа предлагает заочное обучение. Без всяких обязательств любой человек может пройти конкурс, для чего достаточно сообщить о своем желании. Адресату будет выслана специальная тестовая брошюра.

Мне не пришлось учиться живописи, восполнял я этот пробел в какой-то мере самообразованием с помощью учебных пособий, мемуаров художников, альбомов, посещением музеев и выставок в Союзе и за рубежом. А тянуло меня к масляным краскам и особенно к акварели, как утку к воде.

Вот и в тот раз искушение было велико. Конечно, серьезно думать о заочном обучении было нельзя — не за тем прибыл в Канаду. Но привлекала возможность получить более-менее объективную оценку квалифицированных людей своим способностям. Не заблуждался, что придется сделать скидку в оценке таланта на то обстоятельство, что в мотивах руководства школы должны быть и коммерческие расчеты.

Ответ не заставил себя ждать. На двенадцати страницах

хорошо оформленной брошюры излагались тесты на чувство композиции, формы и ситуации, типажей и юмора, а на последней предлагалось подготовить рисунок по собственному усмотрению.

Примечательной была первая страница, которая предлагала рассказать о себе. Это была своеобразная анкета с двенадцатью вопросами и несколькими подвопросами. Ответы могли дать довольно полное представление о степени увлеченности этим видом искусства. Правда, при необходимости некоторые вопросы можно было обойти. Так я и поступил.

С заполнением тестовой брошюры не торопился. Не до того было. Месяца через полтора-два мне домой позвонил представитель школы и попросил принять его для продолжения разговора об обучении.

Представитель оказался приятнейшим человеком, почти моим ровесником, обходительным и мягким в общении — в общем, коммивояжер от искусства. Он попросил показать мои рисунки, сделанные за последнее время. Внимательно рассмотрел их и одобрил. Затем передал несколько журналов, выпускаемых школой, а также рекламный проспект с лучшими работами бывших учеников школы, выполненными в цвете или в черно-белой манере.

«Коммивояжер» расспрашивал подробно об истоках моего интереса к живописи, условиях работы в этой области и возможностях обучения в России, в частности заочно. Он расхваливал, но не очень назойливо, успехи на поприще живописи тех, кто решился заочно окончить курс обучения в американской школе. Настойчиво рекомендовал заполнить тестовую брошюру, подчеркивая, что это не налагает на меня никаких обязательств. В то же время отмечал, что шансы быть принятым у меня имеются, и весьма хорошие. Советовал не беспокоиться об оплате, говоря, что могут быть представлены льготные условия, а в особых случаях может взиматься почти символическая плата. Что это за «особые случаи», посетитель не пояснил.

Не исключая, что приход «Коммивояжера» ко мне домой мог быть связан с заданием канадской контрразведки, я держался с ним в рамках делового общения.

Человек такой профессии мог бы меня заинтересовать в оперативном плане, как связь с перспективой разработки его в качестве наводчика.

Во-первых, инициатива знакомства исходила от него. Затем, его приход в дом не мог остаться незамеченным — привратник обязательно спросил его, в какую квартиру идет. Трудно

предположить, что в доме, где проживает десяток советских семей, такие визиты останутся вне подозрения контрразведки, для которой привратник самый что ни на есть помощник. Нужно было рассчитывать на худшее.

Через некоторое время я все же направил в школу тесты, которые получил обратно с довольно высоким общим оценочным баллом. Мне сообщалось, что я зачислен на заочное обучение, к письму прилагался счет на оплату и правила обучения.

Конечно, оно не состоялось, но в некоторой степени самолюбие мое было удовлетворено. Несколько звонков «Коммивояжера» с просьбой продолжить разговор о скидке в оплате были оставлены без внимания.

Но самым знаменательным событием в оттавский период, имевшим значение в последующем, была случайная, как тогда казалось, встреча с Джеффри Вильямсом. Произошла она на вокзале в Оттаве.

Мы встречались в Оттаве и Монреале раза два-три. Встречи были деловые. Правда, стала заметна его новая тактика в общении — лесть. Джеффри и раньше бывал всегда внимателен ко мне, но тут… Его предупредительность не имела границ, а восхищения деловыми качествами своего «русского друга» чередовались с комплиментами в адрес широты моих взглядов.

Лесть — сильное оружие, но в малых дозах и в умелых руках. Приходилось все это сносить, иронически посмеиваться, и в душе и в открытую, над способностью Джеффри в глаза говорить такое.

Но встречи с ним были «приятными» и по другой причине — к тому времени он был единственным из канадцев, с которым удалось сойтись довольно близко. Джеффри стал своеобразным «окном в мир людей Страны кленового листа».

Пуговицы — стратегический товар

Работа с «Важаном» осложнялась тем, что он приглашал меня в свой дом, а это в разведке не принято. Разве что в Африке, где разведчикам просто негде встречаться.

Дом «Важана» неподалеку от дома-резиденции самого генерал-губернатора Канады, наместника английской королевы в бывшем доминионе. Дом губернатора охранялся особо. У меня не было сомнений, что дом «Важана» был в поле зрения охраны.

Встречались мы с ним в самом городе и на другом берегу реки Оттава в Халле, во франкоязычной части Канады провинции Квебек. Я получил сведения о технологии высокопрочных тканей для промышленных нужд и стал наводить «Важана» на мысль о его работе по контракту с ВВС США.

В его доме я увидел фотографию хозяина в весьма необычном виде. Он был одет в скафандр и стоял среди горящего топлива на фоне бомбардировщика, о чем говорили могучие двигатели, общая конструкция самолета и опознавательные знаки ВВС США.

«Важан» пояснил: это он испытывает скафандр для тушения горящего топлива. Скафандр предназначен для нужд стратегической бомбардировочной авиации США, если аварии происходят при взлете или посадке. Его скафандр позволял работать в открытом пламени 12 минут вместо 2 минут у всех других конструкций.

Информация о специфике изготовления ткани для этого уникального скафандра, ее образцы, фотографии скафандра и его отдельных частей вместе с изображением участника испытаний оказались у меня.

Центр остался доволен полученной информацией, но запрошенных средств на оплаты информации резидентуре не выделил. В шифровке говорилось традиционное: «После испытаний на полигоне наших ВВС скафандру будет дана оценка». Для меня такой ответ означал: ждите, а лучше не ждите. Я понимал, что пока будет изготовлен и испытан скафандр, получена официальная оценка его полезности, пройдет долгое время. И я вынужден был запастись философским терпением.

«Важану» было под семьдесят. Я честно объяснил ему ситуацию. Речь шла о не ахти каких суммах, и «Важан» махнул рукой на необязательность меня и моего Центра.

Отъезд из Оттавы в Монреаль прервал наши отношения с «Важаном». К этому времени он передал все, чем был богат, даже исследования в этой области в различных странах — его личное досье, которое я перефотографировал и ему вернул.

В Монреале он бывал редко, и встречи с ним свелись к дружеским отношениям. За годы моего пребывания в Канаде «Важан» заметно постарел, и наши беседы теперь велись в основном вокруг семейных дел. «Важан» гордился своей дочерью, которая появилась у него уже после шестидесяти лет. Он стал путешествовать, предпочитая острова Центральной Америки. В конце семьдесят первого года мне попалась на глаза газетная заметка, в которой говорилось, что местной полицией задержан канадский изобретатель. «Важану» предъявила иск канадская налоговая инспекция, с которой шутки плохи.

С «Бимсом» я надеялся возобновить общение, бывая в Монреале. И, как мне представляется, поторопился.

Мой официальный статус сотрудника посольства отпугнул его. Он дал понять, что отношения на «Экспо» — это одно, а теперь — другое. Если бы я дождался перевода в Монреаль для работы в филиале торгпредства, наши отношения могли бы быть продолжены. «Бимс» недвусмысленно дал понять, что его надежды на деловые отношения не оправдались. Русская сторона не предприняла практических шагов по линии, например, «Лицензинторга». И когда я все же перебрался в Монреаль, было уже поздно — источник был потерян.

Мне всю оперативную жизнь везло на «первооткрывательство»: в Японии — химическое направление, во Внешторге — «японское», в Канаде — линия «Х». Начинать приходилось фактически с нулевой отметки. В Оттаве «традиция» продолжилась.

Я разобрался в специфике работы исследовательских оборонных центров Министерства обороны страны: атлантическом, тихоокеанском, саффильдском и в тех, что были в Оттаве.

Интересен был институт оружия в городе Валкартье в провинции Квебек. Здесь велись работы по новым вооружениям и снаряжению к ним — взрывчатым веществам и пиротехнике. От традиционных видов вооружения этот институт готовился перейти к исследованиям и разработке в област июля я выехал во второй по величине город страны — Торонто, где проводилась Международная выставка пластмасс. В коммерческом центре на «Экспо-67» по линии Минвнешторга лишь я один представлял объединение «Теххимимпорт», которое закупало оборудование по производству сырья и изделий из пластмасс. Многолетняя специализация в этой области давала мне возможность завязывать полезные знакомства среди деловых людей Запада, прикрывать свой интерес в работе по НТР.

Среди нескольких полезных связей, заведенных мною ни

ракетной техники, систем наведения, лазерному оружию.

В библиотеке Карлтонского университета в Оттаве насчитывалось более полумиллиона томов по науке и технике, около 200 тысяч микрофишей, среди которых диссертации и рефераты. Интерколлектор вуза связывала его со ста научными библиотеками Канады и США. Это теперь, когда резко снизил уровень эмбарго, можно выходить в систему интерколлектора даже по телефону. И никого не испугает запрос из России. А тогда — закрывалось от Страны Советов все и везде. Как остроумно заметил Никита Хрущев, Запад объявил стратегическим товаром даже пуговицы, ибо их могли пришивать к солдатским штанам.

А пока я искал подход к научно-техническому богатству университетов. Сделать это можно было через студентов, преподавателей и служащих.

Студенты всего мира «болеют» одной и той же «болезнью» — неустойчивым социальным положением. Будущее их чаще всего неопределенно, моральное состояние во многом определяется материальными затруднениями. Студент пользуется учебной литературой, живет в общежитии и за все платит, платит, платит. Одно жильё более тысячи долларов в год. Все это можно взять «на вооружение». Искал я пути выхода и на информационный массив в Национальном исследовательском центре Канады. В моих «помощниках» были советские молодые ученые, которые проходили стажировку в этой стране. Среди них выделялся «Филипп», который с большим энтузиазмом относился к заданиям по линии НТР. Ему удалось получить информацию из ДДС — Документального центра Министерства обороны США. Под возможности «Филиппа» было разработано информационное задание по НИЦ США. Тысячи страниц научно-технической информации удалось поучить «Филиппу». И по сей день я с благодарностью вспоминаю его как специалиста, гражданина и человека. Думаю, с его творческим подходом к любому делу сегодня он достиг успехов на ниве российской науки. Если только его природная скромность и неумение расталкивать локтями коллег не помешала его росту.

От другого «помощника» удалось получить сведения из Форта Дитрих, лаборатории в США, известной зловещими исследованиями в области химических и бактериологических средств массового поражения. Среди материалов оказались сведения о контактах Форта Дитрих с Саффильдским центром, в частности, в области тех же химико-бактериологических исследований.

Эта информация повлекла за собой новое задание: уточнить местоположение Саффильдского центра в провинции Альберта.

Это удалось. Точные координаты полигона оказались в наших руках.

А еще через некоторое время общественность Канады узнала о гибели сотен овец на пастбищах провинции Альберта вблизи полигона этого Центра. Средства массовой информации в Канаде и других странах мира подхватили версию о якобы имевших место отравлениях химическим и бактериологическим оружием. Опровержение Министерства национальной обороны Канады только подлило масло в огонь: парламентская комиссия провела расследование, и теперь имена Саффильда и Форта Дитрих ставились рядом — как центров по производству оружия массового поражения на химической и бактериологической основе.

Позднее активные мероприятия советской разведки не раз изобличали исследовательские центры министерства обороны Канады в подготовке эффективных вооружений в рамках программ НАТО.

Через «помощников» мы вышли на ТИС — Техническую информационную службу Канады и получили материалы по спецсмазкам для ракет, эксплуатируемых в северных широтах. Моя традиционная тематика — химические покрытия для военных и гражданских нужд — обогатилась новыми материалами о тенденциях исследовательских работ по авиакосмическим покрытиям — антикоррозионным и термостойким. Порадовал меня материал о работе над созданием композитных материалов на основе карбидных углеродов, которые могли работать при температуре чуть ниже 2000 °С и были меньшими по весу. Речь шла о соплах для ракетных двигателей. Но это все было еще в проекте.

Сложилось так, что основными источниками информации стали мои «помощники». Не все они были равными по эффективности «Филиппу». Как я понял в дальнейшем, когда стал контактировать с КККП в крупномасштабной игре нашей разведки и канадской контрразведки, спецслужба Канады не зафиксировала тесные отношения с моими «помощниками».

В последние оттавские месяцы я как представитель «Лицензинторга» начал переговоры с концерном «Алкан». Они послужили мне прикрытием для поиска возможностей получения образцов приборов, предназначенных для производства алюминия. Для ракетной техники тоже.

Кроме официальных контактов с этой видной корпорацией судьба свела меня с ней еще дважды по линии «Х». Это случилось в Монреале.

«Добудьте напалм…»

Организационный период, который переживал коллектив филиала торгпредства в Монреале, заботы оперативного порядка довольно основательно сократили встречи с Джеффри. Но даже те немногие беседы, которые бывали с разрывом в несколько месяцев, показывали его стремление обрабатывать меня.

Джеффри с «неподдельным» восхищением следил за ростом в моем лице «истинного бизнесмена», появление которого в Канаде «явно пошло на пользу обеим сторонам». «Истинному бизнесмену» в разной форме преподносилась мысль о том, что деловые рамки торгпредства все же малы для «талантливого делового человека, который на Западе смог бы широко развернуться». Джеффри «угрожал» мне возможностью стать на Западе миллионером.

О самом Джеффри мне было известно не так уж и много, вернее, о его непосредственной работе на фирме. О деловой занятости его складывалось неопределенное впечатление.

Однажды он пригласил меня посетить его фирму — впервые после нескольких лет знакомства. Контора фирмы размещалась в отдельном здании на тихой улочке Драммонд в самом центре Монреаля. В помещениях не царила привычная для таких учреждений деловая атмосфера, служебные кабинеты, хорошо обставленные и явно пригодные для активной работы, выглядели необжитыми. Позднее, анализируя работу с Джеффри, мы сделали предположение, что группа фирмы под общим названием «Барнетт Дансон» могла быть прикрытием разведывательной работы ЦРУ в Канаде.

«Барнетт Дансон» была не единственной, которую представлял Джеффри. Одновременно он был управляющим канадской фирмы «Темпформ системз лтд». Позднее ему удалось проникнуть в уважаемое в научном мире и среди специалистов канадское Общество инженеров пластмассовой промышленности, где Джеффри был возведен в ранг генерального председателя 31-й ежегодной технической конференции общества. Этот человек с признаками алкоголизма, от которого он лечился, о чем мне рассказала его жена, едва ли мог занимать какой-либо пост без помощи покровителей.

Но анализ был сделан позднее, а пока деловые встречи, хотя и редко, продолжались. Предположению о том, что Джеффри меня изучает, особого значения не придавалось — достаточно интенсивное изучение со стороны спецслужбы Канады испытывали все члены совколонии.

Меня все же беспокоило, чего добивается Джеффри, почему он ищет согласия на тайные деловые отношения, причем неадекватно хорошо оплачиваемые?

Я решил основательно поговорить с заместителем резидента. И снова получил отказ всерьез принять мои предположения. И все под тем же тезисом: «Всех изучают, нечего паниковать…»

Правда, прибавился еще аргумент:

— Будешь настаивать, могут и отозвать из страны. Подумают, что ты действительно попал в разработку, — доверительно предупреждал замрезидента.

Как ни печально сознавать, но в то время существовала такая тенденция: разведчику, заметившему повышенное к себе внимание со стороны спецслужб, грозило отстранение от оперативных дел и досрочное отправление в Союз. Если же к разведчику подходил сотрудник спецслужбы с предложением встречаться или, не дай Бог, вербовочным, то немедленный отъезд из страны был обеспечен. В шестидесятые годы высылали разведчиков из США, Англии и других стран за то, что их активная работа становилась предметом пристального внимания и беспокойства спецслужб. Те же устраивали провокации в расчете на недоверие нашего руководства к своим подчиненным.

Опытный замрезидента знал о такой практике и по-дружески предостерегал меня от необоснованной уверенности в серьезности разработки меня канадцами.

Через корпорацию «Алкан», где у меня сложились по линии «крыши» хорошие деловые отношения с ее вице-президентом, я получил информацию о технических данных газоанализаторов для улавливания мельчайших следов различных веществ. На заводах корпорации они по специальному заказу изготовлялись фирмой «Ли инструмент» и использовались для обнаружения фтористых соединений. Относились анализаторы к категории эмбарго.

Я получил задание из Центра на доставку в Союз двух газоанализаторов, которые нужны были для производства твердых ракетных топлив. Определялась сумма — 20000 долларов, сроки выполнения и путь доставки образцов — морем.

Газоанализатор был размером с обычный холодильник. Привезти пару их с завода в Оттаве было несложным делом — оба помещались в автомашину типа «Стейшен вагон». Образцы были под запретом КОКОМ. Решили неожиданно появиться на фирме, оплатить наличными и транспортировать «товар» в Монреаль под защиту консульства.

Оплата наличными немало удивила сотрудника «Ли инструмент», с которым я вел переговоры. В большинстве фирм Запада такое не принято. Сотрудник знал о запрете КОКОМ, но пошел на сделку, видимо, из-за более высокой, чем в его стране, платы. Газоанализаторы через несколько недель теплоход

«Пушкин» увез в Ленинград.

Научные исследования в вузах Канады координировались комитетом при тайном совете по науке и промышленным исследованиям. Среди организаций, которыми он ведал, был Национальный исследовательский совет Канады, вроде АН СССР.

Через контрразведчиков узнал, что КККП работает в среде студентов, проводя профилактические мероприятия, имеет своих информаторов и контролирует настроения не только политического характера, но и отношение студентов к советским людям, работающим в Канаде. Иначе зачем держать целый отдел сотрудников, занятых советской колонией в Монреале. Профилактические встречи со студентами спецслужба использовала для привнесения подозрительности в отношении советских, формируя психологический барьер между ними и студентами. Особенно эффективно использовались публикации в средствах массовой информации сведений и обстоятельств провалов советской разведки в различных странах. Пока я был в Канаде, таких кампаний КККП провело несколько: и против КГБ, и против ГРУ.

Законопослушное население чутко реагировало на такие кампании, даже простые контакты с честными гражданами становились затруднительными. Некоторые знакомые предпочитали больше не иметь дела со мной, другие откровенно заявляли о своих опасениях.

Филиал торгпредства располагался в восточной части Монреаля. На бульваре Папа Пий IX стоял двухэтажный деревянный особняк, который остался нам в наследство от «Экспо-67». Около шести месяцев здесь жили три семьи, а затем я выехал в весьма удобный дом на Пайн-авеню.

Звонок из генконсульства застал меня за просмотром утренних газет. Дежурный произнес традиционную фразу: «Вас вызывает Павел Федорович…»

Павел Федорович Сафонов — генеральный консул, был человек во многих отношениях необыкновенный.

В нем полностью отсутствовали чувства кастового дипломатического чванства, амбициозности и превосходства элитарного МИДа. На дипломатическую работу он пришел из Внешторга еще во время войны. Сафонов был один из первых тридцати комсомольцев, которые начали строить город на Дальнем Востоке, названный Комсомольском-на-Амуре. Не имея высшего технического образования, он возглавлял в этом городе сборочный цех авиационного завода. Во время войны он выезжал в США на приемку боевых самолетов. У него были золотые руки, светлая голова и большая душа доброго человека. Добрый

десяток лет, до самой его смерти, моя семья дружила с этим дорогим мне человеком.

В высшей степени порядочный и принципиальный, он был любимцем всей советской колонии в Монреале. Его усилиями в консульстве был создан отличный дружный коллектив. В обращении он был прост, в отношениях с людьми — человечен.

Так вот. Меня вызывал Павел Федорович. На самом деле это был вызов в резидентуру. Обычно, придя в консульство, я вначале шел в резидентуру, а потом — к Сафонову, если вызов действительно был от него. В этот раз вызывал «Михалыч» — мой резидент в Монреале и заместитель резидента КГБ в Канаде.

— Тургай, вчера я был в Оттаве. Для тебя есть задание — я сделал выписку из оперативного письма. Вот посмотри…

«Михалыч», как мы звали его в глаза, передал мне листок с пометками. Нужны были компоненты высокоэффективного напалма нового поколения. Того самого, который американцы применяли во Вьетнаме.

Еще в училище я изготовлял в лаборатории напалм из трех компонентов.

Теперь речь шла о четырех составляющих. В задании приводились названия компонентов и фирм, их производящих. Некоторые из них были американскими.

Я засел за справочную литературу, одновременно обдумывая легенды подхода к фирмам-изготовителям, чтобы, не дай Бог, они не подумали, что меня интересуют именно компоненты напалма. «Изюминкой» легенды должна была стать мысль, что закупка химических веществ нужна для ярко выраженных обычных промышленных целей. Образцы — это только начало, гласила бы легенда. Я же провожу переговоры о закупке большой партии. Конечно, это блеф, но неправдой в нем было только то, что фирма-изготовитель не знала истинных намерений советской стороны. Внешне — это были обычные коммерческие переговоры с надеждой на выгодный заказ.

Мне предстояло посетить четыре фирмы, среди которых была хорошо знакомая «Алкан». Необходимо было в сжатые сроки закупить образцы, не насторожить при этом канадскую спецслужбу и успеть собрать все четыре компонента к очередному рейсу теплохода «Пушкин». Напалм на языке химиков — отвержденное горючее. Эдакое студнеобразное вещество, в составе которого гели, углеводороды (бензин или бензоиды), инициирующее вещество — алюминий, который зажигает «адскую смесь». От нее нет спасения ни на земле, ни на воде и в воде. Прилипая к железу, она прожигает его. Что же говорить о человеке!

И тогда и сейчас я уверен: против силы нужна другая сила, иначе более сильный начнет «стрелять» первым.

От корпорации «Алкан» я надеялся получить порошок алюминия. Для этого использовал свое знакомство с одним из руководителей. В пятницу под вечер я посетил главный офис «Алкана» в деловом центре Вилла Мария и во время переговоров по делам «Лицензинторга» попросил устроить мне встречу с сотрудниками отдела корпорации для изучения возможности закупки продукции антикоррозийных покрытий на основе алюминия.

К этому времени я разобрался, что алюминиевый порошок может быть антикоррозийным покрытием, но чем больше его дисперсность, то есть измельчение, тем сильнее сцепление порошка с металлом, а значит, выше его качества по защите от коррозии. Это была легенда.

Мой знакомый из «Алкана» позвонил руководителю химического отдела, попросил принять меня, ответить на все вопросы и, если нужно, снабдить нужной информацией. Я спустился на несколько этажей в кабинет руководителя отдела, показал ему каталог с продукцией корпорации, где был нужный мне алюминий. В каталоге он проходил под звездочкой: особый заказ. Но в разговоре я мельком упомянул, что якобы вице-президент корпорации, у которого я только что был, благосклонно воспринял мой интерес именно к этому сорту алюминия. Я понимал, что едва ли руководитель химического отдела будет переспрашивать своего вице-президента.

Нужного мне алюминия я попросил ни мало ни много десять килограмм. Тот удивленно посмотрел на меня:

— Господин Максимов, наши заводы выпускают алюминиевого порошка такого качества всего пятьдесят килограммов в год. Из них 80 процентов закупают вооруженные силы США.

— А зачем им столько? — наивно спросил я. — Мне-то он нужен как наполнитель к красителям для антикоррозионных покрытий…

Руководитель отдела пропустил мою тираду мимо ушей и сказал:

— Для напалма.

— Сколько же напалма можно изготовить из него? Наверное, какие-нибудь килограммы? Я ведь не специалист…

— Ну нет. Весь Вьетнам обрабатывается напалмом, в котором наш алюминий. А это сотни тонн.

Собеседник запнулся, поняв, что сказал лишнее. Но приказ был отвечать на вопросы возможного клиента.

— Как вы представляете себе транспортировку десяти килограммов — это ведь большой объем?

— Сколько же в стандартной упаковке?

— Пятьсот граммов — это почти сто литров по объему…

Руководитель отдела передал мне характеристики алюминия и данные по его применению. Естественно, сведений о применении алюминия в напалме не было. За образцом я заехал через день и сразу же произвел оплату. Алюминиевый порошок был весьма дорог, но, конечно, не для американской армии.

Контакт же с «Руком», как я про себя назвал руководителя отдела, я продолжил для получения консультаций. В работе с ним сказалось мое знакомство с вице-президентом «Алкана», его женой и крупные сделки моей страны с этой корпорацией. Я, видимо, слыл в иерархии его связей как выгодный клиент.

Все четыре компонента были отправлены очередным рейсом теплохода «Пушкин» в Ленинград. Компоненты безопасны, пока их не смешают. Но все же их поместили в отдельный трюм, содержимое которого можно было выбросить за борт, если возникнет угроза пожара.

Очередную поездку в Оттаву для встречи с торгпредом и обсуждения текущих дел по Внешторгу я совместил со встречей с резидентом. Мне уже передали, что он мною интересуется.

— Тургай, — начал резидент, благожелательно поглядывая в мою сторону, — нужно очень серьезно поработать. Вот смотри…

В шифртелеграмме были изложены условия явки. Из Европы едет на несколько месяцев специалист «Артур», который будет работать в одной из конструкторских фирм. Его нужно встретить в Монреале, обсудить конкретные условия связи и передачи материалов, которые он будет фотографировать, передать деньги и назвать места двух тайников.

— Готовь условия явки, три-четыре тайника и сигналы к ним, — определил резидент мою работу на ближайшее время.

— Илья Николаевич, у меня уже есть места тайников и встреч.

— Проверь, обсудим через месяц. Чтобы не дразнить «наружку», специально в Оттаву не приезжай, только вместе с работниками вашего филиала. В общем, не обостряй отношения с «наружкой», будь для них «спокойным клиентом». Помнишь случай с Володей?!

С Володей, контрразведчике монреальской «точки», случилось следующее. Во второй половине лета Володя собрался уезжать из Канады. Он уже отправил теплоходом «Пушкин» жену, ребенка и вещи. Уже с очередным рейсом пришел в Монреаль «Пушкин», и Володе оставалось дня три-четыре ходить по

канадской земле.

В тот день я сидел в кабинете резидентуры, работая над очередным оперативным документом. В кабинет кто-то вошел: о Боже! Человека нельзя было узнать — все лицо представляло сплошную кровавую массу…

— Володя? — узнал по одежде я его. — Это ты? Что случилось? «Михалыч», иди сюда…

Вошел «Михалыч», фронтовик и в прошлом танкист. Он только присвистнул, и мы выслушали исповедь Володи.

— Побили, гады… — промолвил он распухшими губами.

В центре Монреаля возвышалось полукруглое здание — Дворец искусств, в котором регулярно проводились выступления театральных артистов и концертные программы. Володя решил пойти на концерт. Припарковал автомашину в тихом месте и пошел покупать билет.

Когда он возвратился и стал садиться в автомашину, его зажали с двух сторон дюжие молодцы, втолкнули в автомашину и избили.

С этого момента и до отплытия Володя сидел дома, а на теплоходе две недели до Ленинграда в каюте. И все время лечился. Мы понимали, что это была месть местной «наружки» активному сотруднику резидентуры. Но знали и другое: она не делала ничего похожего. Виноват в таком отношении к нему был сам Володя. Не раз он врывался в резидентуру и с порога возбужденно кричал:

— Ну я сегодня им показал! Погонял «наружку» по Монреалю. Они меня попомнят.

Попомнили. Не раз ему говорили, что не дело быть «ковбоем» на улицах города, тем более без оперативной нужды, но он пропускал замечания мимо ушей. И вот развязка: вместо круиза домой на теплоходе — усиленное лечение.

Моя концепция «в отношениях» с наружным наблюдением была другой: максимум доброжелательности. Я поставил себе задачу — считаться у его сотрудников «удобным объектом наблюдения».

«Наружка» во время слежки тратит гораздо больше усилий, чем я, даже если иду по прямой. Ее сотрудники вынуждены беспрерывно маскироваться, используя толпу, магазины, углы улиц. Тот же путь для них в два раза длиннее. Если я бывал в кафе, то не торопился, а давал «НН» допить свой кофе. От наружников из КГБ я знал, что они страдают двумя болезнями: расширением вен на ногах и язвой желудка из-за отсутствия горячей пищи. Бывало, я даже угощал сотрудников «НН» за городом водкой.

Может, я заблуждаюсь, но мои «случайные» исчезновения в сложном потоке автомашин на улицах Монреаля или при проезде на желтый свет светофора не доставляли хлопот «наружке». Если это случалось не часто, они, видимо, «оправдывали» мое исчезновение дорожными причинами. Может быть, есть что-то наивное в моих рассуждениях, но «схема» работала.

…Итак, мне предстояло подготовиться к явке с источником из Европы. В резидентуре находился пакет с местами явок. Вопрос только в том, чтобы их проверить, — был случай, когда при подготовке к «Экспо» в ожидании гостей со всего света здание кинотеатра сломали и явка не состоялась.

Тайники тоже были приготовлены заранее. Но я не знал, будет ли у «Артура» автомашина. Если нет, нужно предложить тайники в пределах города, где-нибудь на окраине, в парковой зоне.

Проверить место явки было не сложно: предлог для проезда мимо него всегда можно найти. Но проезжать нужно именно в час явки. И вот я еду мимо кинотеатра — традиционного места многих явок, осматривая его. Судя по всему, кинотеатр процветает — значит, не будет снесен еще какое-то время. Но проверить нужно еще перед отправкой шифртелеграммы. Район спокойный, мест для криминальных элементов нет, подходы хорошо просматриваются. В пятидесяти метрах — станция метро и автобусная остановка. Кажется, место подходит. Выбрать время лучше всего после полудня, часа в четыре, когда еще не очень много людей, но и не слишком пусто.

Монреаль, или, как мы его еще называли, «Остров Монреаль», простирался на сорок километров с востока на запад. Вдоль берегов двух рек проходит узкая шоссейная дорога по красивейшим местам. Ехать по ней одно удовольствие: старые деревни с крохотными церквушками чередуются с парками и лесными зонами — все в черте города. Когда едешь вдоль реки Святой Лаврентий, видишь широкую гладь воды, особенно красочную в закат. Если движешься по верхней дороге, внизу лежит весь город с рекой на заднем плане. Город хорош, когда солнце только что село и день еще не угас. Огни в высотных домах уже зажжены. Пройдет минут десять — пятнадцать, и очарование исчезнет — город будет обозначен только огнями зданий и улиц.

Вот на этой дороге, удобной для прогулок на автомашине и пешком, были выбраны все четыре тайника, из них два запасных. Все они вполне подходили для скрытия закладки и выемки материалов. Тайник с названием «Забор» — угловой столб. Обычный проволочный забор территории частного владения.

Домов рядом нет, зато есть кусты и поворот дороги, скрывающие действия людей. Или «Камень» — одинокий булыжник на обочине дороги, тоже скрытый ее изгибом. Оба места удобны, но только летом. Зимой здесь все занесено снегом, и «Забор», и «Камень» будут недосягаемы с дороги. «Мост» и «Дерево» могут быть использованы в любое время года. Но подходить к ним удобнее на автомашине.

Мне было известно, что «Артур» пробудет в Монреале, а может быть, и вне города, три месяца, причем в летне-осеннее время. Значит — «Забор» и «Камень».

Условия явки, тайников и встречи были отправлены на согласование в Центр. Место и дату явки «Артур» будет знать наизусть и выйдет на нее. С тайниками ознакомится, а подробности узнает от меня во время встречи.

В июле явка состоялась. Я опознал «Артура» по фотографии. Вещественный пароль им был изменен: вместо фотоаппарата определенной марки «Артур» держал в руках бумажный пакет. Формально я мог к нему не подходить — условия не были соблюдены. Но я узнал его по фото, были еще словесные пароли.

Как поется в песне: «Трус не играет в хоккей…» — и я решился провести явку до конца. Все прошло гладко. Мы обменялись паролями и прошли в заранее подобранный мною ресторанчик.

После традиционных приветствий, когда мы немного привыкли друг к другу и неловкость прошла, я все же спросил «Артура»:

— Почему вы без фотоаппарата?

— Я ведь ехал в Канаду через несколько стран, поистратился… Денег у меня было в обрез. Пришлось продать фотоаппарат, уже здесь, в Монреале.

— Деньги я принес, передам в конце встречи. А пока расскажите, как устроились на новом месте, как с окружением на работе и дома?

— Живу в гостинице фирмы. Работаю программистом, в комнате один. Могу фотографировать «Миноксом», он сохранился. Пока ни с кем не общаюсь — присматриваюсь, да и работы много. Служба безопасности меня не трогает.

Мы побеседовали об осторожности при фотографировании и обсудили тайниковые операции: через месяц и через два. Оговорили сигнал об отъезде «Артура» в Европу — чтобы зафиксировать событие.

На всякий случай к встрече с «Артуром» я приготовил три суммы: основную в несколько тысяч долларов, еще тысячу и еще пятьсот — и все в разных карманах.

Обстановка подсказала бы мне, какую вручить.

Тайниковые операции прошли без приключений — «Артур» был аккуратен и точен. Но длились они не один час, как в теории, а несколько. «Артур» принимал сигнал о том, что я забрал фотопленки из тайника, уже в городе, часа через полтора после события. Связано это было с тем, что у меня автомашина, а он пользовался городским транспортом. Фотопленку проявили и отправили в Центр.

Через три месяца со дня прибытия «Артура» в Канаду сигнал о его отъезде не поступил. Он появился только глубокой осенью. Это заставило поволноваться меня, резидентуру и Центр. Имея координаты «Артура» в Канаде, мы все же не стали рисковать и от звонка ему на работу и домой отказались. Исходили из того, что если он задержался из-за работы, то все же сигнал выставит при отъезде, а если попал в поле зрения спецслужбы, то наш звонок может ему навредить.

Жаль, что не были оговорены еще два-три тайника — материалы у него наверняка накапливались, но, не имея связи с резидентурой, «Артур» не имел права рисковать и везти их в Европу. Сработало правило: главное — безопасность источника информации.

Осенним днем «Михалыч» остановил меня в фойе консульства:

— Зайди ко мне.

Я прошел в помещение резидентуры.

— Тургай, еще задание по линии «Х». По твоей инициативе Центр подготовил.

Месяца за три до этого я узнал, что американская фирма «Даург крон», исследователь и производитель волоконной оптики, изготовила световод длиной в десять метров. Интерес к этой тематике я помнил еще в бытность работы в отделе НТР и в Японии. Но тогда речь шла о световодах длиной в два-три метра. Вспомнилось, что наши судостроители интересовались световодами для подводных лодок.

Вот на это сообщение и пришло задание из Центра. Я собрал сведения о филиалах и торговых представителях фирмы «Даург крон» в Канаде. Один из них находился в Монреале, но, как оказалось, чисто ширпотребовского типа. В одном он мне помог: дал подробный каталог изделий фирмы, где были и сведения о волоконной оптике, правда, много меньшей длины. Я сделал вывод, что фирма еще не готова выйти на рынок со световодом длиной в десять метров.

Позвонил на фирму в США, и меня связали с коммерческим отделом. Там сообщили, что есть изделие, но только в 10 метров.

Более длинные ожидаются.

— А какой длины ожидаются? Какие сроки изготовления партии в 5–7 штук?

— В 12–13 метров будут готовы через полгода, но о сроках поставки еще рано говорить. Оставьте телефон.

— Я меняю офис и буду вам звонить снова. Как быстро вы можете выслать световод длиной в 10 метров?

— Через четыре дня получите. Оплата на таможне в Монреале. Сумма… Как ваше имя?

Через пять дней я появился на монреальской таможне и, предъявив визитную карточку, получил посылку со световодом. В декларации на налог заявил, что изделие фирмы «Даург крон» предназначено для медицинского оборудования. Это означало, что налог будет максимальным. С оперативной точки зрения выплата налога в 40 процентов избавляла меня от проверки изделия по разным спискам, в том числе и КОКОМ. Вся операция на таможне заняла не более десяти минут. Через полгода я еще раз повторил получение световода большей длины, потом еще раз — 15 и 18 метров.

Жил я рядом с медицинским факультетом Макгилльского университета, рядом с его библиотекой. Вскоре стал бывать там и просматривать студенческий журнал, который, кажется, назывался «Макгилл ревью». В горе журналов, как в стоге сена, я нашел интересные сведения о научных работах в стенах университета по заказам Министерства обороны Канады.

Среди студентов ширилось антивоенное движение, одной из сторон которого было удаление из университетских лабораторий заказов по военной тематике. Как там писали: за деньги милитаристов. Студенты говорили, что США пытаются втянуть Канаду в военные авантюры, в том числе и во Вьетнаме.

Журнал предавал гласности тематику контрактов, их суммы, сроки и названия организаций заказчиков в Канаде и США. Мне удалось побеседовать с организаторами студенческого антивоенного движения «Макгилл — вне военных программ». Один из активистов движения, «Галл», поплатился учебой в университете.

Он был франко-канадцем, остро переживающим отставание провинции Квебек в экономическом развитии от англоязычной Канады. Думаю, позднее он стал одним из тех, кто примкнул к «Фронту освобождения Квебека».

В наших беседах затрагивались многие вопросы, в том числе и отношение «Галла» к прямому восстанию. Я объяснил ему опасность и бесперспективность таких действий, которые только осложнят жизнь франко-канадцев, говорил, что нужно оказывать

поддержку лидерам в правительстве Квебека типа Шарбоне и Бурасса. Но молодая кровь требовала действий, конкретных и с результатами, как при колке дров.

«Галл» рассчитывал через меня предать гласности сведения об исследованиях в университете по военной проблематике. Я обещал, но вмешиваться в это дело не мог. Мои задачи были другие — собрать информацию о таких работах, а уж Центр решит, что с ними делать. Но о желании «Галла» я в Центр сообщил.

От «Галла» были получены сведения о военных исследованиях в области космоса и электроники для него, навигационном оборудовании и ракетной технике. А из других университетов — по программе Саффильда — о химическом и бактериологическом оружии, защите от него и кое-что по психотропным веществам.

Меня заинтересовала программа, если мне не изменяет память, ХАРП — исследование ракетной техники на больших высотах. Она была по близкой мне теме — дипломной работе в военно-морском училище: об активно-реактивных снарядах. А в ХАРП исследовался обстрел в высоких слоях атмосферы. Макгилл работал по этой программе с космическим институтом в Торонто, испытания проходили в провинции Квебек на полигоне в Валкартье. Интерес к программе проявляли американцы из НАСА — гиперзвуковые скорости и ВВС США — ракета «Найк».

«Мой» активно-реактивный снаряд выстреливался из обычного орудия и за счет реактивности повышал потолок стрельбы процентов на двадцать. Канадцы и американцы рассчитывали повысить дальность и точность, используя для запуска ракеты американское орудие калибром 406 миллиметров на полигоне острова Барбадос и еще где-то в Калифорнии.

«Галл» рассказал, что работы то ли уже засекречены, то ли будут, ведутся переговоры о направлении большой группы ученых Макгилла в США.

Я обобщил сведения и направила Центр справку, основным выводом которой было: канадцы и американцы намереваются увеличить дальнобойность артиллерийских орудий кораблей ВМФ США и Канады за счет применения ракет при стрельбе.

Морская тема в беседах с «Галлом» была продолжена. От него удалось узнать о работах в университетах в области биологии, химии и медицины в интересах военных, о заказах американских фирм по ядохимикатам и нервно-паралитическим газам, о работах одного из университетов в Монреале и в провинции Альберта совместно с Саффильдским центром.

Любопытна была и информация о психотропных веществах, в

частности, об исследованиях по их применению в одном из монреальских госпиталей. Неизвестно, как использовалась в Центре информация моего молодого источника — «Галла», но позднее в средствах массовой информации Канады и США были подняты вопросы правомерности испытания на больных психотропных веществ, тем более без их согласия.

Работая в службе активных мероприятий, я понял, что тоненькая ниточка моей информации о психотропных препаратах могла превратиться в узел противоречий между общественностью Канады и США и военными ведомствами этих стран, финансирующих этот проект.

Тема применения психотропных веществ остро дебатировалась в научных кругах двух стран, стала предметом специального расследования в парламентах, в Монреале дело было доведено до судебного иска в адрес госпиталя, ЦРУ и министерств обороны Канады и США. Волна возмущения общественности перекатилась через океан в Европу и даже в Японию. Но нигде не говорилось, что в развертывании этой кампании замешаны русские, тем более — КГБ.

Контакты с «Галлом» пришлось прекратить — началась эпопея с «Фронтом освобождения Квебека», экстремистские действия которого ни мной, ни нашей службой, ни правительством не одобрялись. Советская сторона была убеждена в пагубности для Квебека сепаратистских настроений. Хотя в политических играх и для Москвы, и для других стран Ольстер в Англии и Квебек в Канаде — это поле проявления «мудрости политиков».

Конечно, я не все знаю, но попытки приписать участие «руки Москвы» в трагических событиях в Монреале во время проявлений экстремизма «ФОК» не имеют основания. Более того, всем службам, работающим в Канаде — КГБ, ГРУ, нелегалам, — было запрещено вмешиваться в дела канадцев И прежде всего в дела франко-канадцев. По линии посольства, торгпредства, Морфлота, Аэрофлота, Интуриста прошли категорические запреты бывать в местах скопления людей, а после рабочего дня вообще в городе.

В резидентуре запрещено было проводить какие-либо встречи с источниками в городе и даже просто со знакомыми канадцами — Центр боялся, что работу разведки увяжут с событиями в Монреале.

Мы сожалели о таком приказе, ибо именно в это время раскрывалось истинное лицо канадцев, и нужно было заводить полезные связи — чувства людей обнажились, время установления отношений на основе симпатий могло быть

минимальным: одна встреча — и полезный контакт заведен.

Опыт работы западных спецслужб в России в августе 1991 и октябре 1993 года наверняка обогатился возможностью установления нужных контактов в тревожные дни. Теперь у них, видимо, другая трудность: разобраться с новыми контактами. На это уйдет не один год. А нашей контрразведке не один год придется выискивать шпионов, которые стали таковыми после тщательного «просеивания» спецслужбами Запада их полезных контактов. Но такая уж судьба всех разведок: в мутной воде ловить свою рыбку. Едва ли это можно опровергнуть.

Начало «двойного агента»

Весной семьдесят первого года, после трех лет работы в Канаде, мы с семьей вылетели в отпуск на Родину. Отдыхали в Пицунде. Дни отдыха пролетели быстро.

И вот последние, визиты в родное управление «Т» — НТР. Отчитался за работу, ознакомился с новыми заданиями и переговорил со своим куратором по оперативным делам о дальнейшей работе с контактами из канадцев.

Тогда я не представлял, что они станут тупиковыми, что после моего отъезда из Монреаля никто из резидентуры их на связь не возьмет. Разве что по линии торгпредства, Например, представителя фирмы, которая закупила у меня три кинофильма: «Белое солнце пустыни», «Бриллиантовая рука» и «Далеко на западе» — об участии советских военнопленных в восстании против немцев на английском острове Джерси.

За неделю до отъезда меня вызвал начальник нашего управления Михаил Иванович Липатов. Приход в разведку его и нашей троицы-североморцев совпали. Тогда Липатов был майором, теперь — генерал-майором.

В органы он был направлен с партийной работы. И хотя Липатов был не один, кто оказался в разведке таким путем, его отличали от других бывших партийцев доброе отношение к людям, искреннее участие в судьбе человеке, забота о подчиненных. Михаил Иванович обладал чертами, которые позволяли людям уважать партийные кадры.

— Привет «канадцу»! — обежав стол, пожал мне руку Михаил Иванович. — Когда назад? Отпуск хорошо отгулял? Не надоело жить за океаном?

Зная привычку начальника забрасывать собеседника вопросами, отвечал коротко. Вызов к генералу не был чем-то особенным, но и не часто рядовой разведчик беседовал с руководством такого уровня перед отъездом в страну.

В это время в управлении уже начала складываться система иерархии, когда прямых контактов рядовых с руководством становилось все меньше. Во времена создателя НТР Квасникова рядовой оперработник докладывал вопрос о работе с агентом или разработкой лично ему. Непосредственный начальник участвовал во встрече НТР на равных.

В борьбе за бюрократические привилегии дело доходило до анекдотической ситуации. В первые дни отпуска Михаил Иванович случайно встретил меня в коридоре и пригласил к себе перебросится парой слов. Ну, была у него привычка —

поговорить со свежим человеком «оттуда». Выходя из его кабинета, я столкнулся с начальником своего отдела, курировавшего Канаду. Генерал пришел в ярость и приказал мне ждать его возвращения в его прихожей. В беседе начальник пригрозил выгнать меня из органов за «шастание к руководству для решения своих личных делишек». Он так обиделся, что за весь отпуск со мной не побеседовал.

…Многозначительно посмотрев на меня, Михаил Иванович сказал:

— Тебя хочет видеть Борис Семенович…

И в мыслях не было, что мною может интересоваться заместитель начальника разведки.

— Да, да, замнач ПГУ. О чем разговор, там узнаешь. И успеха тебе.

Из кабинета я выходил более чем озадаченный. И Михаил Иванович хорош, хотя бы намекнул в чем дело. Одно успокаивало — Михаил Иванович был весьма любезен, а его прощальное рукопожатие говорило, что ничего неприятного, кажется, не предвиделось.

На другой день без четверти десять я был в приемной Бориса Семеновича Ивакина. Кабинет замначальника разведки был даже меньше, чем у Липатова. Его владелец, плотный человек лет пятидесяти с внимательным и доброжелательным взглядом, располагал к себе прежде всего улыбкой.

Генерал предложил сесть, поинтересовался семьей, отдыхом, сроком отъезда. Внимательно выслушал ответы, видимо, привыкая к собеседнику.

— Скажите, вы докладывали о довольно пристальном внимании к вам со стороны канадской контрразведки?

— Да, — и я перечислил аргументы в пользу такого предположения.

— А почему именно к вам? Может быть, что-либо позволило особенно интересоваться вами? — генерал сделал ударение на «позволило интересоваться».

— Думаю, их внимание привлекла открытость моих взглядов и независимость суждений, свобода в общении.

— И это все? — генерал, видимо, предполагал, что в моем поведении в стране могло быть что-то не так.

— Борис Семенович, я взял за правило в общении со связями быть самим собой — иначе запутаешься и в мыслях и в делах. Не лукавить, хорошее в нашей жизни защищать, плохое осуждать, не цитировать классиков, а при случае выдавать их мысли за свои…

— Ну, хорошо. Теперь о главном. — Задумчиво, как бы взвешивая то, о чем пойдет речь, Борис Семенович начал

объяснять задачу. — Мы хотим начать игру с канадцами. Можно ли заинтересовать их собой до такой степени, чтобы они сделали вам вербовочное предложение?

Поворот дела был более чем неожиданный.

— В основе воздействия на меня Джеффри Вильямса, как представляется, агента КККП, а по профессии бизнесмена, лежит попытка навязать мне внеслужебную и хорошо оплачиваемую коммерческую сделку. Он знает о наших порядках, но продолжает делать мне различные предложения. Именно здесь лежит большая степень вероятности…

— Уверены?

— Уверен, было несколько достаточно выгодных для меня предложений, согласие на которые давало бы мне материальные выгоды. Например, консультации по торговле с нашей страной или…

Борис Семенович перебил:

— Что, с вашей точки зрения, нужно для того, чтобы реализовать идею внедрения в агентурную сеть КККП? Как главное условие?

В голове мелькнула шальная мысль:

— Свобода действий и максимум конспирации, Борис Семенович.

— Хорошо. Теперь о вашем будущем. За него не беспокойтесь. Оно будет вам гарантировано при любом исходе дела.

— Борис Семенович, мне доверяют серьезное дело…

— Хорошо, хорошо… Есть еще щепетильный вопрос. Готовы ли вы, в случае оперативной необходимости, выступить в роли предателя?

Генерал внимательно смотрел на меня. Его взгляд даже не спрашивал меня, справлюсь ли я? Он терпеливо ждал обдуманного ответа. Я не хотел и не мог упустить шанс возможной оперативной удачи. Бесенок авантюризма заплясал во мне:

— Если вы считаете, что я справлюсь, я готов.

— А вынесут ли родители, родные? Ведь могут быть публичные разоблачения, суд, телевизор…

— Я сотрудник разведки. Если мне доверяют и считают способным выполнить такое дело, у меня нет оснований отказываться. Родные поймут…

— Хорошо, — приятно улыбаясь, сказал генерал. — Сейчас я кое-кого приглашу…

Он снял трубку.

Через несколько минут в кабинет вошли начальник внешней контрразведки Боринов и его заместитель Калугин.

— Итак, — начал Ивакин, — Анатолий Борисович согласен поработать с канадской контрразведкой. По его мнению, успешному ходу операции будет способствовать нескованность его инициативы — свобода действий, как он выразился. Думаю, такую свободу в определенных пределах он получит. Какие у вас вопросы?

— А что будет заложено в основу его «предательства»? — спросил Боринов.

Я понял, что общие черты плана работы с канадцами уже намечены.

— Может быть, политические колебания? Будет ругать нашу систему… — предложил Калугин, — пусть слушают, как он кроет ее в беседах с женой.

— Но он уже начал линию поведения на материальной основе, — возразил Борис Семенович. — Может, ее и продолжить? А что думает сам исполнитель?

— Материальная основа наиболее перспективна, а главное — более разнообразна, — высказался я. — А что, если попробовать построить материальный интерес вокруг иконы, якобы вывезенной в Канаду для продажи?

— Ну вот и договорились, — обращаясь к Боринову, сказал замнач разведки. И ко мне: — Подробности плана действий обсудите в управлении «К».

Так на основе интереса Джеффри ко мне было принято решение оказать «помощь» ему, а следовательно, стоящей за ним службе, активизировать разработку советского человека.

Предполагалось, что в случае удачного развития событий игра может проводиться довольно длительное время с целью выявления задач, методов, форм и средств работы спецслужбы Канады, сковывания ее сил и отвлечения внимания. В будущем — изучение сотрудников спецслужбы, продвижение дезинформации, организация вербовочного подхода к таким сотрудникам за рубежом или во время легендированного вывода в Союз.

В любом случае проникновение в агентурную сеть сулило возможность в удобный момент компрометации канадской спецслужбы.

Несколько дней готовился и утверждался план работы по операции, уточнялась стратегия и тактика создания вербовочной ситуации. Операция получила название «Турнир». На ее реализацию было получено согласие не только руководства комитета, но и Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева.

За день до отъезда в Канаду я оказался в приемной председателя КГБ в Главке. Но многочасовое ожидание встречей с

Андроповым не завершилось. В июле 1971 года я с семьей возвратился из отпуска в Монреаль.

Еще перед отъездом в отпуск Джеффри интересовался возвращусь ли я в Канаду, и, если возвращусь, просил позвонить ему. Присутствие всей моей семьи в стране можно было использовать в качестве предлога для посещения дачи Джеффри, где обстановка способствовала дальнейшему втягиванию его в игру.

Расчет строился на том, чтобы в беседах затронуть вопрос о даче, позавидовать ему, а главное, высказать безысходность моего положения: большая семья — тут уж не до дачи, автомашины и той жизни, которая мне представлялась.

Позвонив Джеффри, я встретился с ним и во время деловой беседы навел его на эту мысль.

Уже начинала набирать силу чудесная золото-багряная канадская осень, в отличие от нашего «бабьего лета» называемая здесь «индейским». Дача располагалась на берегу озера длиною километров десять, половина его уходила за границу в Америку. Сама же граница обозначалась двумя таможенными зданиями, стоящими на противоположных берегах. Движение по озеру не возбранялось, но в отдельных случаях таможенная стража задерживала и досматривала лодки.

Нас ждали, готовился обед. А пока Джеффри предложил мне, жене и старшим детям прокатиться на моторной лодке. Сын и дочь немедленно согласились, а жена хотела остаться с младшим сынишкой. Но Джеффри настойчиво просил жену принять участие, и она согласилась.

И вот моторка несется по глади озера. Сын почти сам управляет ею. Все ближе условная граница между США и Канадой: пятьсот, четыреста, триста метров… Джеффри обращается к моей жене:

— Нина, вон за теми таможенными домиками всю вашу семью ожидает отличная жизнь. Там — Америка. Там — деловые люди, подобные вашему мужу, весьма нужны. Не хотите ли и вы стать гражданкой Америки?

Я делал перевод, но, задавая вопросы, Джеффри фактически обращался ко мне. Улыбка сияла на его приветливом лице: вроде бы и шутка, вроде и нет. Оставались считанные метры до границы…

Когда есть задание вовлечь Джеффри в игру, подальше его не пошлешь, даже деланно не следовало возмущаться. Да и вопрос о Штатах возник неспроста — ведь семья была в сборе, в Канаде. Вопрос не праздный, и нельзя было лишать его (и стоящих за ним) надежды «на благоприятный исход» в разработке русского.

Напряженность разрядила моя шутка: — Джеффри, можно было бы побывать в Штатах, да нас ждет обед. На голодный желудок такие вещи не обсуждают.

За столом разговор вращался вокруг дачи Джеффри. Я высказывал желание приобрести дачу по приезде в Союз. Назывались приблизительные оценки в рублях, которые переводились в доллары, делались намеки на скромные финансовые возможности моей семьи.

После короткого отдыха все пошли купаться. Мы с Джеффри поплыли к середине озера. Он продолжил разговор о даче: действительно ли она в России стоит так дорого? Я ответил: очень дорого — и дача, и кооперативная квартира, покупка которой самая насущная проблема нашей семьи, а это кабала на многие годы. Мимо проходила парусная лодка, и я воскликнул: — Вот проплывает мимо «моя несбыточная мечта». У нас все это безумно дорого. А меня всегда тянуло к путешествиям под парусом. Но сейчас, когда семья разрослась до пяти человек, все это только мечта…

У меня действительно был интерес к парусу, яхтам, моторкам. В Канаде выписывал журнал о них, иногда покупал литературу по теме, бывал в яхтклубах, которых было довольно много по берегу Святого Лаврентия, дома же делал наброски «будущих» яхт.

Материальные затруднения и поиски путей выхода из них демонстрировались и другими способами. Получив из Москвы план кооперативной квартиры, мы с женой, естественно, обсуждали его. Подключили к беседам знакомых в совколонии. Особое место в обсуждениях занимала будущая меблировка квартиры. Зная, что контрразведка «навещает» и подслушивает дома советских граждан, я не сомневался: им известно обо всех этих увлечениях. Поэтому информация, полученная Джеффри в тот день на даче, должна была дополнить мозаику «тайных желаний» нашей семьи.

Проникнуть в мою квартиру или сделать закладку «жучка» в спальне, на балконе было «делом техники» и не составляло особого труда — мы жили в обычном доме среди канадцев со средним достатком.

Еще в семидесятом году по линии торгпредства было разрешено снимать квартиру в городе. Инструкция требовала — не более тридцати пяти квадратных ветров За следованием ее пунктам строго следила специальная комиссия. Она рисовала планы наших квартир за подписью «треугольника» — руководства, профкома, то есть партийной организации, месткома, то есть профкома В Москву посылались по специальной

форме обоснования «законности» наших действий. Как и всякая форма она носила всеобъемлющий характер в масштабе Союза. О, это был образец бюрократического творчества! В ней не хватало только графы, на какие средства я жил до революции.

Унизительная опека, заставлявшая сотрудников совколонии лицемерно именовать блага в тридцать пять метров заботой правительства, оборачивалась не менее унизительными объяснениями с канадской стороной.

Не раз ко мне, да и другим, приходили представители канадских правительственных структур по социальной защите населения, объясняли, что с двумя детьми мы не имеем права жить в таких стесненных условиях что по канадским законам разнополые дети не могут жить в одной комнате, требовали подыскать другую квартиру.

Естественно, бюрократическая система Союза не могла учитывать законы какой-то Канады. На знамени бюрократии и у нас, и во всем мире значится: «Все, что вышло не из-под нашего пера, — это от лукавого». Двадцатидвухэтажный дом был весьма удобен. Стоял он на склоне горы и имел два выезда, разнесенные по вертикали, — на первом и восьмом этажах. Семиэтажный гараж, прилепившийся к дому, венчался стеклянной постройкой — бассейном с сауной и солярием на крыше Зимой ярко освещенный бассейн, особенно в снегопад придавал этому месту фантастический вид, вызывая восторг наших ребятишек. Мы же радовались, что семьи устроены по-человечески.

Правда, для нас, разведчиков, бассейн и другие прелести стеклянной постройки были редкими радостями — выбирались мы туда от случая к случаю.

Выезды из дома на две улицы создавали оперативные удобства: возможность скрытого ухода в ночное время. Перепад в восемь этажей создавал некоторые трудности для контролирующих подходы к дому. Мы предполагали, что за тремя семьями едва ли станут держать два стационарных поста, да еще круглосуточно. Косвенно все говорило, что наши догадки верны.

Через дорогу от дома находился прекрасный парк на Королевской горе. Удобна была близость генконсульства, где находилась наша резидентура.

Квартира была удобна так же условно: ни прихожей, ни коридора. Комнаты смежные, а вместо кухни — китчинет, такая «щель» между плитой, холодильником и шкафами в один метр площади. Китчинет отделялась от общей комнаты решетчатыми деревянными створками.

За эти же двести долларов, что выделяло нам торгпредство за тридцатипятиметровое благополучие, на окраине города можно

было снять отдельный дом в 5–7 комнат, меблированный, с террасой и огромной кухней, гаражом и с ухоженным участком. В таком доме могли бы жить две семьи, экономя государству почти две с половиной тысячи долларов в год, но…

Но беспощадная иррациональная система, думающая только о букве инструкции, а не о человеке, категорически запрещала любые отклонения от указаний свыше. Считая, что она стоит таким образом на страже финансовых интересов государства, система присвоила себе право выступать от имени государства и диктовать условия, лишенные здравого смысла. Логика систему не интересовала.

Однако система просчиталась — она не оговорила сумму за метраж. Вот почему мы снимали квартиры в довольно комфортабельных домах.

… А тогда, на берегу озера, я думал, что оставшаяся часть дня, может быть, пройдет без приключений. Но я все же плохо знал Джеффри, ибо он решил свозить нас на соседскую ферму. Автомашина двигалась по проселочной дороге, петляя среди вековых дубов. Чувствовалось, что мы двигались в направлении американской границы. Неожиданно, как бы шутя, Джеффри сказал:

— Вот мы и в Америке! Может быть, не будем возвращаться в Монреаль? Есть у меня здесь знакомый, который уже сегодня примет вас всех на ночлег, а уж завтра подумаем о возвращении.

С деланным гневом, благо предлог был достаточно серьезный, я возмутился, сказав, что Джеффри, сам того не ведая, ставит под удар всю мою карьеру:

— Не сносить мне головы, если моё руководство узнает, что я нарушил границу США. Это же политическое дело! И никакие оправдания не помогут!

Как всегда, приятно улыбаясь, Джеффри заявил, что он пошутил и что граница еще далеко.

Он отвез нас на ферму, где мы осмотрели отлично организованное хозяйство по разведению племенных коров. На ферме работало всего три человека: фермер — отставной военный, его жена и сын.

В тот же вечер, но уже без приключений, мы возвратились в Монреаль.

Политика и разведка

Первый день пребывания советского премьер-министра Алексея Николаевича Косыгина в Оттаве начался с происшествия. Когда он и канадский премьер — министр Пьер Трюдо появились на Парламентском холме, их встретили случайные посетители этих мест — радушно, по-канадски гостеприимно, приветливо.

Неожиданно через барьер ограждения перепрыгнул молодой человек лет двадцати. Он бросился к Косыгину и повис у него на плечах.

Я видел эти кадры по телевидению не один раз. Косыгин с ношей на плечах продолжал двигаться и спокойно разговаривать с Трюдо. Прошло секунд десять, пока опомнились канадские и советские охранники. Парня схватили, скрутили и оттащили в сторону. У Косыгина в это время ни один мускул на лице не дрогнул.

Нападавший оказался венгром, родители которого выехали в Канаду в 1956 году после известных трагических событий в Венгрии.

В день нелепого нападения на советского премьера радио, телевидение и пресса притихли: все ждали его реакцию. Одна из вечерних газет поместила фразу русского генерала — начальника охраны Косыгина, который критически оценил действия КККП. Он обратился к своим сотрудникам, говоря: «Следите за этими разукрашенными куклами. Действуйте сами». Генерал намекал на ярко-красные парадные мундиры сотрудников охраны. Эти слова были помещены в газете на русском и английском языках.

Вечером того же дня Косыгин, советский посол, главы резидентур КГБ и ГРУ, а также представитель ЦК из делегации премьер-министра обсуждали вопрос: как отреагировать на случившееся? Посол и КГБ считали, что нужно подать ноту протеста канадскому МИДу. ГРУ и ЦК помалкивали.

Блестящее решение принял Косыгин: сделать вид, что ничего не произошло. Один этот шаг советского премьера покорил сердца канадцев. Газеты, радио и телевидение не жалели слов в адрес благородства и мудрости русского государственного деятеля.

Фактически под этим углом зрения и прошел визит Косыгина в Канаду. Были подписаны документы о сотрудничестве в области политики, экономики и торговли. Среди них был документ, предусматривающий обмен парламентскими делегациями.

Косыгин был одним из немногих интеллектуалов в советском руководстве. Энергичный, прекрасно образованный,

экономически грамотный и опытный хозяйственник, он выглядел «белой вороной» в плеяде интригующих друг друга партийцев в окружении Леонида Брежнева, которых со временем народ окрестил «кремлевскими старцами». Среди них ему места не нашлось, и вскоре после визита в Канаду советский премьер подал в отставку, оказавшись и тут «белой вороной»: из Политбюро никто добровольно не уходил.

Визит Косыгина совпал с попытками Пьера Трюдо получить большую экономическую самостоятельность от США. Ему приходилось трудно. Один из его визитов в США вылился в демонстрацию Белым домом явного пренебрежения к главе государства, каким был «Северный сосед США».

На этом фоне, и как попытку закрепить визит в Канаду Косыгина, наши парламентарии решили начать планомерные наезды в эту страну. Была подготовлена первая группа, но наш посол получил от канадского МИДа просьбу не форсировать события. Ответ из Москвы был категоричным, более похожим на окрик: «Есть решение ЦК — мы едем…»

Приехали. Никто эту делегацию на правительственном уровне не принял, в средствах массовой информации визит русских не освещался. С тем и уехали. Видимо, в Москве не знали, что решения советского ЦК для канадской стороны не обязательны.

Косыгин улетел в Москву, а для всех советских ведомств в Канаде наступила пора сбора откликов на результаты визита. Посольство и консульство работали в политических, экономических, общественных и культурных кругах. Торгпредство — среди делового мира, остальные — по своим направлениям: Морфлоту, Аэрофлоту, Интуристу…

Мы, сотрудники резидентуры, работали по линии «крыши», и по заданиям разведки. А они конкретны и не должны содержать сведения, почерпнутые из открытых источников — газет, радио, телевидения, поэтому «технология» в наших чекистских рядах была следующая: сотрудники линии ПР — политической разведки — готовили общую информацию, а остальные разведчики собирали через свои возможности среди оперативных контактов сведения в помощь ПР. Мне, например, давалось задание осветить мнение высокопоставленных деловых кругов. Я ехал к вице-президенту «Алкан» или «Мелчерз дистилларз» — ликеро-водочному «королю» Канады и беседовал с ними на нужную тему. Затем обобщение беседы, и в документе для Центра появлялась ссылка на «источник, близкий к деловым кругам Монреаля…»

Фактически в эти две недели после отъезда Косыгина из страны мы все были заняты такой работой. Я посетил десятки

своих знакомых по торгпредству, по крохам собирая достоверную информацию. Работа кропотливая, но…

Нужна ли такая работа? Конечно, нужна, но во всем нужна и мера.

Начало семидесятых было для Канады годами потрясений. Это — восстание «Фронта освобождения Квебека», когда Монреаль был оккупирован парашютно-десантными войсками англосаксов из Британской Колумбии. Город был объявлен на осадном положении впервые за последние сто лет. Это — забастовка монреальских полицейских, явление явно необычное в благополучной Канаде. Это — обострение американо-канадских экономических отношений вследствие попытки канадской стороны перестать быть придатком США в области сырья и рабочей силы.

Для меня в это время главной была работа в интересах операции «Турнир». Одним из условий работы по операции стало приказание быть осторожным при выполнении заданий по линия НТР. Мне было сказано, что все контакты по НТР нужно рассматривать с точки зрения полезности их для операции.

В это время из Центра пришла шифртелеграмма с указанием подготовить условия работы — явку и тайники — для источника из Европы. Резидент решил меня к этой явке не подключать, объяснив Центру, что меня якобы плотно держит «наружка».

Из руководства и вообще среди сотрудников резидентуры о моей работе по операции «Турнир» знал лишь резидент. Мой новый псевдоним, специально для этого дела, был «Николай». Таким образом, со второй половины семьдесят первого года прикрытием для операции «Турнир» стала моя работа по линии торгпредства и по линии НТР. Я понимал, что новые контакты по линии НТР заводить не следует.

Конец семьдесят первого года был труден для советской колонии еще и потому, что усилились антисоветские настроения в самом Монреале. Особенно среди еврейской общины, направляемой сионистскими кругами. Генконсульство на длительное время попало в кольцо пикетирования. По иронии судьбы здание напротив Генконсульства в тупиковой улице занимало монреальское еврейское общество. Представители его день и ночь находились перед дверями консульства. Плакаты, выкрики, угрозы, ругательства на ломаном русском языке, плевки на одежду и в лицо — таким был удел сотрудников советских учреждений в Монреале, наших жен и детей.

Мы понимали, что это политическая кампания, скоординированная сверху, возможно, сионистскими кругами Канады и даже более того. Политика СССР в вопросах арабо-

израильского конфликта однозначно была в пользу арабов. Собственно, именно этим была вызвана активизация преследований против советских людей. Волна таких выступлений на антисоветской основе прокатилась по всему миру.

В Монреале проинструктированные раввином-экстремистом Кахане молодчики разгромили наш «Интурист» и «Аэрофлот», сожгли автомашину во дворе генконсульства, подожгли напалмом входную дверь учреждения. Пострадал во время тушения пожара специалист по часам из города Углича, дежуривший в эту ночь в генконсульстве. Он на всю жизнь остался хромым.

Однажды в лифте моего дома я увидел листовку, в которой говорилось, что еврейская община возьмет в заложники русскую женщину и ребенка. Здесь же приводились телефоны всех советских учреждений в Монреале и предлагалось использовать их для срыва работы.

Советская колония притихла. Появление листовки совпало с приездом в Монреаль лидера сионистских экстремистов Кахане. Русские женщины и дети сидели по домам. Мужчины выезжали в город по делам парами.

В эти дни я вспоминал 1952 год, когда в Москве началось «дело врачей», направленное против еврейской интеллигенции. Тогда я, десятиклассник, вступал в драку с теми, кто оскорблял учеников-евреев. Мы взяли под защиту Бориса Шеймана и его маленькую сестру, когда их мать-врача и отца-геолога арестовали по этому «делу».

На «Экспо-67» я посетил павильон Израиля, где в центре экспозиции был зал в память о 6 миллионах евреев, погибших от рук фашистских палачей. Скорбный зал смотрел на меня глазами евреев всех возрастов. Смотрел из-за колючей проволоки. Символом трагедии военных лет и концлагерей стал детский ботинок. Он был в центре зала на высоком постаменте. Один потертый, старый детский ботинок, как символ геноцида.

Я помнил рассказ из трагической жизни маленького портного-еврея, который весело поведал мне, как во время войны фашисты расстреливали его, но пули пролетали выше его головы, и он остался жив, прикинувшись мертвым. Его спасли русские солдаты.

Все это я видел словно наяву. И не могу смириться с тем, что молодые ребята, видимо, школьники, в те дни у советского консульства плевали в меня. Мне было горько, ибо я знал о трагедии их народа во много раз больше, чем эти «патриоты» из еврейской общины.

Я видел на северном склоне Королевской горы бедные

жилища простых евреев, их одинокие фигуры в традиционных черных широкополых шляпах с пейсами из-под них, в длинных приталенных лапсердаках и с талмудом под мышкой. А на западном склоне горы, всего в нескольких сотнях метров, жили в отдельных виллах другие евреи — богатые, возле домов которых всегда стояли посты полицейских.

Ко мне в торгпредство приходили еврейские парни и девушки — студенты из университета Сэра Джорджа, которым я безвозмездно передавал на просмотр художественные и документальные фильмы на русском языке. Я бывал на просмотрах этих фильмов, которые организовывали ребята из общества изучения русского языка. Конечно, они не приходили к нашему консульству и не сквернословили на русском языке.

Моими партнерами по торговле в Канаде были выходцы из России: кто с дореволюционного времени, а кто и недавно. Мы много лет торговали с ними тканями и рудой, часами и фотоаппаратами, тракторами и станками. Они также не ходили пикетировать консульство.

Кто нас хотел поссорить? Может быть, это было частью профилактических мер КККП в отношении еврейской молодежи? Я знал в Монреале и других евреев, которые считали, что русское Рождество Христово, которое празднуется в России 7 января, это и еврейский праздник. Их убежденность была обезоруживающе простая: Рождество празднуется в честь дня рождения самого великого еврея, который когда-либо жил, — Мессии Иисуса Христа. Один из них, ученый-биолог, пояснял мне, что Иисус был потомком еврейского царя Давида и родился он в еврейском городе, его называли учитель — «равви», и он учил в синагогах.

Сегодня я вспоминаю синагогу в Феодосии, сожженную фашистами вместе с евреями этого города. И рассказ моего деда о том, как он скрывал от немцев еврейскую женщину с двумя девочками. Я думаю над проблемой еврейства, как всю жизнь думал над значением русской православной церкви в жизни моего народа и церкви вообще в жизни людей Земли.

Мне больно думать, что русский народ дал чуждым духу России силам разрушить десятки тысяч церквей сразу после революции, а затем в тридцатые и шестидесятые годы. Разрушал добровольно, следуя сиюминутной доктрине очередного «изма», который не щадил памятников культуры. Среди них храм Христа Спасителя — памятника в честь героев войны 1812 года и освобождения России от наполеоновского нашествия. Стены этого храма расписывали великие русские художники и среди них русские евреи.

На книжной полке в моем подмосковном доме в Быково

стояло десятка три книг четырехтомник Михаила Шолохова, произведения Антона Чехова, одинаково почитаемые в Европе и странах Востока, книги Льва Толстого, толстые тома Мопассана, Золя и Жюля Верна. Тут же стояла скромная по оформлению, но весьма объемная книга избранных произведений Шолома Алейхема, среди которых я неоднократно перечитывал и в детстве даже плакал над печальными судьбами брата и сестры из новеллы «Блуждающие звезды». Из этой книги я впервые узнал о молочнике Тевье и его дочерях. А позднее, уже в Канаде, я увидел замечательный фильм о том же молочнике Тевье и его семье под названием «Скрипач на крыше». О том, как злая сила в лице царских чиновников пыталась поссорить русских с евреями. Но и в этой сложной ситуации люди оставались людьми.

Мне кажется, тот, кто хотел украсть русскую женщину с ребенком, плевал мне в лицо и выражал инспирированную ненависть, не читал о судьбе молочника Тевье и не смотрел фильм «Скрипач на крыше», который был в США удостоен «Оскара». А ведь этот фильм шел на экранах Монреаля как раз во время пикетирования нашего генконсульства.

В конце года мне стало ясно, что в следующем, семьдесят втором году, я из Канады уеду. Четыре года — это трудное время вдали от Родины, не такой яркой в обычной жизни, но своей, многострадальной.

Последним моим заданием по морской тематике было снова по подводным лодкам. Из Центра сообщалось, что в Торонтовском университете в одной из лабораторий проводятся исследования по увеличению скорости подводной лодки за счет изменения скорости ламинарных течений. Назывался автор с польской фамилией и точное место его работы.

Я нашел автора в Торонто, созвонился и узнал от него, что сведения, точнее, его реферат, находится в Монреале. Сославшись на то, что в Монреале проездом, попросил его порекомендовать меня тому, кто имеет реферат в этом городе. Автор сказал, что реферат закрытый и что его можно найти только в изданиях Национального исследовательского центра Канады. Я пообещал ему выслать «мою» работу по этому вопросу, но из ФРГ. Это решило проблему: он позвонил своему другу из НИЦ, и тот передал мне копию.

Когда я пришел за ней, меня встретил отставной военный, кабинет которого был заставлен томами с информацией из НИЦ. Для меня контакт с этим человеком грозил разоблачением: я выдавал себя за скандинава, говорил со славянским акцентом и хотел получить закрытую информацию. Решительно и немного развязно я спросил рукопись. Она уже была отксерокопирована.

Получив ее, я стремительно исчез из опасного места.

Так было выполнено последнее задание НТР в Канаде.

В эти дни, мне так представляется теперь, КККП искало контакт со мной наедине. Как-то я разбирал почту и нашел квитанцию на оплату штрафа за нарушение дорожных правил: якобы делал левый поворот в неположенном месте. Ну и что же? Бывает. Я был готов оплатить штраф и несколько дней возил квитанцию с собой. Но что-то меня удерживало: во-первых, я не мог припомнить местечко, где это произошло, — к этому времени округу Монреаля я знал отлично.

Конечно, в квитанции указывался номер моей автомашины, ее модель, цвет…

И все же, где это местечко? Это уже было делом моей чести — прожить в Монреале столько лет и не знать… Стал разбираться. Оказалось, местечко в провинции Квебек, где-то в районе того самого полигона исследовательского центра, что возле Валкартье.

Я позвонил в полицию и заявил, что никогда в этих местах не был и, как иностранец, должен уведомлять о таких поездках заранее и с разрешения МИДа Канады. Добавил, что имею алиби. Просил снять с меня этот штраф. Полиция просила подъехать и выяснить недоразумение. Я отказался. Мне было обещано, что с этим делом разберутся и сообщат результат. Но звонка не было, и, как я понял, дело закрыли.

Осторожность говорила мне, что если бы я оплатил этот штраф, то подтвердил бы свое пребывание в местечке, которое, возможно, запрещено для посещения советскими гражданами.

Что это было: ошибка полиции или провокация? Не могу сказать с уверенностью, но опыт подсказывал: нужно быть весьма осторожным в последние месяцы и дни пребывания в Канаде.

Открытка

Из Москвы была прислана икона девятнадцатого века, которую я должен был попытаться продать в Канаде.

Осенью встречи с Джеффри участились. Он уже знал приблизительную дату моего отъезда — в мае-июне семьдесят второго года. Таким образом, в распоряжении спецслужбы, направлявшей работу Джеффри, оставались считанные месяцы. Это должно было подтолкнуть их к действиям.

К этому времени уже несколько знакомых коммерсантов рассказали мне об интересе к моей персоне со стороны КККП. Среди них был Форкис, грек по национальности, имеющий десять приемных детей различных рас и национальностей. Поведал об этом и мой сосед по дому Петр, сын русского эмигранта из Маньчжурии. Упомянул и хозяин бензоколонки. Были и другие сигналы.

Такие доверительные сообщения я рассматривал с двух точек зрения: откровенное желание честного человека предостеречь меня от происков канадской контрразведки или попытка подсказать мне путь к представителю этой спецслужбы, если у меня появится желание вступить с ней в контакт.

Весьма примечательно, что люди, знавшие меня относительно недавно и встречавшие редко, предостерегали, а Джеффри, отношения которого со мной носили длительный и дружественный характер, помалкивал.

Помалкивал и Шилин, бывший корниловец, а в новой обстановке — владелец небольшой автомастерской, специалист по жестяным работам и мастер покраски. Его биография была типичной для эмиграции после гражданской войны. В армии он из нижних чинов был произведен в офицеры, затем бегство в Константинополь, шофер во Франции, слесарь по автоделу в Бельгии — и вот Канада…

К этому времени Джеффри уже перестал испытывать мою политическую благонадежность, а Шилин продолжал. Время от времени он подбрасывал мне антисоветские вопросы, допуская временами резкие выпады. В другое время мне следовало бы прекратить с ним всякие дела, а в нынешнем положении Шилин был своеобразным проводником, по которому полезная для нашего дела «информация» поступала в КККП, в частности, о моей «беспринципности». Прикрывался я в отношениях с Шилиным легендой о его качественной, быстрой и дешевой, работе.

Однажды Шилин передал мне книгу о роли евреев в

становлении советского государства. Густо насыщенная антисемитскими выпадами, изданная в Нью-Йорке на русском языке, книга была передана с расчетом на изучение моей реакции на ее антисоветскую направленность.

Прочитал я ее с интересом, но через несколько дней возвратил книгу, сказав, что боюсь влипнуть с ней в неприятную историю и что вынужден был «скрыть» ее от своего окружения.

Шилин пытался втянуть меня в оформление фиктивных счетов, которые предъявляются страховой компании. Делал он это со знанием специфики вопроса, всесторонне объясняя «технологию» и убедительно аргументируя возможность подзаработать таким образом на страховании автомашины или при ее ремонте. Пытался он склонить меня к массовой закупке водки, виски и коньяка в посольском кооперативе для перепродажи. Клиентуру он брал на себя.

Согласись я на «водочную аферу», и для посольства, и для меня такая коммерция была бы чревата последствиями более чем неприятными.

В Канаде существует правило: доход от продажи спиртного в стране — это привилегия правящей партии. Например, советская сторона продавала в страну «Столичную» по шестьдесят центов за почти литровую бутылку. А в розничную продажу она поступала по шесть долларов.

Считалось, что в стране правит «полусухой» закон. Купить крепкие напитки, да и вообще вино, можно было только в специальном магазине службы контроля за алкоголем. В Оттаве на триста тысяч жителей такой магазин-склад был всего один. При покупке хотя бы одной бутылки каждый заполнял специальный бланк с указанием фамилии и адреса — это была мера против спекуляции, ибо магазин работал всего несколько часов в день — с полудня до семнадцати часов и был закрыт в субботу, воскресенье и в праздничные дни.

Легкие вина можно было приобрести и в субботу, но лишь в магазинах с правом продажи таких вин согласно лицензии. Выпить рюмку можно было в баре или ресторане, но после двенадцати, а вот взять бутылку на вынос — об этом нельзя было и думать: мера контроля была одна — значительный штраф или лишение лицензии. Партия у власти в Канаде умеет защищать свои интересы, опираясь только на финансовые рычаги.

Предложение Шилина было отвергнуто. Чтобы не показаться слишком неразборчивым в средствах материального обогащения, от подкрепления основы через «возможности» Шилина по реализации водки было решено отказаться.

Однажды Джеффри предложил мне поужинать месте с

женами в ресторане «Ритц». Пришлось ответить, что такие выходы мне не по карману. Да и экономить надо — скоро отъезд домой.

— Понимаю, — сочувственно закивал он, — дети. И накормить, и напоить, и выучить… Но вы какой-то странный человек. Пренебрегаете вашими способностями и обрекаете себя на незаслуженно скромную жизнь.

Намек «благодетеля» был более чем прозрачен. Конкретное предложение не заставило себя ждать. На очередной встрече Джеффри выложил следующий план:

— Толи, давайте создадим коммерческую фирму. Я вложил бы в нее 80 процентов, а вы — 20 от необходимой первоначальной суммы. Если вы не располагаете свободными деньгами, я готов ссудить их до первых прибылей.

— Но ведь не принято это у нас — я на государственной службе…

— Вы боитесь огласки? Но ведь есть прекрасный выход — «молчаливый партнер» с анонимным счетом в банке.

И снова Джеффри говорил, что с моей энергией, знаниями, способностями я мог бы добиться в Канаде многого и быстро. Ссылаясь на близящийся отъезд, я отказался от предложения, посчитав его слишком рискованным.

Отказ от этого и других заманчивых предложений был связан с тем, что по оперативному замыслу я должен был убедить канадскую контрразведку в возможности сотрудничества с ней на материальной основе. Однако согласия на работу с ней за деньги до отъезда не должен был давать: мы не были готовы передать канадской стороне что-либо за деньги. Мы были уверены, что едва дадим согласие на предложение Джеффри нарушить правила работы советского человека за рубежом, появится фигура из КККП…

А пока в начале ноября Джеффри предпринял очередную попытку вовлечь меня в коммерческое дело. На этот раз связано оно было с живописью. В отличие от «молчаливого партнера» с постоянным доходом в этом случае мне предлагалась разовая сделка:

— Послушайте, Толи, у меня есть идея. Нарисуйте новогоднюю открытку, а я берусь найти издателя в Канаде или США, который заплатит на нее не менее двадцати пяти тысяч долларов. Мне же будет достаточно 5–7 процентов комиссионных. Ну, как идея?

— Это несерьезно, Джеффри, — ответил я, — в самой Канаде найдется немало художников, которые за такую сумму нарисуют открытку более профессионально. Да и не принято у нас заниматься частным бизнесом.

«У нас не принято…», — думаю, это наиболее часто встречающаяся формулировка, характеризующая все стороны пребывания нашего брата за рубежом. Правда, запрет на побочный бизнес государственного служащего вполне оправдан. Объективность в работе чиновника страдает, если он занят чем-либо еще, кроме основных своих обязанностей. Правила в этом отношении весьма строги и в Японии, и в США, и в Англии.

Даже сам факт замысла о работе «налево» в системе Минвнешторга и других совучреждений за рубежом строжайше наказуем вплоть до изгнания «паршивой овцы» из «стада» госслужащих без права когда-либо еще занять пост в госучреждении. Как разведчик, я бы был изгнан из рядов чекистов, если бы принял такое предложение. В основе этих правил лежит положение: такой сотрудник за рубежом уязвим перед спецслужбами противника.

Конечно, о наших строгих порядках знали в канадской контрразведке и строили свои расчеты на моем «добровольном» согласии или привлечении на основе компрматериалов, согласись я на отклонение от «правил поведения советских граждан за рубежом».

С оперативной точки зрения я мог согласиться в момент подхода ко мне канадцев с вербовочным предложением лишь при условии «железных» гарантий моей безопасности со стороны лиц, стоящих выше руководства спецслужбы.

Джеффри настойчиво гнул свою линию и никак не хотел признавать, что я отказываюсь от заманчивого предложения с открыткой:

— Ведь это сугубо личное дело. Не вмешивается же ваше правительство в частные дела граждан? Подумайте только: вместо работы профессионала — открытка, созданная советским коммерсантом! Это же сенсация…

— Нет уж, избавьте меня от такой сенсации. Я не люблю разговоров вокруг моей персоны, — возразил я, надеясь, что Джеффри расценит ответ так: заработать я не прочь, но негласно и с максимальной осторожностью.

Заботы Джеффри обо мне, моем бизнесе сводились к одному и тому же — под любым предлогом втянуть меня в коммерческое дело и всучить мне деньги, поставив тем самым в зависимость. Он плел вокруг меня паутину, кончик которой держала канадская контрразведка.

Икона

Джеффри чувствовал, что мне «нужны» деньги. Но понимал и то, что в целях безопасности мне далеко небезразлично, каким путем я их получу.

Для подтверждения легенды материальной заинтересованности дома мы с женой часто заводили разговор о деньгах. Подсчитывали суммы, которые мы будем иметь до отъезда. Возникали «споры» и «мелочные обвинения» в транжирстве. Был даже подготовлен тщательно аргументированный список с указанием цен и очередности закупок. Внешне он не отличался от списков в других семьях, но в нем была «изюминка» оперативного значения — список по объему закупаемого превосходил в несколько раз наши возможности в расчете на зарплату до отъезда.

Удалось убедиться, что список побывал в руках сотрудников контрразведки.

Закономерен вопрос: а была ли в курсе игры жена? Была, и не возражала. Ознакомлена она была с условиями игры в общих чертах и ровно настолько, сколько требовалось для ее участия. В основном оно сводилось к поддержанию «оперативно значимых разговоров» в нужном месте и в нужное время, что она и делала с успехом.

Конечно, придумывание нужных тем для бесед принадлежало мне, как и инициатива их проведения. Мы никогда не оговаривали сценарий беседы, но супруга активно подключалась в нужное время. По моему взгляду она понимала, что идет разговор для «подслушивающей публики». Мы не позволяли себе расслабляться даже на лоне природы, зная о возможности подслушивания наших разговоров на расстоянии. Только раза два с соблюдением максимальных мер осторожности мы заранее оговорили характер беседы. Один из таких разговоров должен был состояться на квартире Джеффри, куда мы были приглашены в гости.

…Даже когда нашим женам нужно было поговорить о чем-то важном, они терпеливо дожидались возможности сделать это вне дома. А ждали они иногда не один день. Жены привыкли не затрагивать вопросов о жизни наших людей ни дома, ни в автомашине. Сплетни и пересуды могли повредить нашим людям — жены знали об этом. Говорили мы обычно о чем-либо важном в шумном месте на улице.

О тревожной жизни наших жен мы узнавали по невеселым штрихам. Приехав в последний отпуск в Москву, на другой день

дома я сказал жене, что еду на работу в управление на Дзержинке. У жены округлились глаза, и она указала на телефон. Через секунду мы заулыбались, но это было не так уж и смешно.

Тревожная жизнь жены разведчика из сплошных ожиданий и неизвестности посеребрила голову моей супруги через короткий срок после рождения третьего ребенка и задолго до возраста, про который о женщине говорят, что она «ягодка опять». А ведь ее мать стала седеть ближе к семидесяти…

Преждевременно ушла из жизни супруга нашего друга, семью которых мы много лет знали. Три командировки в разные полушария земли, сложные климатические условия и вечная нервотрепка от наших дел свели ее в могилу, так и не дав увидеть детей семейными, насладиться внуками…

Предполагалось, что с помощью подслушивающей техники контрразведка знала о «заботах» нашей семьи и должна была скорректировать свои действия с использованием факта «финансовых нужд» и моего упорного стремления найти способ их удовлетворения с максимальной осторожностью.

В наших с женой беседах все чаще фигурировали цифры в 1500–2000 долларов, якобы недостающих «до полного списка». Не называя икону своим именем, обсуждали возможность выручения за нее денег. И рассчитывали на сумму в 2000 долларов.

Когда икона оказалась в квартире в Монреале (а это случилось почти сразу же после нашего возвращения из отпуска), я предпринял меры, чтобы КККП зафиксировала факт ее появления. В начале осени было установлено, что икона спецслужбой обнаружена.

Чтобы понять, копался ли кто-либо в вещах, нужно разработать, как мне представляется, безотказный прием с использованием просто расчески. Обращали ли вы внимание на разнообразие расчесок? Они отличаются не столько цветом, сколько важной для нашего дела частотой зубьев. Расческа с зубьями всегда при вас, как линейка с делениями.

Нужно запомнить ряд простых чисел: 3, 5, 7, 11, 13, 17, 19… Две-три цифры — это своеобразные координаты любого предмета, особенно на плоской поверхности. Углы бумаг или предмета следует зафиксировать с помощью трех чисел. Если расстояния большие, то откладывается длина расчески и прибавляется нужное число зубьев.

Просто, если приложить чуть-чуть усилий, и тогда будет удобно контролировать интерес к вашим вещам и дома, и в гостинице. Можно применить этот прием и во время переговоров, когда вас выводят из помещения под благовидным предлогом, чтобы заглянуть в ваши бумаги. Для грубой прикидки может

послужить и ваша ладонь, пальцы которой — те же деления на линейке.

С иконы я сделал слайдовый снимок и в маленьком ателье, на Сант Лоране заказал несколько цветных фотографий.

Теперь нужно было навести контрразведку на мысль, что я ищу пути сбыта иконы. С этой целью я побывал в русской православной церкви Святого Николая, которая, по иронии судьбы, размещалась в здании бывшей синагоги. Не называя себя, я спросил служителя, не нужна ли для церкви икона «Распятие Христа на кресте», написанная в России более ста лет назад? Пояснил, что она в отличном состоянии и ее размер 35 на 40 сантиметров. Служитель попросил показать икону.

Через несколько дней, когда было подозрение о слежке за мной, я снова посетил церковь и показал тому же служителю фотографию. Последний большого интереса к иконе не проявил, но узнав, что я прошу за нее 2000 долларов, с усмешкой предложил приобрести ее долларов за… триста. Для проверки цены иконы посоветовал посетить один из многочисленных антикварных магазинов на Сант Катерине — главной улице торговой части города.

В антикварном магазине, громко именуемом «салон», оценить икону по фотографии отказались. Пришлось показать оригинал. Но вместо просимых 2000 мне предложили 600 долларов. В других магазинах — и того меньше. Сделка не состоялась.

Да и не могла состояться, так как цель «дела с иконой» заключалась в том, чтобы КККП уверовала в мое желание иметь большую сумму, которая равнялась почти полугодовому моему жалованию.

Приближался Новый год. В последних числах декабря, на Рождество, Джеффри неожиданно пригласил меня с семьей на сугубо семейный праздник. Были близкие Джеффри люди и, кроме двоих, все мне знакомые. Из незнакомых — господин средних лет, которого Джеффри представил как своего коллегу по работе. «Коллега» вел себя весьма сдержанно, а Джеффри с ним — настороженно-предупредительно.

Вскоре я заметил, что «Коллега» внимательно наблюдает за мной, моей женой, с которой даже переговорил (позднее она сказала, что этот человек интересовался, не без сожаления ли она покидает Канаду). Из дома «Коллега» отбыл задолго до ухода остальных гостей, не исключено, что он торопился попасть на свой семейный праздник.

Мы предположили, что и неожиданное приглашение меня в контору фирмы на Дроммонде, и эта встреча с «Коллегой» на Рождество были своеобразными смотринами «объекта

разработки».

Другое незнакомое лицо, точнее незнакомка, была мать жены брата Джеффри Джейн Твист, о которой так много пришлось слышать. Шестидесятилетняя канадская художница ежегодно проводила по три-четыре месяца среди эскимосов и создала замечательную галерею образов этого народа. Ее открытки и альбомы пользовались в Канаде и США заслуженной популярностью.

Дело есть дело, и присутствие в кругу семьи Джеффри художницы подсказало путь втягивания его в «дело с иконой».

Вскоре после Нового года на одной из встреч я попросил Джеффри помочь мне достать специальный раствор для чистки старых масляных картин. Джеффри живо заинтересовался, с какой целью это мне нужно, точнее — что за картина? Под «давлением» любопытствующего Джеффри мне «пришлось» поделиться своими заботами, связанными с продажей иконы. Упомянул и о визите в церковь, и к антикварам, где предложили слишком малую сумму.

Джеффри немедленно обещал раздобыть необходимый раствор. Однако на очередную встречу его не принес, а попросил саму икону — якобы для подбора наиболее полезного для таких целей раствора. Я же под предлогом, что не хотелось бы вмешивать в это сугубо неофициальное дело лишних людей, отказался ее передать. Когда Джеффри предложил найти на икону покупателя, я передал ему фотографию и сообщил свое желание выручить за нее 2000 долларов.

В феврале Джеффри, побывав в США, сообщил мне, что покупатель нашелся. Им оказался знакомый Джеффри бизнесмен — собиратель русских икон, человек богатый. Он готов был приобрести икону по фотографии и за требуемую сумму.

— Наконец-то! — радостно хлопнул меня по плечу Джеффри. — Вот теперь я вижу человека дела.

Обеими руками он крепко сжал мои руки и вкрадчиво добавил:

— Вы получите гарантии, что об этом никто не узнает. И с не совсем понятной убежденностью и возбужденностью он добавил:

— Вы получите такие гарантии, которые вам даже прийти в голову не могут. Судя по всему, Джеффри готовил меня к встрече с представителями контрразведки. В последующие дни Джеффри с организацией сделки не торопился, явно чего-то выжидал.

По нашему замыслу икону продавать не следовало. Если бы она была продана за сумму 2000 долларов, контрразведке стало бы ясно, что моя потребность в деньгах на данном этапе удовлетворена, а природная осторожность подскажет мне

нецелесообразность заниматься еще чем-либо с целью накопительства денег.

С отводом Джеффри от «дела с иконой» помог случай. Как-то он неудачно пошутил:

— А если я расскажу в советском торгпредстве о том, что вы торгуете иконой? Ведь вам не поздоровится?

— Конечно, — кисло ответил я, — но не совсем так. Едва ли вам поверят на слово. — И, хмуро потупившись, сделал вид, что мне такой оборот дела неприятен.

Была ли это случайность или задумка спецслужбы по отводу Джеффри от иконы, но больше я об иконе с Джеффри не разговаривал. Его это тоже устраивало. Однако через некоторое время он спросил меня о ней. В ответ ему было сказано, что она уже продана, хотя и значительно дешевле ожидаемой суммы. Правда, я ехидно добавил, что сделка состоялась без хлопот с американским коллекционером. Джеффри такой ответ вовсе не огорчил. Все говорило о том, что такой оборот его даже радует. «Исчезла» икона и из моей квартиры.

Мы понимали, что Джеффри исполняет в этой работе по заданию контрразведки роль наводчика, а затем разработчика. Можно было предположить с большой степенью уверенности, что рано или поздно он выведет на меня профессиональных контрразведчиков. Но мы понимали и другое: профессионалы должны подойти ко мне под убедительным предлогом и не с пустыми руками.

Вот почему Джеффри не торопился с раствором, не выводил меня на американца — любителя икон. В его задачу входило главное: выявить основу возможного сотрудничества и создать предпосылки к подходу канадской контрразведки.

Для Джеффри и контрразведчиков моя «неудача» с продажей иконы значительно дешевле, чем я якобы предполагал, означала шаг вперед в разработке советского.

Слушающие из спецслужбы могли докладывать, что в преддверии нашего отъезда из страны, в заботах по закупке нужных вещей я «терпел» неудачу — средств для реализации «списка» явно не хватало…

«Моменталка»

Новый, семьдесят второй год, начался спокойно. Настроение было хорошее — впереди возвращение на Родину. Морозная сухая погода усиливала чувство схожести канадской природы с нашей, русской.

В немногие субботние или воскресные дни я с семьей выезжал за город. Нашим любимым местом была Яблочная долина к югу от Монреаля милях в двадцати. В солнечные дни это место просматривалось даже из окна моего дома. Среди равнины вдруг вставали, как зубья дракона, скалы, покатые с одной стороны и обрывистые с другой. Зимой на склонах этой скалы-горы целые семьи из Монреаля катались на лыжах и табаганах, гуляли по узким, протоптанным в глубоком снегу тропинкам. На мангалах с сухим спиртом жарились хот-доги. В близлежащей деревушке продавался отличного качества яблочный сидр.

В таких поездках наша семья не имела каких-либо особенных привязанностей к другим семьям. Нина умела держаться ровно со всеми женщинами советской колонии, что было не так просто. Она охотно оставалась с детьми, когда родители хотели провести время где-нибудь в городе. Женщины относились к ней хорошо хотя бы за то, что она многих научила шить на швейной машинке. Через всю нашу совместную жизнь прошла основная профессия жены: вначале — портниха, затем — модельер.

Уже в конце зимы мы выбрались в Яблочную долину. Разожгли мангал. Мои два сына и мальчик с девочкой моего коллеги Владимира с огромным удовольствием уплетали все, что им ни предлагали: от хот-догов до яблок, купленных здесь же у местных жителей.

Мы, взрослые, выпили традиционного сидра и чуть-чуть водки. Возвращались уже к вечеру. Сухая дорога стрелой вела к городу, и тут я почувствовал, что у меня двоится в глазах: разделительная линия на шоссе, встречные автомашины… И выпили мы чуть-чуть… Может быть, я расслабился? А может, шутку сыграла смесь сидра с водкой? Сосредоточился, но опьянение не проходило. Нужно было освежиться, хотя бы снегом — впереди был город со светофорами и полицией, а за спиной спали на заднем сиденье уставшие дети и жена.

В то время до нашей резидентуры доходили из Центра слухи о коварстве западных спецслужб, которые подсыпали нашим разведчикам препараты, расслабляющие психику. Подумалось и об этом. Но до сих пор у канадской контрразведки не было

основания предпринимать такие шаги в отношении меня. Я не вел себя грубо при проверке от «наружки», практически не использовал отрыв от нее, если только дорожные ситуации не способствовали этому.

Осторожно, уже в полной темноте, я привез семью домой.

А через несколько дней мне пришлось выполнять несвойственное ни мне, ни разведке мероприятие.

После девяти вечера я возвратился с работы и рассчитывал провести время в кругу детей. Но не тут-то было. Как это было принято среди живущих в одном доме советских семей, осторожный стук в дверь означал: вызывают для разговора в коридор.

Стучал взволнованный Владимир. Мы вышли на лестничную площадку, для безопасности поднялись на несколько этажей. Тут он мне в самое ухо сказал:

— Есть приказ «Босса»: возвратить вот это моему источнику.

Голос Владимира дрожал от возбуждения — он явно нервничал.

— А ты сам?

— Боюсь! За мной уже не один день плотно ходит «наружка».

Приказ есть приказ, и я спросил, где встреча и как выглядит человек. Владимир описал место и личность источника, но когда он назвал время, то тут уже разволновался я. Если даже через пять минут я выйду в город, остается всего сорок минут!

Обсуждать что-либо было бессмысленно — нужно действовать. Но все же уточнил:

— А «Босс» знает об этих минутах, которых почти нет?

Владимир кивнул. Я схватил пакет и стремглав бросился домой, на ходу обдумывая план действий. Через три минуты уже сидел в автомашине на одном из этажей гаража.

Решение было предельно простым: использовать момент неожиданности при выезде из верхних ворот гаража, где проходило авеню с четырьмя рядами движения и, что особенно важно, в одну сторону. Метров через сто авеню уходило под горку и разделялось на три улицы, одна из которых вливалась в мощную трассу, идущую с севера на юг.

Ворота гаража открывались автоматически и по сигналу водителя. Двигались они вверх секунд десять, но уже через пять-шесть секунд моя автомашина могла проскочить на улицу. Подъехав изнутри к воротам и выключив фары, я вставил ключ в замок для открывания и, высунув голову из окна, стал слушать шум от движения автомашин. Вот прошли вправо последние автомашины — значит, светофор, который был метрах в пятидесяти слева, перекрыл движение. Через шестьдесят секунд

светофор зажжется и на зеленый свет пойдут автомашины. Значит, через секунд сорок я должен открыть ворота.

Вот нетерпеливые водители газуют у светофора — я начал открывать ворота и перевел рычаг скорости с первой на вторую. Ворота приоткрылись, и машина выпрыгнула на авеню, по которой уже катился поток в четыре ряда. Где-то сзади скрипнули тормоза, кто-то загудел, увидев перед собой лихача в моем лице, но я уже несся к заветной развилке, а с нее стремительно повернул вправо, затем еще вправо, пока не оказался практически в противоположном от начала движения направлении. Оставалось минут тридцать. Такой «скачки» я не припомню. Тем более такого грубого отрыва. Я отсекал предполагаемую «наружку», используя прием «еллоу драйва», то есть проезд на желтый свет светофора, а дважды даже «ред драйва». Хорошо, что асфальт был сухим, а то несдобровать бы мне: рисковал материалами, которые необходимо было во что бы то ни стало вернуть источнику в этот вечер. Такое в разведке бывает…

Метрах в двадцати от места встречи я бросил автомашину и через запасной вход вошел в таверну. Вблизи него должен был сидеть канадец. Расчет был на то, что после получения материалов он выйдет через главный вход на многолюдную улицу. На это ему потребуется не более десяти секунд. Дале если «наружка» у меня «на хвосте», она не успеет подтянуться ни к «моему» входу, ни к главному.

Канадец сидел за столиком один. Я его узнал сразу по характерным признакам, которые описал Владимир. И еще — журнал на столике. Хорошо, что он не раздевался — значит, не будет потери секунд на одевание. Я присел рядом.

— Я — от Владимира. Вот материалы, — и я положил ему пакет на колени. — Быстро уходите через главный вход и смешайтесь с толпой. Проверьтесь от «наружки».

Канадец проявил выдержку, оставаясь спокойным и невозмутимым. Он прикрыл пакет журналом, встал и, неся пакет, журнал и шляпу в руке, пошел к выходу. Я остался за столиком и следил за обстановкой. Движение канадца ко входу казалось мне вечностью. И последующие минуты в таверне длились невыносимо долго. Но, к моей радости, чего-либо подозрительного или настораживающего я не обнаружил.

Медленно ехал я по вечернему городу, только теперь обращая внимание на прелести мягких огней жилых домов. Теплый свет из окон двух- и трехэтажных коттеджей источал уют и спокойствие. А перед глазами все еще мелькали повороты и светофоры, красные задние огни автомашин и яркие фары встречных. Я медленно отходил от «ковбойской скачки» на моем «форде».

Кажется, спокойствие пришло, но я-то знал: сегодняшний день придет ко мне в ночное время бессонными часами. Я буду «просматривать» эту операцию до мельчайших подробностей — так уж привык разделять все на плюсы и минусы, как бы отчитываясь перед самим собой.

А пока меня потянуло на философские рассуждения. Сегодня тема — время. Все действия укладывались в десяток секунд — у ворот, до поворота на развилке улиц, от автомашины до таверны, от столика до выхода канадца на улицу…

Разведка с временем обращается бережно. Это один из важнейших факторов в ее работе. Здесь все важно: год и сезон, месяц и день недели, время суток и рабочего дня, минуты и секунды конкретного часа. Сезон — это состояние дороги, месяц — это время летних каникул или рабочий период, день недели — это суббота с ее спортивными правилами, а время суток — это толпы на улицах или пустынные авеню. За минуту можно оторваться от «НН», а за секунду передать незаметно материал «из-рук-в-руки» или «из-рук-в-пакет». И все это — время.

Нервный Владимир поджидал меня у своей автомашины в гараже. В двух словах я обрисовал моментальную передачу материалов канадцу. Владимир облегченно вздохнул и стал меня благодарить. А на другой день в резидентуре я узнал, что Владимир просто не решился выехать на «моменталку», опасаясь не успеть провериться от «наружки». Задержка произошла из-за трудности фотографирования материалов на папиросной бумаге. После фотографирования пленку нужно было проявить и проверить, что же получилось. Материал был ценным и на возню с ним ушли драгоценные минуты и часы. Когда до встречи оставалось менее часа, было принято решение грубо вырваться в город.

Я понимал Владимира: он работал «под крышей» дипломата, а я — сотрудника торгпредства. Во всем мире дипломата считают потенциальным шпионом, а вот работу деловых людей меньше ассоциируют с такого рода делами. Видимо, это связано с тем, что дипломат проникает в секреты государственные, а деловой человек — в частные. В конечном счете спецслужбы — это инструмент государства, а службы безопасности могут быть в любой частной структуре. Эдакое своеобразное разделение труда в области защиты секретов.

Через Монреаль двигался поток советских специалистов в Чили — экономическая, политическая и культурная помощь правительству Сальвадора Альенде, новому президенту этой страны. Из Москвы летели группы ученых-геологов и горных инженеров, медики и педагоги. Все советские организации в

Монреале встречали и провожали наших людей чуть ли не каждый день.

Транспортные самолеты — гиганты «Ан-22» из военной авиации дальнего действия — летели вдоль кромки льдов Гренландии на Кубу, а оттуда — в столицу Чили Сантьяго.

В один из таких дней я пришел в консульство около десяти часов утра и встретил там возбужденных сотрудников: обсуждалась страшная новость — при подлете к Канаде над Атлантическим океаном пропал «Ан-22», везший грузы и десяток пассажиров, среди которых женщины-медики. Экипаж не вышел на очередной сеанс связи при пролете мимо Гренландии.

Первыми начали поиски канадские военные летчики и моряки. К ним присоединились рыболовецкие суда. Канадское радио непрерывно передавало информацию из района поисков. Были трудности погодного характера и из-за расстояния почти в тысячу километров от канадского побережья.

Во главе с генералом из Москвы прилетели представители наших ВВС — группа связи для работы в контакте с канадцами. Тогда я подумал: ведь можем же мы дружно работать даже с «врагами» по НАТО, а они с нами. Но почему лишь когда случается беда? Газеты захлебывались от радостной вести: визы советская сторона получила за несколько часов.

Поиски продолжались. Были замечены в океане и подобраны колесо шасси, ящики с маркировкой советских организаций, личные вещи экипажа и пассажиров. Предположили, что самолет при попытке сесть на воду разрушился и мгновенно затонул.

Недели через две поиски прекратились. Надежды на спасение людей не оставалось…

Бюро «Клода»

Приятной неожиданностью стал ночной звонок одного из моих хороших знакомых из числа франко-канадцев. Случилось это недели за три до отъезда на Родину.

История наших отношений с «Клодом» была не столь эффективна, сколь запутана. Сторонник отделения Квебека от Канады, «Клод» тяготился проживанием, как он говорил, «под сапогом британского солдата из паратрупс». Это чувство особенно обострилось в нем после временного оккупирования Монреаля пятьюстами парашютистами из Британской Колумбии. Такова была реакция федерального правительства на экстремистские действия боевиков из «ФОК», которые пошли на террористический акт, убив министра труда из правительства провинции.

«Клод» осуждал терроризм, считая, что чистая идея сепаратизма скомпрометирована. Естественно, я поддерживал его в этом, явно удовлетворяя жажду «Клода» иметь хорошего собеседника. Но перейти грань личных отношений и начать получать от него информацию, которой он был богат, не удавалось.

Дело в том, что «Клод» был совладельцем небольшого специализированного консультативного бюро в области передовых достижений науки и техники: атомной, электронной, авиационной, космической, судостроительной, металлургической и, конечно, моей любимой химии. В задачу бюро входила подготовка обширных обзоров, естественно, за вознаграждение, которое каждый раз оговаривалось отдельно. Главным коньком бюро было обоснование тенденций развития на стыке отраслей науки и техники в той или иной области знаний. Причем свои аргументы бюро дополняло конкретными документами, которые далеко не всегда носили открытый характер. Последнее особенно интересовало меня.

Я понимал, что бюро имеет свои источники информации и в нужных случаях прибегает к прямому промышленному шпионажу. На мой взгляд, это был «информационный Клондайк».

«Клод» осторожничал, хотя отдельные советы, правда, не документального характера, давал мне: название фирм и имена специалистов, некоторые технические параметры оборудования и процессов, особенно в химии. Я старался застать «Клода» в бюро одного и искал возможности ознакомления с системой его досье по волнующим меня областям информации. А «Клод», чувствуя мой интерес, дразнил меня, давая полистать отдельные досье.

Он говорил, что собранные сведения — это его капитал, которым он не хотел бы ни с кем делиться: ни за деньги, ни даром. Мои уверения в том, что получение от него материалов останется между нами, его не убеждали.

В бюро работало трое: «Клод» и его жена, партнер — тоже франко-канадец, молчаливый молодой человек, вечно сидящий за картотекой и печатной машинкой.

Как-то «Клод» в шутку сказал:

— Если уеду из Канады насовсем, то оставлю тебе все мое богатство…

— Что — уже есть идея с отъездом? И почему?

— После провала с отделением Квебека в самостоятельное государство меня тянет во Францию. Хочу заняться более спокойным делом. Например, дизайном или индивидуальным строительством — я ведь по образованию строитель. Но хочу быть строителем-созидателем.

Категоричность была чертой характера «Клода», и такие слова, как «хочу», «будет», «я принял решение…», были нормой в его образе мышления и поведении.

— А какие досье? Их можно продать? — забеспокоился я, думая, какую сумму может запросить «Клод».

— Конечно, кое-что будет реализовано. Мы поделим досье с моим партнером в соотношении 1:2.

— Значит, жена имеет полноценную долю, — догадался я, думая, как присоединиться к реализации досье.

— А почему — нет? Она вложила в это дело аккуратность, понимание наших задач, порядок в досье, умение привлечь клиента…

— И что же достанется мне? — шутливо, но с намеком на серьезность вопроса, спросил я.

— Тебе — все остальное. У меня нет сомнения, что твое правительство могло бы купить все эти досье, но боюсь, что ваши бюрократы, как в каждом государстве, быстрее провалят сделку, чем расстанутся с долларами.

— Гарантом выступлю я, — попытался прервать тираду «Клода».

— Не смеши меня. Гарантия может быть только одна — обмен досье на живые деньги! Или я не прав?

«Клод» был прав. Наша сторона требовала серьезных гарантий качества покупаемого информационного товара. А что могли дать списки-описи из досье?

…И вот этот звонок после часа ночи.

— Приезжай и забирай… Дверь открыта, — коротко прозвучало в трубке.

Сон мгновенно слетел, а в трубке уже были гудки.

Мысль работала четко: провокация? «Клод» не из тех, кто на это способен. Согласовать с «Боссом», как мы назвали нового руководителя резидентуры вместо «Михалыча»?

Это ночью-то? Итак, еду или нет? Еду… Подслушивающие телефонный звонок от «Клода» расшифруют только утром, доложат — еще позднее, часов в 9—10 утра. Утром ехать, даже рано, нет смысла — может уже работать пост «НН» вблизи дома. Нужно ехать сейчас, немедленно. Так думал я, а руки уже одевали меня во все спортивное. Схватил огромные пакеты и менее чем через полчаса оказался вблизи дома, где располагалось бюро «Клода».

Сделав круг по кварталу, припарковал автомашину в тихой улочке. По-моему, «наружки» не было. Полиции тоже не видно. Дверь в бюро действительно была открыта. Я проник в помещение, быстро привык к полумраку и свету уличных фонарей. В системе размещения досье я разобрался, тем более что полки стояли почти пустые. Ну, да ладно — на наш век хватит. Так: космос отсутствует, а жаль. Химия — тома три-четыре. Нужно посмотреть, что брать. Атомная тема — кое-что есть. И электроника, судостроение, металлургия, горное дело — фактически нет…

Света с улицы хватало, и я стал просматривать досье по атомной проблематике. Смотрел, конечно, только заголовки и направленность рубрик. В одном досье была подборка материалов об исследовательском центре атомной энергетики в городе Чок-ривер более чем в двухстах километрах от Оттавы. Была не была: беру! Дома разберусь. А когда разобрался, обрадовался. Материалы содержали современное видение проблемы ядерной и космической физики, физики твердого тела, аппаратуры для гамма-лучей и вопросы стандартизации радиоизотопов.

Другие досье подбирал уже легче — тематика была более знакомая, а чувство восприятия обострено до предела. Решил, что у меня будет только один заход, — рисковать не хотелось. Меня в этом случае больше устраивала русская поговорка «От добра добра не ищут», — а не «Чем больше, тем лучше». Жадность и в нашем деле может сгубить.

Твердые корочки досье я оставлял, а содержимое запихивал в пакет, беспокоясь, чтобы ручки не оборвались. Дошел до автомашины и положил на пол пакеты. Нервозность сказалась только в салоне: я лихорадочно закрыл на замки все двери, а некоторые проверил не раз. Про себя твердил: «Никому не дам войти в автомашину…»

Уже по пути домой я посмотрел на часы — в бюро я пробыл не более пятнадцати минут. Пришел и запоздалый страх, не страх, а чувство осторожности, когда хочется сделать дело и не провалить его. Я решил, что до утра пакеты положу в кладовку, которую каждый из живущих в доме имеет в помещении гаража. Это было помещение-клетушка размером в один квадратный метр, с решетчатой дверью и замком в виде цепи, которую обычно автомобилисты ставят на руль автомашины. Если документы обнаружат, можно будет заявить, что подбросили.

После восьми утра я въехал во двор консульства и занес пакеты в резидентуру. Текущие дела в торгпредстве увлекли меня, и вызов в консульство прозвучал неожиданно. О досье я собирался доложить «Боссу» в конце рабочего дня. Конечно, я не должен был так поступать — ведь операция была не согласована, «Босс» был в этих вопросах весьма щепетилен.

В резидентуре меня ждал разъяренный «Босс»:

— Вы что себе позволяете? Откуда эти материалы? Где вы были вчера? С кем встречались? Почему я не в курсе дела?

Я как мог удовлетворил любопытство «Босса», который по существу был прав. Он немного успокоился, поняв, что ситуация с бюро требовала немедленного разрешения. Но когда «Босс» услышал от меня, что в свое время, когда активизировался «ФОК», Центр запретил мне встречаться с франко-канадцем «Клодом», он снова разгневался:

— Ваше счастье, что все обошлось и что ваш отъезд через считанные дни…

Материалы из бюро ушли в Центр обычным путем и получили положительную оценку, о чем я узнал уже в Москве.

Нового руководителя мы прозвали «Боссом» за глаза. Он в значительной степени оправдывал это свое прозвище. Нелюдимый, даже угрюмый, резкий в словах и поведении, он избрал главным аргументом своей правоты угрозу «Отправлю домой!»

Как-то один из нас сказал ему:

— Чем вы пугаете нас? Отправкой домой? Так ведь: до-мой, на Ро-ди-ну…

«Босс» оказался мстительным человеком и всем все припомнил. Он представил резиденту в Оттаве отрицательные характеристики практически на всех сотрудников монреальской «точки». Досталось и мне, но я в это время был уже в Москве. О характеристике «Босса» узнал много позднее, когда наш резидент Илья Николаевич приехал в отпуск в Москву. Получив мою характеристику из рук «Босса», Илья Николаевич переделал ее, как он говорил мне, «с точностью до наоборот…»

Подход

В Монреаль пришла весна. С безоблачным небом и глубокими тенями на рыхлом от теплых солнечных лучей снегу.

Джеффри настойчиво допытывался о точной дате нашего отъезда на родину. Отплытие на пароходе должно было состояться в мае. На это время были заказаны билеты.

Обстановка вокруг меня и семьи была беспокойной: замечено нарушение телефонной связи в квартире, однажды был услышан какой-то кодированный разговор, посторонние шумы… Необычной была и слежка. Ее действия стали менее скрытными — создавалось впечатление, что ее вели не кадровые сотрудники-специалисты по слежке. К жене, когда она с детьми гуляла на улице, неоднократно обращались посторонние, среди которых были и русского происхождения. Они навязчиво старались вступить в контакт, предлагали какую — то неопределенную помощь и настойчиво пытались всучить детям подарки.

Мы предполагали, что досрочный отъезд потребует от местной контрразведки ускорения разработки. «Общение» посторонних с женой говорило о том, что ее «приучают» к канадцам, которые в любой момент могут обратиться к ней — ведь общение с рядовыми канадцами наших из совколонии ограничивалось встречами с «аборигенами» в магазинах и на приемах.

Возможно, жену готовили к тому, чтобы «знакомый» канадец мог вступить с ней в контакт от моего имени и вызвать куда-либо.

Озадачивало поведение наружки — канадские контрразведчики пытались максимально сузить круг лиц, занятых советскими, то есть обходиться своими силами из числа сотрудников по работе против совколонии в Монреале.

Однажды к нам на квартиру явилась пара молодых людей. Они намеревались снять квартиру после отъезда русских. Молодой здоровяк и его подруга неожиданно перешли на русский язык и стали ругать Советский Союз, наши порядки, советских людей вообще. Они внимательно следили за нашей реакцией и явно подталкивали к скандалу. Только вызов управляющего домом прекратил провокацию.

С осложнением обстановки для действий канадской контрразведки было решено ускорить наше отплытие — первым рейсом парохода 29 апреля.

Числа десятого Джеффри узнал об этом и заметно разволновался, высказал сожаление, что приходится расставаться раньше времени.

— Толи, если вы окажетесь в Европе, дайте знать и я приеду на встречу с вами. Вы сможете подать мне весточку из России о времени и месте пребывания в Европе?

Я отделался общими заверениями.

Через день-другой Джеффри по телефону сообщил мне, что вынужден срочно выехать в командировку на западное побережье Канады в Ванкувер и очень сожалеет, что не сможет проводить меня на пароход. Похоже было, что таким образом Джеффри выводился из разработки.

Однако начиная с 20 апреля Джеффри стал регулярно звонить мне якобы из Ванкувера. Он справлялся о ходе моей подготовки к отъезду, уточнял, где я буду и в какое время. И делалось это под предлогом еще и еще раз перебросится словом с «русским другом». Звонил на работу, звонил домой…

Дня за четыре до отхода парохода я отправился в Оттаву. Нужно было выполнить в торгпредстве и посольстве необходимые в этих случаях формальности. Как обычно, за сорок восемь часов подал нотификации.

Хмурым пасмурным утром пешком прошел я от дома до монреальского вокзала. Там обратил внимание на странные действия следящих за мной: они буквально мозолили мне глаза своими белыми плащами. Не по сезону светлые, они резко контрастировали с одеждой других пассажиров. Чувствовалось — что-то затевается. На мгновение мелькнула мысль — может, не ехать? Но только на мгновение.

В вагоне поезда, напоминающего наши электрички, но комфортабельнее, находилось всего три человека. На Западе есть такое правило, правда, неписаное: не подсаживаться к посторонним, если есть свободные места в других отделениях вагона. Это характерно и для поезда, и для ресторана, кафе и так далее.

Когда я сел в вагон, в тамбурах появились те, в белых плащах. Это еще более насторожило меня. Поезд тронулся. Минут через пятнадцать в вагон вошел еще один человек. И хотя свободных мест было предостаточно, он сел напротив меня. Трое встали и удалились. «Белые плащи» маячили в тамбурах. В вагоне нас осталось двое.

Было ясно — это подход! Теперь нужно было занять правильную линию поведения: не насторожить и не вспугнуть. И хотя подход ожидался, пришло волнение. Сдерживать его не следовало, по крайней мере внешне, чрезмерное спокойствие могло насторожить незнакомца.

Передо мной сидел странный человек: франко-канадец, очень худой, длинный, узкоплечий и сутулый. На сплюснутом с боков

лице резко выделялся тонкий горбатый нос. Близко расположенные глаза словно вдавлены вглубь глазниц. Взгляд внимательный, несколько настороженный. На вид ему было лет сорок.

— Отвратительная погода, не правда ли? — сказал он, внимательно вглядываясь в мое лицо.

— Действительно, отвратительная, — подтвердил я, думая о его следующем шаге.

После небольшой паузы «Незнакомец» мягко сказал:

— А ведь у нас есть общие знакомые среди бизнесменов. Я немного знаю о вас по их рассказам, знаю много хорошего. Вы скоро уезжаете. Не мог бы я с вами побеседовать о, возможно, полезном для нас обоих деле?

— Кто вы и чем я могу быть вам полезен, какие у нас могут быть общие дела, если я вижу вас в первый раз? — удивился я.

— Не торопитесь, выслушайте меня, господин Максимов. Я руководитель подразделения КККП, занимающегося советской колонией в Монреале.

Обращаюсь к вам от имени канадского правительства…

Да, это был подход. Причем подготовленный. В голове мелькнула мысль: значит, сработало, Джеффри вывел на меня КККП. Внешне же пришлось изобразить возмущение. Я привстал, якобы пытаясь уйти. Главное теперь — взять нужный тон.

— Успокойтесь, господин Максимов. Поверьте, я ваш друг, — продолжал «Незнакомец» вкрадчиво, чуть коснувшись моего колена. — Наша беседа ни к чему вас не обязывает, только выслушайте, а решать будете сами. Так вот. Один наш общий друг сказал мне, вы не прочь пополнить свои денежные сбережения. Это естественное человеческое желание. Итак, у вас есть товар, а у меня — деньги. Но это не все. Если вы согласитесь поддерживать с нами контакты, я готов предоставить вам письменные гарантии высокопоставленных лиц канадского правительства.

Ай да Джеффри! «Друг» мой сработал на славу. Он убедил канадскую контрразведку о «больших денежных затруднениях», которые я испытывал. И видно было это по тому, как решительно действовал «Незнакомец». В его словах чувствовалась уверенность и нотки понимания проблем, стоящих передо мной, а в поведении — предельная корректность и доброжелательность, ярко выраженные расположение и внимание к собеседнику.

Главное — взять нужный тон и не показать особенной заинтересованности беседой. Внешне волнение не унимать. И я спросил:

— И какой же товар вы имеете в виду?

— Информацию, — как-то обезоруживающе по-детски, удивляясь моей непонятливости, ответил «Незнакомец». — Причем не военную и даже не экономическую. Просто рассказать о своих товарищах по работе в Канаде, их привычках и наклонностях, сильных и слабых сторонах характера, материальной обеспеченности, ну и прочие мелочи.

Я молчал. «Незнакомец» достал из бокового кармана длинный конверт, положил его на колени и открыл. Там лежала пачка новеньких, будто только что отпечатанных долларов:

— Здесь 2000, и вы можете получить этот пакет сейчас, если я смогу за него отчитаться перед своим начальством, естественно, вашей информацией.

— Как вы легко решаете человеческие судьбы! Сунули деньги и решили, что уже купили информацию, — возразил я, «волнуясь» и не унимая «естественную» дрожь в руках.

А тот продолжал:

— Я знаю, на вокзале в Оттаве вас будут встречать. Подумайте хорошенько, соберитесь с мыслями, ведь все равно уезжаете. Вознаграждение можно выплатить и в рублях. Размер его будет зависеть от количества и полноты информации.

— Почему вы решили подойти ко мне с таким предложением? Вы уверены, что я его приму? Ведь за передачу таких сведений снимают голову, а у людей она одна. Видимо, вы не подумали об этом, прежде чем сделать такое предложение? — распаляя себя, возразил я.

— Не торопитесь с выводами. Мы же предлагаем обсудить вопрос о вашей безопасности, о гарантиях. Я имею в виду министра иностранных дел Шарпа, премьер-министра провинции Квебек Бурасса, министров Пелетье или Шарбоно. Более того, может быть, вы хотите остаться в Канаде или США? Конечно, с семьей. Давайте встретимся дня через два или три, в полдень на вокзале в Монреале. Под часами, у касс. Хотел бы вас увидеть. Через три дня. И еще. Даже если мы не встретимся больше, я рад был с вами познакомиться. До свидания. — «Незнакомец» встал и вышел.

«Плащи» исчезли из тамбуров.

Смешанное чувство радости и тревоги охватило меня: задуманное — реализовано, КККП уверовали в легенду материальной заинтересованности и подошли. Но был ли это человек из КККП, а может быть, из ЦРУ? И все ли верно я сделал? Ведь наверняка беседа записывалась на магнитофон, а значит, ее будут анализировать.

От Оттавы до Монреаля миль сто двадцать, в тот же день я возвратился домой без каких-либо приключений.

Оставшиеся до отплытия дни я провел «в глубокой озабоченности и раздумье»: стал неразговорчивым на работе и дома, внешне выглядел невеселым, задумчивым. Каждый день заходил в знакомую таверну на полпути от работы к дому. Сидел там в одиночестве за кружкой пива и сосредоточенно думал. Позволил себе выходить в город по делам отъезда не в пиджаке, а в простой вязаной кофте. Однажды даже вышел на работу небритым. В общем, своим видом показывал, что-то меня гнетет.

Все это время слежка продолжалась. Меня сопровождали практически открыто. В действиях следящих было что-то такое, что говорило: только пожелай, подай знак, и мы предложим встречу. И опять это была не профессиональная слежка, которая не один год работала против меня, частенько психологически давя своим присутствием.

За день до отплытия, то есть в день встречи, назначенной «Незнакомцем» в поезде, Джеффри рано утром позвонил мне домой, а за час до встречи — на работу. Он «тревожился» о трудностях сборов, опять сожалел, что не может проводить лично на пароход, передавал привет моей жене, а между тем спрашивал о моих планах на этот, последний день.

Возле здания, где я работал, было весьма «оживленно». На обычно пустынных в будни прилегающих к торгпредству тротуарах «толпились» следящие, стояло несколько их автомашин.

Без четверти двенадцать я был дома. На встречу, конечно, не пошел. Ведь главным на этом этапе игры был тот факт, что КККП осуществило подход. Теперь было важным избежать с нашей стороны конкретных шагов, не дать вовлечь меня в «сотрудничество», пока я в Канаде.

На передачу канадской стороне конкретных сведений санкции я не имел, как и самих разработанных в Центре «сведений».

Через десять минут после полудня в квартире раздался телефонный звонок:

— Господин Максимов, я жду вас. Вы придете продолжить разговор?

— Поздно уже обсуждать что-либо. Да и о чем говорить-то…

— Напрасно вы не пришли. Но, надеюсь, вы никому не докладывали о нашей встрече в поезде? — с тревогой в голосе спросил «Незнакомец».

— Я не самоубийца.

«Незнакомец» как-то удовлетворенно хохотнул. Я бросил трубку и вздохнул тоже удовлетворенно.

Две недели плавания через океан позволили осмыслить

события последних дней и месяцев. Со всей очевидностью становилось ясным, что отъезд из Канады не обрубает те невидимые нити, которые уже в определенной степени «связали» меня со спецслужбой этой страны. Предложение в поезде не возвращаться на родину подытожило неоднократные попытки Джеффри подтолкнуть меня остаться жить в Канаде или США. Можно было предположить, что за спиной КККП стоят спецслужбы США. Ведь для них я был еще более нужным человеком, чем для канадцев.

Начиная с 1967 года, еще со времен «Экспо», и особенно в последний год канадская контрразведка исподволь, не торопясь плела паутину, на все лады испытывала меня, мою политическую устойчивость, на невозвращение, в материальном отношении… Наметив как «объект для разработки», они уже не выпускали меня из поля зрения.

Напрашивался вполне обоснованный вывод — появление меня за рубежом не останется незамеченным.

Глава 5
«Турнир» против «Золотой жилы»

«О награде — никому…»

С борта теплохода особенно остро чувствуется величие реки Святой Лаврентий. Огромный лайнер «Пушкин» кажется не столь значительным на ее глади.

Семья проводила дни на палубе, провожая глазами деревянные церквушки с высокими, острыми колокольнями, кресты которых виднелись издалека и еще долго поблескивали в лучах солнца, когда пароход уходил за очередной изгиб реки.

Устье реки было забито льдом. Я разбудил жену и старшего сынишку.

Зрелище было фантастическое: снежный покров без единой полыньи, зубья небольших айсбергов среди белого безмолвия, и все это в свете сильных прожекторов. Теплоход медленно двигался по ледяной пустыне.

На девятый день плавания подошли к берегам Туманного Альбиона, вошли в устье Темзы и, не доходя Лондона, встали на рейде вблизи городка Грейвсанд. Несколько часов мы провели на берегу среди старинных улиц с миниатюрной крепостью и признаками архитектурных стилей былых веков.

Следующая остановка была в Гавре, типичном французском портовом городе с обилием разномастных судов и парусных лодок. Здесь нас порадовало солнце.

По заведенной традиции теплоход «Пушкин» приходил в западногерманский порт Бременхавен всегда в один и тот же день — 9 мая, в праздник Великой Победы.

Медленно маневрируя, теплоход подошел к причалу, на котором его уже поджидали местные официальные власти: группа лиц из порта, подтянутые полицейские чины, таможенные чиновники в темно-зеленой форме с тощими портфелями в руках.

В порту теплоход принял на борт большую группу немецких туристов, которые нарушили спокойный ритм жизни: они были шумливы, много пили пива и пели бесконечные песни, походившие на марши, частенько приплясывая и хлопая в ладоши.

В море дул сильный ветер, но ярко светило солнце. В полдень в небе появились реактивные истребители с крестами западногерманских ВВС, которые стали облетывать теплоход, проносясь на малой высоте над мачтами и вдоль бортов. Летчики улыбались пассажирам, покачивая крыльями. Истребители отрабатывали тактику воздушной атаки на теплоход: заход с противозенитным маневром, прицельное пикирование и уход в сторону моря. Мне это было хорошо знакомо еще со службы на

флоте, когда я был дублером командира группы зенитных автоматов на крейсере «Орджоникидзе».

Действия истребителей вызвали бурю восторга у немецких туристов. После обильно выпитого пива и водки они носились с борта на борт, восхищаясь хулиганскими выходками «асов» германского люфтваффе. Шла холодная война. Тактика запугивания и угроз становилась нормой во взаимоотношениях политиков, а значит и военных.

Минут через двадцать я обратил внимание на три бугорка на горизонте.

— Кажется, нас атакуют торпедные катера…

— Откуда они здесь и зачем? — спросил один из пассажиров-земляков.

Через несколько минут мы увидели, как торпедные катера устремились к теплоходу. Я комментировал их действия:

— Выходят на боевой курс. Когда мы сможем рассмотреть их кормовой флаг, они произведут условный выстрел торпедами и отвернут.

Так и случилось: на расстоянии около километра катера резко отвернули в сторону, красиво выполнили маневр по уходу из-под «обстрела» условного противника, каким они считали нас.

Еще через несколько минут катера подошли к борту теплохода, и немецкие туристы стали шумно приветствовать моряков, перебрасываясь шутками, пивом и жвачкой.

Позднее, когда капитан традиционно пригласил Нину и меня на обед за свой стол, я узнал, что практика «атак» с воздуха и моря в этом районе нейтральных вод вблизи ФРГ была обычным явлением. В вахтенном журнале теплохода о происшествии делалась запись, на основании которой в наш МИД передавалась очередная справка «о провокационных действиях западногерманских ВВС и ВМС в отношении мирного советского теплохода».

Прибыв на четырнадцатый день плавания в Ленинград, мы сразу уехали в Москву, где нас ждала новая квартира в кооперативном доме в уютном глухом переулке зеленой окраины Москвы. За квартиру мы внесли первичный взнос в 40 процентов. На это ушла большая часть накоплений в сберкассе, появившихся за время работы в Канаде.

Мне дали неделю на обустройство, а затем дней десять я отчитывался по «Турниру» и за работу по линии НТР в Канаде. Прямой мой начальник информационную работу оценил вполне положительно, а вот в оперативном отношении — слабо. Я не завербовал ни одного канадца. Но не мог же я сказать ему, что мною было сделано все, чтобы не продолжать работу с моими

связями. Я сам расписал в оперативном письме каждого из них как бесперспективного. Таково было требование операции «Турнир».

Многочасовые беседы по «Турниру», наоборот, носили положительный характер. Мои действия по привлечению к себе внимания канадской контрразведки были оценены как профессионально грамотными. Беседовать приходилось на разных уровнях: от начальника направления в управлении внешней контрразведки до начальника разведки. В это время я встретил, причем через тринадцать лет, своего бывшего начальника особого отдела Северного флота, теперь уже вице-адмирала Усатова Михаила Андреевича, который стал заместителем начальника разведки.

Адмирал вручил мне почетную грамоту, подписанную председателем КГБ Юрием Владимировичем Андроповым.

— Анатолий, — сразу перешел на «ты» адмирал, — о грамоте не говори никому. Ты награждаешься за «Турнир», но приказ подписан только для тебя. Нужно скрыть факт особого отношения к тебе руководства разведки. А пока поздравляю и прошу думать о развитии операции в будущем.

Пролетело лето, отпуск закончился, а я все еще не имел конкретных предложений о дальнейшей работе. В двадцатых числах августа у меня истекал трехмесячный срок нахождения в резерве, после чего мне могли не платить должностной оклад, а выплачивать деньги только «за звездочки» капитана 3-го ранга.

Упрекая в душе кадровиков, коллег из НТР и контрразведки, я вынужден был обратиться к начальнику НТР генералу Липатову. Позвонил ему и попросил принять для личной беседы.

— Михаил Иванович, — начал я, — не у дел оказался, без должности.

— И это ты называешь «личным вопросом»? Разведчик оказался в роли просителя работы… Вот что, альтруист от разведки, твой вопрос давно согласован: пойдешь в Минвнешторг, снова в свое объединение. Это для «Турнира» будет полезно?

— Конечно, именно там легче всего создать нужные условия. Ведь основная, линия в работе с канадцами материальная. С позиции объединения, где у меня много хороших знакомых, легче организовать встречи с канадской спецслужбой.

— Приказ будет. И еще: не обижайся, но чтобы не привлечь к тебе внимание твоих коллег по НТР, звание тебе задержим Но в мае, к Дню Победы, ты его получишь. Как бы на общих основаниях.

Через три дня я был в хорошо знакомом «Теххимимпорте», где все мне напоминало активную оперативную работу.

Снова моим прикрытием для канадцев была работа по Внешторгу, а для моих коллег по разведке — работа по НТР. И хотя начальник НТР и руководство разведки по линии «Турнира» рекомендовало мне считать главной задачей эту операцию, я не мог отсиживаться без дела по линии НТР — это было бы не только подозрительно, но и противоречило моим принципам не работать в полсилы. Кроме того, работа по линии НТР увлекала меня и захватывала до последней жилочки.

Мой профессиональный опыт обогатился и по линии НТР, и по линии Внешторга, а отсюда мое огромное желание принять участие во «взломе» строгого эмбарго пресловутого КОКОМ. Профессионал не имеет право упускать возможности в разведывательной работе, иначе он потеряет профессионализм.

Конец семьдесят второго года ушел на вхождение в круг вопросов по линии Внешторга, восстановление контактов с оперативными связями за рубежом. Снова стал встречаться с японцами, с которыми активно работал до отъезда в Канаду.

В это время я много думал об организации разведывательной работы с позиции Внешторга, приводя в порядок свои мысли.

Так начался мой последний период под «крышей» Внешторга.

Объект разработки

Естественно, КККП хотелось знать, где оказался их «объект разработки» после возвращения в Союз, чем он занят, его планы на будущее, в частности, по выезду за рубеж.

Через два месяца после отъезда из Канады Джеффри написал на мой московский адрес письмо. В том, что я дал адрес Джеффри, не было ничего удивительного — адрес фигурировал в анкете для получения визы при въезде в Канаду. Теперь по нему проживал мой родственник.

В письме Джеффри сообщал, что «в качестве генерального председателя он чрезмерно занят подготовкой международной технической конференции, организуемой Обществом инженеров пластмассовой промышленности». Конференция должна состояться весной следующего года в Монреале. Джеффри просил содействия в налаживании контактов с советскими организациями, которые могли быть приглашены на конференцию.

Письмо было составлено по всем правилам переписки деловых людей. Его же основной смысл для канадской контрразведки заключался в последней фразе: «…если случится так, что вы в ближайшее время посетите страны западного блока, будьте столь любезны дать мне знать и предоставить возможность встретиться с вами снова».

На бланке общества был приписан адрес конторы Джеффри на Метрополитен-бульваре в северной части Монреаля. Только позднее совпадение района расположения этой конторы и кубинского торгпредства навело на зловещее предположение.

В августе в адрес моей бывшей квартиры последовало еще одно письмо, но уже на бланке фирмы «Импрувд машинери инк», изготавливающей оборудование для переработки пластмасс. Адрес фирмы был опять припечатан, и по бланку было ясно, что Джеффри обосновался на этой фирме в качестве управляющего в регионе.

В письме Джеффри представлял мне двух якобы наших общих знакомых — Боба и Иллому Хендерсенов. Эта пара должна была посетить Союз по туру, организованному географическим клубом Канады. Их приезд в Москву ожидался в первых числах октября. Джеффри писал, что Боб и Иллома «горят желанием» повидаться со мной и моей женой.

Кто они такие, припомнить я не смог. Некоторый свет проливала приписка о том, что эта пара большие друзья «хорошо известного» мне Джима Годберга. Да, да, того самого Годберга, с

которым мы встречались еще во время «Экспо-67» на его даче у озера Джорджвилл на границе с США. И снова в письме: «…Когда вы предполагаете опять побывать в Западном блоке? Надеюсь услышать об этом в недалеком будущем».

После окончания отпуска, в начале сентября я ответил на оба письма сразу. Однако послал по официальному каналу и на бланке своего объединения в Минвнешторге. А так как это было обстоятельное пожелание по существу затронутых в письмах деловых вопросов, пассажам об «общих знакомых» в ответе места не нашлось.

Согласно писаным законам Минвнешторга, частная переписка по официальным каналам категорически запрещалась, а личная с иностранцами — наказывалась отстранением от работы. Кроме того, личная переписка с большой долей вероятности попадала под перлюстрацию. Таковы были правила игры в нашей стране в то время. Работая с канадцами, я должен был учитывать их осведомленность в наших правилах, а значит, тщательно соблюдать. Именно на таких «мелочах» можно было поскользнуться в нашей игре.

Случай с засылкой в мой адрес на дом письма следовало рассматривать не только как попытку установления моего местожительства и работы, но и как проверку на особую «привилегию» в переписке с Западом, которую могло дать только КГБ.

Ответ Джеффри не заставил себя ждать. На бланке ежегодной конференции упомянутого общества генеральный председатель Джеффри Вильямс благодарил «своего русского друга» за вклад в дело организации конференции и выражал надежду увидеть его самого на ее открытии в мае 1973 года. Одновременно Джеффри сообщал, что днями в Союз выезжает для участия в товарищеских встречах канадская хоккейная команда. В составе ее в Москву прибудет некий его друг Питер Стефен. Его статус в команде не объяснялся. Джеффри выражал надежду, что встреча с этой личностью доставит мне «большое удовольствие». Он просил помочь Стефену и вновь не объяснял, в чем эта помощь будет заключаться.

В поднятой во Втором главке анкете Питер Стефен был представлен следующим образом: 1936 года рождения, уроженец города Гамильтон провинции Онтарио, канадский гражданин, по образованию — инженер-механик, управляющий по продаже фирмы «Дансон кор» под Торонто. Ехал он по туристической визе в составе команды для встреч между хоккеистами Канады и СССР. С фотографии смотрел приятного вида улыбающийся человек.

Стефен позвонил мне на работу. Не отклоняясь от принятого

в деловом мире тона, я спросил его, какую организацию он представляет и готов ли он к переговорам? Немного замявшись, Стефен ответил, что он приехал со сборной канадской командой.

— Так вы еще и хоккеист? — спросил я его.

— Нет, нет, — засмеялся он. — Я в административной группе команды.

От встречи в городе, которую он просил, я уклонился. Со своей стороны предложил провести переговоры в здании министерства. Он обещал позвонить.

Конечно, было несколько странным, что инженер-механик оказался в административной группе команды, но ведь это была любительская сборная.

Возможно, Боб и Иллома пытались связаться со мной, но не застали — мне много приходилось работать и вне здания Минвнешторга. А вот физическое присутствие меня на этой работе и ее точное место выяснил Стефен.

Предполагалось, что вызов на встречу в город со стороны Стефена мог быть проверкой. На встречу я мог прийти один, а это прямое нарушение правил встреч с иностранцами, которое гласило: встречаться только вдвоем с разрешения руководства. Но даже приход на встречу вдвоем означал, что кто-то санкционировал ее без достаточного обоснования деловой необходимости. Вот тогда у канадской контрразведки и возник бы вопрос: кто стоит за моей спиной?

Такого удовольствия мы канадцам доставить не имели права, и не доставили.

Всей этой перепиской и звонками Джеффри оказал канадской контрразведке еще раз услугу, выведя ее снова на «объект разработки».

Почти сразу после возвращения с Канадской национальной ярмарки на мое имя от Джеффри пришло письмо. Как обычно, оно было деловое. В то же время он писал, что в конце сентября в Москве с канадской тургруппой побывают его мать с сестрой. Возможно, они позвонят мне, чтобы передать привет. И снова высказывалось пожелание встретиться, например, в Европе, если я туда поеду. Ответ был дан по официальной линии.

В начале декабря в адрес моей работы в министерстве от Джеффри снова пришло письмо. Он направлял мне вырезку из монреальской газеты, в которой говорилось об удачной сделке советской стороны с итальянской фирмой «Монсанто». А в конце письма — традиционная приписка: «…Путешествуете ли вы, где бываете, сообщите». Однако на бланке стоял уже другой адрес — на Метрополитен-бульвар.

Еще в начале 1972 года мне показалось странным, что

Джеффри снял для нескольких представляемых им фирм помещение в столь неудобном для деловых контор районе города. Место было непрестижное, а фирмы, в которых Джеффри подвизался управляющим, — достаточно солидные.

Незадолго до окончательного возвращения из Канады я побывал в этой конторе Джеффри. Тогда я обратил внимание, что ее окна располагались напротив помещения кубинского торгпредства. Их отделяло менее пятнадцати метров. А через некоторое время взрыв в торгпредстве Кубы оборвал жизнь двух его сотрудников. Случай со взрывом Джеффри обошел молчанием, хотя обычно обсуждал со мной и менее значительные события.

Видимо, забегая вперед, следует рассказать подробнее об этом террористическом акте.

В июньском номере за 1974 год канадского журнала «Маклинз» была помещена статья двух журналистов под названием «Как ЦРУ мистифицируют нас». Она начиналась с изложения трагических событий в Монреале в апреле 1972 года: взрыв бомбы в помещении торгового представительства Кубы.

По окончании разбирательства министерство иностранных дел Канады выступило с заявлением, в котором указывалось, что эта акция была совершена антикубинской организацией «Молодая Куба». Она якобы считала кубинское торгпредство в Монреале центром деятельности кубинской разведки как в самой Канаде, так и в США.

Однако расследование, которое провели авторы статьи, привело к иным результатам: акция против кубинской торговой миссии была совершена ЦРУ с целью получения секретных документов, хранящихся там. Авторы также выяснили, что КККП помогало ЦРУ в проведении этой и подобных операций на территории Канады.

Они сообщили, что раз в неделю из штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли направляется очередная партия разведывательной информации в Канаду. Представители канадских разведывательных органов с помощью работников резидентуры ЦРУ в Оттаве изучают и реализуют эти материалы.

Журналисты приводили данные, что связь КККП с ЦРУ осуществляется в области военной разведки и проведения тайных операций. Подчеркивалось, что ЦРУ на территории Канады могло действовать и самостоятельно, не ставя в известность канадские спецслужбы. По этому поводу бывший сотрудник Агентства национальной безопасности США Пек Уинслоу сказал: «Американское разведывательное сообщество и военная разведка считают Канаду не чем иным, как продолжением США в северном

направлении».

А что, если контора Джеффри Вильямса не случайно оказалась рядом с кубинским торгпредством незадолго до взрыва? В момент взрыва Джеффри находился якобы в Ванкувере. Алиби? Не отводили ли от него подозрение в связи с реализацией акции ЦРУ против кубинцев?

Логика подсказывает, что в момент моего отъезда из Канады присутствие Джеффри было необходимо для завершения работы со мной на данном этапе. Значит, были какие-то очень важные причины в ответственный момент работы со мной вывести Джеффри за пределы Монреаля. Алиби в «кубинском деле» перевесило необходимость быть в Монреале во время нашего отъезда.

В узком кругу профессиональных разведчиков всего мира хорошо известна американская фирма «Рэнд корпорейшн». Именно она подвизалась в качестве главного консультанта по стратегии ЦРУ. Ее многочисленные филиалы во всем мире далеко не так безобидны, как выглядят на страницах проспектов и в лице обладателей визитных карточек ее сотрудников.

В Канаде эта фирма известна как «Канадиен интер-солрэнд компани лимитед». Ей подчинены, с частности, филиалы «Импрувд машинери инк» и «Импко-Негри боззи». Не служили ли обе эти фирмы для Джеффри прикрытием, от имени которых он выступал управляющим? Ведь прикрываясь ими, Джеффри в течение ряда лет сотрудничал с КККП, а значит и с ЦРУ. Он изучал попадавших в его поле зрения советских людей и граждан социалистических стран, прибывших в Канаду.

Не случайно же и Дэнтермонт и Клифф неоднократно поднимали в беседах со мной вопрос о целесообразности моей работы на американскую разведку.

Вот откуда большая вероятность, что нити трагического взрыва в кубинской торговой миссии вели и в контору Джеффри Вильямса на Метрополитен-бульваре Монреаля, где незадолго до событий он снял помещение в расположенном напротив доме, а по завершении акции сменил адрес этого прикрытия.

В 1974 году попытки привлечь внимание спецслужб Канады, США и Англии к моим выездам в Европу не увенчались успехом. Направленное весной того года из одной европейской страны в адрес Клиффа условное послание осталось без ответа. Как выяснилось позднее, Клифф якобы отсутствовал в городе в момент прихода сигнала, а когда получил его, то выезжать было поздно.

Вернее всего, КККП хотело убедиться в серьезности намерений с моей стороны, и условный сигнал — вызов на

встречу из Европы позволил им уверовать в мое согласие «сотрудничать». Ехать же на встречу по вызову Клиффу было не с чем — документы готовы не были.

Таким образом, в концу 1974 года в игре наметилась тревожная пауза.

Торг здесь уместен

Весной семьдесят третьего года я побывал в одной из европейских стран в надежде, что канадская контрразведка, ЦРУ, а может быть, и СИС выйдут на меня снова.

Надежды не оправдались. Видимо, обмен информацией о появлении советского гражданина, «интересного» в оперативном отношении, в капиталистических странах-союзницах по НАТО в то время еще не был достаточно эффективным. Или КККП не хотела рисковать в разработке русского, а может быть, она не была готова к встрече со мной.

Поэтому было принято решение мне выехать в краткосрочную командировку на Канадскую национальную ярмарку, где наша страна была представлена павильоном советской печати и полиграфии.

Прикрытием была избрана должность заместителя директора павильона, которая позволяла в оперативном отношении иметь необходимую свободу действий.

Порядки для советских стендистов и сотрудников павильона были весьма строгие: о каждой отлучке из павильона нужно было докладывать, в город выходить не менее чем по два человека, поздно в гостиницу не возвращаться. Мне было проще в этом отношении не только потому, что я был из руководства, но и потому, что директору павильона я был представлен как сотрудник органов.

Но главное, нужно было думать о впечатлении, которое я произвожу на фоне инструкций о поведении советских за рубежом на канадскую контрразведку. Представлялось, что мои одиночные визиты в город могут быть достаточно хорошо обоснованны моей предыдущей работой в этой стране в торгпредстве. Но к вопросу о моей свободе передвижения я должен был готовиться.

Для канадцев отлично организованная на живописном берегу озера Онтарио ярмарка в Торонто носила и познавательный характер, и имела символическое значение при проводах лета. По многолетней традиции ярмарка завершалась в воскресенье всенародным гулянием и красочным фейерверком. А в первый понедельник сентября, вместе с началом «индейского лета», начинались трудовые будни.

В двадцатых числах августа я приехал в Торонто. Ожидалось, что канадская спецслужба незамедлительно воспользуется такой возможностью, чтобы подойти ко мне. Была отработана линия поведения, подготовлена информация, с передачей которой

рекомендовалось не спешить.

Анализируя в Центре сложившуюся обстановку, мы пришли к выводу, что канадцы получили достаточно сведений о моем пристрастии к деньгам. Теперь предстояло вести линию на беспокойство за мою безопасность в случае, если я решусь работать со спецслужбой.

Безопасность… Это в первую очередь конспиративность действий канадской контрразведки в организации со мной связи. Нужно было навязать согласие с их стороны на право мне самому принимать решение по выбору места и времени встреч. Главное же — гарантии на самом высоком уровне, особенно на случай провала.

Когда речь шла об этой части легенды, в Центре вначале остановились на гарантиях уровня руководства КККП, но потом, с целью придания серьезности намерениям «вербуемого», решили не мелочиться: документальные гарантии должны быть от имени главы правительства страны на случай ухода в Канаду.

Стратегия была определена, кое-что и из тактики продумано, но конкретика в деталях… Особенно, когда возникнут неожиданные ситуации и вопросы со стороны канадцев. Это тревожило.

Бессонными ночами много раз вспоминал я подход в поезде, разговор с контрразведчиком и обдумывал «экспромты». Исходил из простейшей истины, что лучший экспромт тот, что заранее подготовлен.

После длительных дискуссий мы остановились на роли человека недоверчивого, настороженного, даже подозрительного, а временами амбициозно непоследовательного в поступках и требованиях. Конечно, такую роль нужно было не играть, а жить ею.

Правило подобных игр гласило: «Блефовать только тогда, когда уже нельзя не блефовать». Вот и пришлось мне взять на вооружение когда-то присущие мне черточки настороженности и элементики амбициозной настойчивости, граничащей с настырностью.

Всю жизнь я боролся с их присутствием в моем характере, а теперь эти черты могли стать инструментом в решении оперативной задачи, ценой которой был труд моих коллег и мое доброе профессиональное имя.

…На подобной ярмарке я был не единожды. Однако нынче нужно было выяснить конкретную обстановку, создать «благоприятные условия» для подхода канадцев и в этот раз.

Я не торопил события. В первые дни, как и все, держался в группе сотрудников павильона. Вместе ходили обедать, в другие

павильоны.

В один из первых дней ко мне обратился корреспондент местной газеты, затем появилась статья, в которой в доброжелательном тоне говорилось о советской экспозиции. Корреспондент еще несколько раз появлялся в павильоне, беседовал со мной, советовался. Что-либо подозрительного во время бесед я не заметил.

Ежедневно приходилось разговаривать с десятками посетителей. Наиболее острые беседы возникали при встречах с эмигрантами из русских и украинцев. В общем, шла текущая работа, свойственная выставкам. Провел я несколько встреч в городе с живущими в Торонто знакомыми коммерсантами, которых знал еще по работе в Канаде.

Знакомясь с павильоном транспорта, я обратил внимание на экспонат из военной области — ракету типа «воздух-воздух». Познакомиться поближе с фирмой, выставившей экспонат, я пошел на третий день пребывания в Торонто.

В обеденный перерыв при подходе к павильону обратил внимание на двух людей, которые усиленно маскировались в толпе, чем, собственно, и выделялись. Использовав задержку у киоска с мороженым, убедился, что это так и есть.

Войдя в павильон, остановился у интересующего меня стенда и почти сразу же услышал:

— Здравствуйте, господин Максимов. Я обернулся — незнакомец из поезда.

— Здравствуйте, господин Инкогнито…

— Почему «Инкогнито»? — спросил он весело, уводя меня от стенда. — Я ведь вам тогда, в поезде, представился. Впрочем, понимаю. Вот мое удостоверение.

Это было закатанное в пластик удостоверение сотрудника КККП. Светло-голубого цвета, размером 7 на 10 сантиметров. На лицевой стороне вверху была напечатана на машинке фамилия: Ф. Ф. Дэнтермонт — сотрудник КККП. Чуть ниже — его цветная фотография. Правее приводились сведения о росте, весе, цвете волос, указывалась дата рождения — день, месяц, год. Должность не указывалась. На этой же стороне — герб Канады. На обратной приводились выдержки из канадских законов, определяющих деятельность этой службы, и дата выдачи документа: 28 ноября 1972 года.

Дэнтермонт повторил мне вкратце все то, что говорилось в поезде, причем начал с денег, это был подходящий момент, и я «взорвался»:

— Вас волнует только одно: как всучить мне деньги и получить за них сведения. А человек, его судьба, голова, наконец,

жизнь… Будущее его семьи, детей… — Я не давал ему вставить хотя бы слово, проявляя «крайнее возбуждение и возмущение таким деляческим подходом». От «волнения» я даже «не заметил», что мороженое в моей руке стало таять, капать на пол. Но видел и то, что Дэнтермонт явно обескуражен таким поворотом дела, ищет возможности оправдаться.

Наконец, он обратил внимание на мороженое и предложил свой платок, вставив тем временем свою реплику.

— Вы не правы, господин Максимов! — воскликнул он умоляющим тоном. — Нас очень заботит ваша безопасность. Согласитесь работать с нами, и вам будут предоставлены гарантии. А может быть, вы хотите остаться в Канаде? Только пожелайте…

— Остаться? Чтобы известись от тоски? Сколько людей оставалось, а потом возвращалось, даже под угрозой серьезного наказания…

Мы с Дэнтермонтом вышли из павильона через заднюю дверь и теперь прохаживались по тихой аллее. Вокруг, шагах в двадцати-тридцати, бесцельно бродили какие-то личности, видимо, сотрудники Дэнтермонта, которые обеспечивали операцию.

Один из них направился к нам, приблизившись, начал скрытую съемку из закамуфлированного в сумке киноаппарата. Я ясно видел открывшийся зрачок объектива. Снимавший прошел мимо. Случай этот был хорошим предлогом для создания вокруг Дэнтермонта нервозной обстановки:

— Вы вот разглагольствуете о безопасности, а вон сколько ваших сотрудников вертится вокруг нас. И все, конечно, знают обо мне. Один из них только что снимал нас на кинопленку. Значит, уже с десяток людей знают о встрече вас с русским. Какая уж тут безопасность?

— Нет, нет, о вас никто не знает, два-три самых необходимых человека в КККП, все — высшие чины. А эти люди вокруг нас — вспомогательный состав. Они не знают, откуда вы и характера нашей беседы, — оправдывался Дэнтермонт. — А насчет киносъемки? Я здесь ни при чем. Может быть, без моего ведома кто-то приказал?

Тут уж я дал волю своему «негодованию»:

— Так вы еще и не знаете, что делается в вашей конторе? Как же можно с вами говорить о чем-либо серьезном? Безопасность…

Дэнтермонт быстро нашелся и прервал меня:

— Ваша безопасность для нас превыше всего. И гарантии ее будут. Какие ваши предложения на этот счет? Мне даны инструкции выслушать вас.

Беседа начинала принимать довольно конкретные формы. Ссылаясь на долгое отсутствие в советском павильоне, я прервал Дэнтермонта и предложил встретиться на следующий день в городе, например, в вестибюле дорогой гостиницы «Фор сизонз Шератон». В свою очередь, Дэнтермонт предложил провести встречу в номере гостиницы, где обстановка способствовала бы обстоятельной беседе.

«Обстоятельная» беседа меня вовсе не устраивала, и я отказался, ссылаясь на то, что в «специально подготовленных» местах я буду в руках ККГП совсем беспомощным. А вот на улице, в ресторане и других общественных местах я — гость Канады. Под этим же предлогом отказался и от проведения встречи в автомашине.

Уходя со встречи, я предупредил Дэнтермонта, на всякий случай, что мы якобы только что познакомились и беседовали об оборудовании для переработки пластмасс.

Радостное чувство охватило меня и на сей раз — свершилось, как задумывали. Но тревога не могла не появиться — слишком гладко все шло.

Навязанная канадцам игра начинала приобретать видимые реальные контуры. Сотню раз я мысленно восстанавливал беседу с канадским контрразведчиком, готовясь к очередной встрече.

К этому моменту я уже уверовал в огромную пользу прогнозирования своих действий вплоть до мелочей. Так это было в отношениях с Джеффри, помогло во время подхода в поезде, сработало и сейчас.

…Как-то я вычитал о писателе: «Чувствуется, что он знает об изложенном в книге больше, чем представил на суд людей». Позднее я заметил подобную закономерность и у художников. Вывод — в любой профессии должен быть запас недосказанности.

Заготовок «экспромтов» в беседах с канадскими контрразведчиками следовало иметь больше, чем потребуется для одной из них. На это и уходили бессонные ночи. Отдал дань «экспромтам» я и в эту ночь, как мне казалось, перед решающей встречей.

Минут за десять до назначенного времени я пришел в гостиницу. Было похоже, что люди Дэнтермонта уже поджидали меня: один из стоящих в вестибюле стремглав исчез. Из бокового коридора показался Дэнтермонт.

Продолжая поведение чрезвычайно осторожного и подозрительного человека, который весьма болезненно реагирует на вопросы безопасности, я не вступил с ним в контакт в вестибюле, а вышел на улицу и направился в сторону заранее облюбованного ресторанчика. Дэнтермонт следовал за мной по

пятам шагах в десяти. На перекрестке у светофора он попытался заговорить, но я не реагировал.

Подходя к дверям ресторана, я замедлил движение, Дэнтермонт понял меня, и в здание мы вошли одновременно. В зале было безлюдно. Столик заняли в углу, причем я посадил Дэнтермонта спиной к выходу. Какая-то личность заглянула в зал, поискала глазами Дэнтермонта и скрылась.

Он был предельно обходителен, заказал закуски и вино. Разговор начал я с претензий, заявив, что опять «толпа» людей службы маячила в гостинице. Дэнтермонту пришлось снова оправдываться, объясняя, что кто-то должен же был зафиксировать мой приход в гостиницу. Затем он спросил об условиях, которые я хотел бы иметь при работе с КККП.

— Безопасность и гарантии на самом высоком уровне. Политические и финансовые. Если случится провал, я должен иметь гарантии получить убежище в Канаде…

— И тогда вы будете работать с нами?

— Да, если пойму, что вы серьезны в своих намерениях обеспечить мою безопасность.

— Что конкретно для этой цели вы хотите? — спросил Дэнтермонт, внимательно наблюдая за мной.

— Гарантийное письмо о канадском гражданстве за подписью премьер-министра Трюдо. (На лице Дэнтермонта отразилось более чем удивление.) Канадское свидетельство о рождении, канадский паспорт, открытие счетов в канадском и швейцарском банках, соответственно 10 и 60 тысяч долларов. Кредитную карточку типа «Американ экспресс». Встречи только за рубежом. И не пытайтесь искать меня в России, а то еще завалите.

— От имени Трюдо? Очень трудно, даже невозможно. А почему 10 и 60 тысяч?

— 60 — это гарантийная сумма на пять лет вперед, из расчета 1000 долларов за месяц. А 10 тысяч в Канаде — на случай экстренного выезда в вашу страну, так сказать, на первый момент. И еще. На каждую встречу привозить 5000 долларов.

— На мой взгляд, все вполне обоснованно, но я должен доложить. На следующей встрече мы поговорим подробнее. А теперь об информации, — поинтересовался Дэнтермонт.

Для меня это был повод проводить свою линию:

— А гарантии? Кто из нас больше рискует? Вы ведь в поезде сами говорили, что «у меня товар, а у вас — деньги». Я же прошу против своего «товара» ваши «деньги и гарантии». Вот и получается, что с вашей стороны только одни разговоры об информации, а забот о гарантиях никаких. Как вы собираетесь реализовывать информацию? Вот ведь где кроется главная

опасность. Именно здесь вы со своей слабой организацией провалите меня…

— Хорошо, первый шаг сделаем мы. Я познакомлю вас со своим шефом. Это руководитель отдела КККП в главной штаб-квартире Билл Клифф. Где вы предлагаете встретиться? Может быть, доверитесь мне? Например, в гостинице…

Сделав протестующий жест, я назначил встречу через два дня в полдень в ресторане на берегу озера, вдали от выставочного комплекса.

Знакомство с «шефом» состоялось на старом пароходе, превращенном в плавучий ресторан «Харбор Боут». Клифф оказался добродушным, обаятельным и остроумным сорокалетним человеком. Выше среднего роста, круглолицый, немного лысеющий со лба, с голубыми, прямо-таки невинными глазами. И по внешнему виду и по поведению — прямая противоположность Дэнтермонту.

Встретил он меня радостно, как старого приятеля. Предъявил удостоверение КККП;

— Мне известно, что вы проявляете особое беспокойство о своей безопасности. Наши службы работают так, что какая бы то ни было утечка сведений о наших контактах исключена. Более того, мы согласны, чтобы вы сами отбирали для нас информацию. И это понятно, к вашим опасениям мы относимся очень внимательно…

Клифф положил передо мной визитную карточку с именем Майкла Дзюбы, сотрудника фирмы «Дангарвин компани лтд».

— Это ваша визитная карточка, — сказал он. — На это имя вам будет выписан канадский паспорт и открыты требуемые вами суммы на счетах в банках Канады и Швейцарии.

— А где же гарантийное письмо от канадского правительства? — встревожился я. — Это же главное в гарантиях безопасности!

— Письмо за столь короткий срок получить трудно — пояснил Клифф. — Мы хотим сузить круг лиц, как вы и просили. Поэтому нужно некоторое время для организации встречи с высокопоставленными людьми. Мы будем готовить и письмо, и паспорт, и другие документы одновременно. К следующей встрече все приготовим. Ведь вы же собираетесь выехать за рубеж снова?

— А почему имя «Дзюба»?

— Это из-за вашего славянского акцента. В Канаде много украинцев.

Клифф достал огромные, чуть ли не в квадратный метр листы и объяснил, что для подготовки свидетельства о рождении,

паспорта, банковских счетов для канадских властей необходимо заполнить специальные заявочные бланки, причем на свое новое имя — Дзюба.

Я обратил внимание, что все графы уже заполнены, даже фотография вклеена. И все это на имя Майкла Дзюбы. Демонстрируя осторожность и предусмотрительность, не прикасаясь к бумагам, я тщательно прочитал их. Клифф попросил подписать бумаги, но уже новой подписью. Дал возможность потренироваться — я поводил в воздухе пером.

Чтобы не забыть подпись, Клифф посоветовал поставить ее на обратной стороне визитки с именем Дзюбы. Когда я подписал, Клифф и Дэнтермонт облегченно вздохнули и предложили тост за начало дела.

Затем Клифф сказал:

— Если вы хотите, мы можем познакомить вас с американцами или английской спецслужбой — ЦРУ или СИС, которые также готовы продолжить с вами сотрудничество.

— Значит, с ними вы тоже переговорили обо мне? — «возмутился» я. — Значит, мало того, что в Канаде человек пятнадцать знают обо мне, еще и ЦРУ, и СИС тоже в курсе…

— Вовсе нет, — мягко возразил Клифф. — Просто эти службы лучше знают обстановку в других странах, условия работы там, имеют лучшие финансовые возможности, то есть могут быть тоже полезны вам. Вы настаиваете на работе с нами. Но и мы этого тоже хотим. И не беспокойтесь о безопасности — она и в других странах будет нами обеспечена.

Клифф немного помолчал, как бы сосредотачиваясь с мыслями, и продолжил:

— Теперь о связи с нами. Вы часто выезжаете в другие страны. На вашей новой визитной карточке имеется условный телефон. Диспетчер по нему дежурит круглые сутки. Вы можете звонить из любой страны, и я вас найду. В случае же провала обращайтесь к первому секретарю любого канадского посольства и назовите мою фамилию. В этом случае вы будете взяты под защиту Канады и вам немедленно доставят туда канадский паспорт.

— Но первых секретарей может быть несколько, — заметил я.

— Это не имеет значения. Главное — к любому первому секретарю, но именно к первому.

Клифф дал мне условный текст для связи с ним, который попросил не записывать, а запомнить. И просительно добавил:

— Быть может, теперь поговорим об информации? Уже сейчас я готов передать вам круглую сумму. Вот она, в конверте. Только дайте мне возможность оправдаться перед моим руководством.

Опишите всего несколько ваших коллег, а?

— Не будем торопить события. Давайте по-деловому. Вы за эту «кругленькую сумму», когда еще нет никаких гарантий, устроите мне какую-нибудь каверзу. Лучше подождем «ваших шагов».

Я был весьма серьезен, а Клифф в ответ даже крякнул от огорчения, покачал головой и развел руками.

Попросив Клиффа избавить меня от мелочной опеки следящих, которые только мозолят глаза, я распрощался и вышел из ресторана.

Итак, проведено три встречи. Теперь максимально полно необходимо запомнить все нюансы — «сфотографировать» их в своей памяти и донести до Москвы, моих коллег по оперативному мероприятию. Донести для анализа.

Но уже предварительная оценка результатов встреч говорила о том, что отношения с канадцами строятся по навязанному им руслу, особенно в части «основы сотрудничества» — материальной и гарантии безопасности.

Еще раз подтвердилось, что именно потребуют канадцы взамен за деньги и предоставление гарантий на случай провала и бегства за границу, в Канаду. Были оговорены и условия связи.

После первой встречи я не только анализировал ее последствия, но многократно в уме, особенно ночью, представлял все ее перипетии. Нужно было запомнить все как можно точнее, а это достигалось путем «просмотра» деталей встречи — ну совсем как в детстве, когда вспоминал любимое кино. Так шла подготовка к очередным беседам с контрразведчиками.

Через несколько дней я уже был в Москве, приступил к работе, но уже скоро почувствовал, канадская спецслужба не выпускает меня из вида…

…В день прилета в Москву я созвонился с моим коллегой Александром Васильевичем, который курировал меня на повседневном уровне работы по мероприятию. Он жил рядом. Предполагалось, что канадцам адрес моей квартиры неизвестен, но меры предосторожности все же были предприняты — из аэропорта могли и проследить.

Поздно вечером во время прогулки с любимицей его семьи пуделем Жулькой Александр Васильевич встретился со мной. Я кратко изложил ход выполнения задания.

На следующее утро мы доложили начальнику управления «К» ПГУ результаты работы в Канаде. Калугин к этому времени стал начальником внешней контрразведки Главка. Он внимательно выслушал наш доклад. Я чувствовал доверие руководства на всех уровнях. За ним обозначалось право на самостоятельность.

Несколько дней я корпел над отчетом, избрав уже апробированный стиль изложения — стенограммы бесед. Они заняли почти сорок страниц. На основе отчета нужно было готовиться к очередному раунду, место и время которого пока не определено. Правда, условия связи с канадцами были вполне конкретными и давали возможность вызвать их на встречу по нашей инициативе.

В ближайшую задачу входила работа с канадцами вне пределов Союза. Такое условие ставилось без указания причин, а ведь так хотелось вывести их на нашу территорию и поработать в условиях, когда и «стены помогают».

Но такие мысли мне в беседах с канадцами запрещали даже высказывать, более того — решительно отвергать всякую попытку с их стороны организовывать контакты со мной в нашей стране. Я думал: значит, не наступило время.

Как ни странно, но во мне после работы по операции «Турнир» в самой Канаде пришло некоторое самоуспокоение. Мне казалось, что уже на этом этапе кое-что сделано и я главные усилия могу переводить на работу по линии НТР.

Однако я уже был не властен над собой: «Турнир» захватил меня целиком. Детали операции стали преследовать меня даже по ночам, возбуждая желание довести дело с «вербовкой» до логического конца. Ведь конечной целью было проникновение в агентурную сеть противника, возможно — американской спецслужбы.

И вот однажды в размышлениях о будущем операции «Турнир» появилась шальная идея: а что, если повернуть ее в русло операции «Возмездие»? Причиной тому была «свежая рана» у нашей разведки от предательства в Англии.

Ущерб для КГБ измена Лялина дала весьма ощутимый. Английская контрразведка, видимо, убедила правительство Англии в необходимости высылки из страны более ста сотрудников разведки под прикрытием различных ведомств в этой стране, обвинив их в шпионаже. Однако несколько десятков этих ста не были кадровыми сотрудниками КГБ или ГРУ. Просто контрразведка сталкивала лбами органы госбезопасности с людьми из МИДа, торгпредства и других советских организаций. Массовая высылка разведчиков настолько потрясла лондонские резидентуры КГБ и ГРУ, что фактически до начала «перестройки» в середине восьмидесятых годов эта «точка» так и не смогла эффективно работать. Так закатилась былая слава колыбели знаменитой «Кембриджской пятерки», в которой блистал агент КГБ экстракласса Ким Филби.

После бегства Лялина на Запад генеральный прокурор

Великобритании предъявил ему обвинение в работе на территории страны по организации диверсий и «подготовке ликвидации лиц, которые считаются врагами СССР». Оперсоставу разведки было известно и то, что Лялин оказался в положении лица, которого наш военный трибунал заочно приговорил к расстрелу.

И вот эта шальная мысль стала меня терзать — Лялина можно, ликвидировать, используя в качестве канала подхода к нему, если «завербованный» канадцами Максимов уйдет на Запад.

Что двигало мною? Профессиональная гордость за возможность реализации справедливой акции.

Мне помнилось, что чекисты двадцатых и тридцатых годов неоднократно использовали внедрение наших разведчиков в ряды членов контрреволюционных организаций для ликвидации руководящих и активных в антисоветском рвении сотрудников. В шестидесятых годах стала известна одна из таких акций с «предателем» Тойво Вяйнэ, который за «пособничество» противнику в двадцатые годы был «арестован», «судим» и «расстрелян». Я видел этого человека по телевидению, когда он рассказывал о своей дальнейшей судьбе: погранзаставы и уход на пенсию с должности начальника погранотряда в Анапе.

Судьба чекиста глубоко запала мне в душу и была воспринята мною, как акция большой эффективности и доверия в нашей работе.

В вопросе жизни и смерти я был продуктом своей эпохи. Война, вечная борьба с врагами Отечества, разоблачающие сведения об аморальных действиях спецслужб Запада, в числе акций которых был не один случай физического уничтожения противников. Жертвами становились мои коллеги-разведчики.

«Дело Лялина» — чуждое мне до омерзения человеческое действие — измена. Я учился с Лялиным в разведывательной школе под Москвой. Он был также из моряков, только гражданских. Мы не дружили, но в стенах школы общались. То, что сделал Лялин, — это ущерб государству, Родине, присяге, чести офицера, всем профессионалам разведки. И был приговор трибунала, официально лишавший его права на жизнь.

Я и сегодня верю в справедливость самой высшей меры предателям. Это мнение разделяют большинство моих коллег. В этой вере «не предай» и «не убий» равнозначны. Но я их понимаю так: «Не предашь — не будешь убит!»

Вот с этой идеей я и обратился к куратору по «Турниру» Александру Васильевичу, изложив ее суть на бумаге. Мой коллега уточнил мотивы такого моего предложения и сказал, что доложит «предложение о судьбе Лялина» начальнику управления внешней

контрразведки, то есть Калугину. Затем я несколько раз получал ответ, что предложение рассматривается. На том дело и закончилось.

В девяностых годах я узнал, что канадская операция по вербовке меня и работе в дальнейшем была названа «Золотая жила», а в среде канадских контрразведчиков я проходил под кличкой «Аквариус».

«Орднунг ист орднунг!»

Визит в ФРГ планировался в первую очередь в интересах операции «Турнир», но знали об этом только посвященные. Внешне это выглядело как работа по линии НТР.

К этому времени с позиции Внешторга я начал изучение и разработку одной западногерманской инженерной компании в Ганновере, основной продукцией которой было оборудование для производства сверхтонких полимерных пленок шестиметровой ширины и повышенной прочности. Пленка имела многоцелевое назначение: как основа для фотопленок, для изготовления комплектующих изделий в электронике, шла на нужды космоса и военных.

Наши специалисты работали в этой области, но у них не все ладилось — так появилось задание ВПК для разведки. Компания интересовала меня своими возможностями в ноу-хау и инженерных решениях.

Главным организатором и вдохновителем исследований, эксплуатации и работ в промышленном масштабе в этой специализированной компании был «Мавр», человек весьма своеобразный. Я лично с ним не был знаком, так как он категорически отказывался приезжать в Союз. Поэтому коммерческие и технические переговоры в Москве проходили без его участия. Не приехал он даже на подписание контракта в десяток миллионов долларов. И только в ФРГ я понял, в чем тут дело.

Как часто бывает с людьми крупного телосложения, он в чем-то бывал простодушен и даже доверчив по-ребячьи. Этот гигант с лицом природной смуглости в годы войны служил в знаменитом танковом корпусе Роммеля. В Африке «Мавр» был ранен, и на этом война для него закончилась. В общении «Мавр» был приятен и весьма внимателен, в частности, к моей «крыше». В моем лице «Мавр» видел вершину возможностей его компании, ибо такого масштаба заказы ему на Западе и не снились.

Повышенный интерес со стороны «Мавра» к текущему и будущему заказам был мною использован для решения задач в интересах НТР. Нужно было через «Мавра» получить чертежи конструкции специального оборудования для производства пленок и ноу-хау для работы на нем. В действующем контракте компания поставляла только отдельные узлы оборудования, а не всю линию целиком.

Я не видел другой фигуры в компании, кто мог бы решиться на передачу такой информации. Нужно было уговорить «Мавра»

пойти на этот шаг.

Атака на него началась с того, что я стал развивать перед ним — обычно это делалось наедине — перспективы торговли с моим «Теххимимпортом». Зная пакет будущих заказов — вид оборудования и объемы закупок, я внушал ему мысль, что освоение производства подобного оборудования в моей стране затянется на годы, даже при наличии всех данных для технического решения задачи. К этому времени компания «Мавра» уйдет далеко вперед.

— Мы вам не будем конкурентами еще десятилетие, — говорил я «Мавру», — мы купим у вас оборудование на сто миллионов. А вы сможете поставить всю эту массу машин в срок?

«Мавр» с удовольствием поддерживал такие конкретные разговоры:

— А это возможно?

— Более того, в нашем портфеле на ближайшие пять лет закупки по профилю вашей фирмы…

И я перечислял реальные заказы, которые уже обсуждались с компаниями в странах Европы и, конечно, в Японии.

— Я предлагаю вам участвовать в конкурентной подготовке предложения на закупку.

— А мы не опоздаем?

— Предпочтение получит не только тот, кто имеет лучшее техническое решение и более выгодные цены, но и кто предоставит дополнительные услуги.

— Мы полностью гарантируем обслуживание на весь период работы оборудования на русских заводах, — начал горячо убеждать меня «Мавр».

— Это делают все, а вот помощь нашим специалистам в налаживании собственного производства, за пределами контракта, в рамках дружеских связей, а не только официальных…

— Что вы имеете в виду? — насторожился, естественно, «Мавр». — Конкретно можно сказать?

Я сделал длительную паузу и долго смотрел на «Мавра», как бы ища в его глазах мою надежду на будущее согласие. «Мавр» терпеливо ждал — ему торопиться было некуда. И я решился:

— Рабочие чертежи в комплекте с ноу-хау в свете вашего профиля работы. Более конкретно оговорим позднее.

— Но ведь я не могу решать этот вопрос один — это зависит от членов правления.

Я понял, что сам «Мавр» не прочь пойти навстречу моей просьбе.

— Вы — здесь хозяин! — сказал я уверенно, ибо так оно и

было. — Как вы скажете, так и будет. Главное: нам с вами важно обосновать такое решение с вашей стороны и как можно более сузить круг лиц, которые будут в курсе этих неофициальных дел.

Фактически описанный выше разговор был одним из завершающих, а ему предшествовали несколько бесед, как бы по частям: об оборудовании или ноу-хау, о негласности и круге лиц…

Из ФРГ я увозил пакет рабочих чертежей, а ноу-хау «Мавр» обещал привезти сам, дав наконец согласие на приезд в Москву.

— Почему не приезжаете к нам? — спросил я его как-то.

— Боюсь! — откровенно произнес «Мавр». — Я служил в вермахте в годы войны и не хочу быть арестованным в России.

— Побойтесь Бога, срок давности в отношении всех офицеров и солдат уже истек. Сейчас—середина семидесятых.

— А почему же еще до сих пор судят у вас?

— Вы были в Египте вместе с танкистами Роммеля. А после войны туда ездили?

— Нет. И не буду там, Я там воевал, — решительно отрезал «Мавр».

— А в Англии были?

— В Англии? Да…

— Но ведь вы в Египте воевали против англичан!

— Верно, и против России я не воевал…

— Какие гарантии вам нужны к тому, что в России вас не задержат и вообще не обратят в связи с прошлой войной внимания?

— Вообще-то никаких, — подумав, ответил «Мавр».

Позднее я выслал ему телекс с персональным приглашением в качестве гостя от имени председателя «Техximимпорта». «Мавр» приехал, пробыл одни сутки и улетел, сказав мне на прощание, что не хочет испытывать судьбу. Он пояснил: пока ваша спецслужба поймет, кто приехал в Россию, и наведет справки, его в Москве уже не будет. Может, была шутка? Но это не походило на «Мавра».

Весьма любопытной была встреча на фирме «Мавра» еще с одним ветераном войны, участником «восточного похода» — Решке.

Немцы умеют работать, педантичны и весьма пунктуальны. И как всякий трудовой люд, умеют хорошо отдыхать. Вечера принадлежали всем, кто участвовал в переговорах, а это человек десять специалистов и коммерсантов фирмы.

Днем у нас был короткий перерыв, во время которого обедали в общей столовой вместе со служащими и рабочими. Такой демократизм мне был понятен. Более того, мне было

известно, что такой порядок заведен еще в тридцатые годы, когда рейхсканцлер Гитлер провозгласил курс на возрождение былой мощи и славы Германии.

Ровно в двенадцать дня все садились за один длинный стол. В числе обедающих был и я. Руководство занимало часть стола с краю, но меню было для всех одно. Именно в этой деловой атмосфере обеда я попробовал знаменитый гороховый суп со свининой. Говорят, при Гитлере вся Германия садилась за стол в одно и то же время и ела одно и то же блюдо — гороховый суп, вкусный и питательный. Правда, с хлебом в то время было туго, но немцы терпеливо ждали, пока хлеб не пошел в закрома Германии из Дании, Норвегии, Голландии, Франции, а затем из России — ценой этому хлебу стали жизни немецких солдат.

Однажды вечером мы пошли в огромный пивной павильон «Мюнхен халле» с традиционным пивом в огромных кружках, вкуснейшими сосисками с капустой и австрийским оркестром, одетым в зеленые шляпы с перьями и короткие кожаные штаны, и девушками из певиц в коротких пышных юбках.

Среди нас оказались два южноамериканца, кажется, из Бразилии. Они скептически отнеслись к шуму в пивной, выкрикам в адрес девиц и к исполнению бравурных маршей в типичной для немцев манере — хором, взявшись за плечи и раскачиваясь в такт.

После «Мюнхен халле» один из инженеров пригласил всех к себе домой, где каждый пил что мог. Но вершиной этого застолья стало «соревнование» Решке и меня в анекдотах.

Мне кажется, что Решке и я были наименее пьяны. Не знаю, понимали ли меня немцы, но смех был таким, что гасли свечи, при свете которых мы сидели в полуподвале дома.

Часа в три ночи хозяин дома раздал всем нам духовые инструменты, которые висели по стенам помещения, и организовал импровизированный оркестр. Был ли оркестр? Трудно сказать, но именно он разбудил фрау. И она чисто по-русски, по обычаям наших жен, появилась в дверях в халате и с бигуди в волосах. Она так закричала на нас, что заглушила какофонию «оркестра», велела всем нам убираться вон, добавив, что такси уже ждут нас у входа. И все убрались, кроме меня: я был оставлен на ночлег у хозяина.

Утром я проснулся в кабинете инженера, одна из стен которого была сплошь заставлена полками с книгами. Среди журналов я нашел сборники иллюстрированного журнала «Нэшнл джиографик», причем часть из них была времен войны — видимо, старый инженер интересовался историей Америки.

Фрау к нам не вышла, и мы с инженером завтракали в

уютной кухне, обставленной на немецкий лад. Основной цвет — голубой — задавали большие и малые блюда майссенского фарфора из-под Дрездена со сценками из крестьянской жизни. Фарфор был старинным и сохранился, как мне сказал инженер, благодаря тому, что район Ганновера американские бомбардировщики пожалели, так как здесь были крупные заводы. Американцы, видимо, уже знали, что эта часть Германии отойдет к их оккупационной зоне.

В гостиной я обратил внимание на старинную деревянную тарелку — это была явно славянская вещь. А когда я прочитал надпись на ней, то понял: это — «сувенир» из России, причем, возможно, времен войны. На тарелке была надпись «Хлеб да соль!».

Картины на стенах вызвали удивление: копия знаменитого полотна Ильи Репина «Запорожцы», эскизы акварельного исполнения к гоголевской повести «Тарас Бульба». Все это было явно не современное.

Я спросил хозяина, который наблюдал за моим изучением вещей русского происхождения, откуда эти «сувениры»? Инженер сказал, что это память о войне.

— Трофеи?

— О нет, это подарки… Именно подарки! Я выжидающе ждал продолжения.

— Я ведь тоже участник «восточной кампании». Моя линия фронта проходила в вашем промышленном порту Новороссийск и в Крыму, в Ялте. Как инженер я попал в артиллерийские части, в гаубичный полк. Мы не стреляли на линии фронта, а только по площадям.

Мне в этот момент думалось, что только волею случая мой дедушка из Феодосии не оказался на площади обстрела артиллериста, который теперь был передо мной.

— …В Ялте я жил в квартире старого художника-иллюстратора книг. У него весь дом был в листах ватмана с набросками и законченными работами — в основном акварельные и пером. Блюдо и картины мне подарил старый художник в благодарность за помощь их семье продуктами. Это было запрещено в нашей армии, но я делился с художником, его женой и двумя дочерьми.

Я задумчиво смотрел на картину встречи казаков в степи. Она была выполнена в теплой гамме коричневых тонов. Чувствовалась рука мастера. Кто он, этот художник? Подпись была неразборчива: может быть, Левицкий, а может быть, Линицкий.

До меня донесся голос инженера:

— Я вас оставил у себя специально. Мне хотелось поговорить о том времени, оно давит на меня своей трагичностью. В вашем лице я вижу русских людей, которые великодушны в своем всепрощении, а это могут позволить себе только люди великой нации.

Неожиданно хозяин с болью в голосе обратился ко мне:

— Вы должны простить нас, немцев, и… лично меня. Прощение мне нужно хотя бы для частичного душевного спокойствия. Я прошу вас об этом.

Я тронул за руку старого инженера с артиллерийским прошлым в знак примирения.

Контакт с «Мавром» получил развитие через Решке, который часто бывал в Москве. Время от времени я обращался к «Мавру» с просьбами по информации, иногда весьма узкоспецифичного характера, или в отношении образцов, особенно в области специальных новых пленок и композитных материалов. И хотя просьбы бывали чаще всего деликатного характера, «Мавр» был аккуратен: «Орднунг ист орднунг» — «Порядок есть порядок». Заказ на очередную партию оборудования мы использовали для ввоза в Союз аппаратуры строгого эмбарго. Контракт с «Мавром» стал прикрытием для запрещенного товара.

Семидесятые годы для советской космической программы — это время работы людей в открытом космосе. Специальное конструкторское бюро работало над созданием скафандра для выхода космонавтов за пределы космического корабля.

К разведке обратились с просьбой помочь в решении проблемы отдельных узлов при разработке космической одежды. Мне досталась часть задания, которая касалась проблемы изготовления одного из слоев ткани скафандра. Ведь его конструкция — это многослойный пакет из прочных и гибких оболочек. В задании речь шла о верхнем прочном синтетическом материале, защищающем внутренние части скафандра от механических повреждений.

Нужно было раздобыть оборудование и ноу-хау для изготовления этого синтетического материала, а точнее — производства борного волокна, которое лежит в основе синтетической ткани. Здесь мне пригодились беседы с моим канадским источником «Важаном» — кое-что по созданию тканей я узнал от него.

Я обратился за советом к «Кондо». Как и для меня, для него направление работы было совершенно новое. Более того, фирмы-изготовители в Японии отсутствовали, но некоторые из них могли разработать технологию, используя информацию из США.

«Кондо» нашел японскую фирму, которую удалось уговорить

взяться за создание нужного оборудования, конечно, в строгой тайне. Затем начался поиск путей по выходу на информацию из НАСА, вернее, на фирмы-поставщики оборудования и изделии для НАСА. Такая фирма в Японии также нашлась, но она не собиралась делиться информацией с «Кондо», но готова была продать ноу-хау, полученное в США в результате промышленного шпионажа.

Наконец, после полугода работы, на переговоры в Москву приехали специалисты и коммерсанты. Сумма, конечно, была значительно завышена: наша сторона оплачивала усилия по добыче информации, по изготовлению и по ноу-хау, за секретность сделки, за риск попасть в «черные списки» КОКОМ, за фиктивный контракт… Но это нужно было для науки и престижа Страны Советов, которую не подпускали к мировым достижениям в области космоса.

С нашей стороны присутствовали специалисты из секретного конструкторского бюро — фирмы «Звезда». Они выступали от имени Министерства химической промышленности.

Первые встречи — технические переговоры: уточнение спецификаций и характеристики отдельных узлов оборудования. Когда дошли до обсуждения контрольно-измерительной аппаратуры, переговоры зашли в тупик — японские специалисты отказывались назвать назначение и параметры десяти приборов, заявляя, что это относится к ноу-хау.

Переговоры прервались, а «Кондо» стал уговаривать японцев назвать характеристики хотя бы части приборов контроля. Эта согласованная с ним линия поведения дала совершенно неожиданные результаты. Японцы наконец согласились раскрыть данные по двум приборам. Но когда они это сделали, то дальнейшие переговоры потеряли смысл.

Дело в том, что конструкторское бюро имело собственную установку по производству борных волокон, но у них шел большой брак, превышавший 80 процентов.

Один из японских приборов предназначался для контроля трещин на ванадиевой проволоке толщиной тоньше человеческого волоса, на которую осаждались молекулы бора.

Услышав о таком приеме по контролю трещин, наши специалисты немедленно проверили это на своей установке. Результаты превзошли все ожидания: брак уменьшился до 15–20 процентов. Под благовидным предлогом переговоры были прерваны и… никогда больше не возобновлялись. Как я узнал позднее от «Кондо», японская фирма наладила производство борных волокон в качестве термостойкого и прочного композитного материала. Вот так разведка стала инициатором

новой отрасли науки и техники на японском рынке. Это был уже второй случай — первыми стали термовлагобарокамеры для имитации условий космоса на Земле.

В семидесятые годы в политических и экономических кругах Японии остро стоял вопрос о расширении деловых контактов с Советским Союзом. Япония понимала, что заигрывание СССР с правительством Никсона и затем Форда является частью плана прорыва советской стороной торгово-экономической блокады.

Передо мной был поставлена задача осветить визит Никсона в Союз с позиций японских деловых кругов. Советскую сторону интересовала оценка визита с точки зрения дальнейших японо-американских отношений и изменения их в связи с расширением советско-американских контактов в области экономических проблем. Нужны были сведения, оценивающие экономическое сотрудничество между США и СССР в целом и по отдельным соглашениям, заключенным в Москве.

Информация по оценке визита поступала ко мне через «Тромба» и исходила она из японского посольства в Москве, деловых и банковских кругов и министерства международной торговли и промышленности Японии. Затем был отлажен канал получения информации через банки Японии и японские экономические и отраслевые ассоциации, в частности, о кредитах для стран Ближнего Востока, о позиции Японии на совещании министров финансов развитых стран в Риме, об интересе японских банков в деловом сотрудничестве с Внешторгбанком СССР. Удалось узнать позицию в отношении участия японцев в разработке Тюменского нефтяного месторождения и давлении в этом вопросе на японскую сторону Америки.

Забегая вперед, хотелось бы сказать, что созданный информационный канал оказался особенно полезным, когда валютно-энергетический кризис охватил многие страны мира. Через японские возможности информация регулярно поступала в разведку, освещая тему не один год. Были и другие источники информации, но моя доля там присутствовала, о чем говорили справки, направляемые в ЦК, Совет Министров и парламент. Правда, делали это коллеги из информационного отдела.

В оперативном плане мои японские источники снабжали исчерпывающей информацией о настроениях деловых кругов Японии и запретах КОКОМ в отношении стран Восточного блока. Моя подборка по этому вопросу постоянно пополнялась новыми материалами.

В семидесятые годы стало ясно, что позиция арабских стран — экспортеров нефти, входящих в ОАПЕК, привела к смягчению японской стороны к строгостям эмбарго. Она вынуждена была

расширять деловые контакты и упростила процедуру получения экспортных лицензий из Японии. Последним нужно было воспользоваться, и мои японские источники активно работали по вывозу аппаратуры, оборудования, отдельных узлов, электронных компонентов строгого эмбарго из Японии и стран Европы. Дверь приоткрылась, но мы понимали, что это явление временное и зависит от политического климата между США и СССР.

К середине восьмидесятых годов список товаров эмбарго, запрещенных к ввозу в страны Восточного блока, перевалил за 100 тысяч позиций. Особенно этот список стал пополняться после семьдесят девятого года, когда наступил очередной виток в конфронтации двух великих держав. В список входило как оборудование для очистки воды, так и вертолеты последних марок.

В начале девяностых годов КОКОМ — координационный комитет по контролю над экспортом в социалистические страны — прекратил свое существование. Созданный в 1949 году в начале «холодной войны», КОКОМ должен был преградить путь в соцстраны так называемым «товарам стратегического назначения». Сила КОКОМ была огромна: каждый член комитета имел право вето. Под давлением своих партнеров по НАТО американцы вынуждены были идти на «уступки» своим «союзникам» по КОКОМ. Однако они делали это таким образом, что «уступки» касались тех областей, где американская продукция на мировом рынке была наиболее конкурентоспособной.

Только один пример из «войны» в рамках КОКОМ ее членов. В начале восьмидесятых годов французская сторона готовилась поставить в СССР телефонные станции, но КОКОМ «заморозил» контракт на один миллиард долларов. И Франция по вине КОКОМ, послушного воле США, в 1981–1985 годах в целом потеряла прибыль в размере 23 миллиардов долларов, в то время как США лишь 9 миллиардов.

В шестидесятые и семидесятые годы НТР активно использовала разногласия в стане стран-членов КОКОМ, решая свои задачи. Мой личный опыт показал, что изучение основ политики КОКОМ — это путь в пробивании бреши в строгом эмбарго. Вот почему мое личное досье с коротким названием «КОКОМ» было столь мною любимым. Сотни документов в его папочках помогали разрабатывать тактику при решении разведывательных задач, каждая из которых носила неповторимый, порой уникальный характер.

Иначе было нельзя — цербер в лице КОКОМ стоял на страже интересов Запада, следуя принципу: «На войне как на войне!»

Товар — деньги

Тактикой работы с канадцами предусматривалось создание условий инициативного их выхода на меня, если поеду в одну из натовских стран. Было известно, что спецслужбы НАТО активно информируют друг друга о советских людях, попавших в их поле зрения для изучения, разработки или объявления «персоной нон грата».

В семьдесят четвертом году попытки привлечь внимание спецслужб Канады, Англии и США к моим визитам в Европу не увенчались успехом.

В министерстве я работал в группе внешторговцев над проектом закупки аммиачного завода, для которого в США готовились строительные чертежи. Конечно, в этой группе я оказался не случайно — работа в ней выводила на США.

За время, прошедшее с последней встречи с Клиффом, в Центре тщательно проанализировали ход работы с канадцами. В управлении «К» ПГУ этим вопросом занимался первый («американский») отдел. Там-то мы и работали с Александром Васильевичем.

Контрразведчик, много лет отдавший противоборству со спецслужбами, Александр Васильевич — это позднее он в наших отношениях стал просто Сашей — хорошо ориентировался в вопросах работы американской разведки и контрразведки. В США при реализации острого оперативного мероприятия был арестован и некоторое время провел в американском застенке.

В деловом общении с ним я почувствовал глубокий профессионализм моего коллеги, умение разобраться в ситуации и всесторонне проанализировать ее. Александру Васильевичу претило поверхностное, шапкозакидательское отношение к делу, а такой подход к работе находил живой отклик и в моей душе.

Обладал он и еще одним даром — умением доходчиво изложить на бумаге результаты анализа или плана развития событий. Работая с ним, я получил отличную подготовку оформления мыслей в документах. Например, тщательность подготовки к встрече с канадцами в США была в первую очередь заслугой моего наставника.

После встречи с Калугиным и согласования общего направления разработки мероприятия на очередной выезд, в этот раз в США, мы усаживались в кабинете Александра Васильевича в новом здании Главка в Ясенево и шаг за шагом наполняли план конкретными действиями, штрихами, нюансами. Особое внимание уделялось инвариантности действий, заготовкам и

«экспромтам».

Оба мы любили поспорить и не отказывали себе в этом при поисках наилучшего пути выхода из предполагаемой ситуации, возникновение которой мы стремились предвидеть. И не раз после контакта с канадцами, анализируя по свежим следам свершившееся, я вспоминал добрым словом моего коллегу, Александра Васильевича.

Итак, мне предстояло снова побывать за океаном, в США. В начале апреля семьдесят пятого года я вылетел в Нью-Йорк. Остановился в гостинице «Веллингтон», «излюбленном» месте советских командировочных. Гостиница располагалась весьма удобно: центр города, рядом огромный парк («рай» для грабителей даже днем), Карнеги-холл (в то время в нем проходили первые концерты Ростроповича), Бродвей, Пятая авеню с Рокфеллер-центром и знаменитым небоскребом «Эмпайр стейтс билдинг». Минутах в двадцати ходьбы располагался всемирно известный музей изобразительного искусства «Метрополитен». В удобной близости «Амторг» и тогда еще действовавшая закупочная комиссия. В пределах пешего хода — советская миссия при ООН.

В делах и заботах проходили день за днем. Надо было вылетать в Канзас-сити, где на проектировочной фирме работала группа советских специалистов.

Мой режим дня позволял ККГП или ЦРУ подойти ко мне: передвигался я пешком, прогуливался после рабочего дня, подолгу бывал в гостинице. Но подхода не было.

Уже дважды побывал в жемчужине Америки — музее «Метрополитен», в прохладных залах которого с полотнами картин из всех частей света можно было бы не расставаться часами. Мне представлялось, что там легче всего было установить контакт со мной. Но тщетно. Они на меня не выходили.

Длительные прогулки по набережной Гудзонова залива тоже не приносили успеха. Несколько раз посидел в сквере среди художников-любителей, в работах которых в то время преобладало стремление к абстрактной манере письма. Прислушивался к их неторопливым разговорам. Когда весеннее солнце заглядывало в сквер и освещало еще голые ветви деревьев, дремал под его теплыми лучами.

Любимые мною пешие прогулки приходилось сокращать — с залива дул холодный пронзительный ветер, приносивший влагу и дождь, от чего даже при солнце среди каменных глыб города было зябко.

Ходил, бродил, сидел, спал — и все напрасно. Подхода не было. Про себя думал, что мое пребывание в Штатах только

начиналось, время еще есть. А может быть, все же дать условный сигнал? Нет, надо выжидать — Америка поможет канадцам найти меня. Ведь в графе о визитах в другие страны я в анкете информировал компетентные органы США о пребывании в Канаде.

Только на шестой день Клифф дал о себе знать. В номере раздался телефонный звонок:

— Это Майкл Дзюба? — спросил голос Клиффа в трубке.

— Нет, вы ошиблись, — ответил я, удивляясь откровенной несообразительности моего «канадского партнера». Он пытался установить со мной контакт, используя имя несуществующего лица. Ведь гостиница со всех сторон была обложена американской контрразведкой, и не одно десятилетие.

Минуты через две звонок раздался снова. Теперь уже спрашивали меня. Клифф назвал себя. Строго придерживаясь принятых в деловом мире рамок, я предложил встретиться через час в фойе дорогой гостиницы, где предполагалось отсутствие советских людей. В гостинице, увидев Клиффа, я прошел в зал старомодного бара, где мы нашли уютное местечко в полутемном углу за столиком.

Пришлось мне начинать с выражения неудовольствия первым звонком Клиффа. Он вынужден был оправдываться. На вопрос, как ему удалось найти меня в Нью-Йорке, он откровенно ответил, что помогло ЦРУ.

— Значит, и ЦРУ уже знает обо мне? — укоризненно спросил я Клиффа.

Но Клифф доверительно и убеждающе проговорил:

— Вам это даже выгодно, вы у них тоже можете найти защиту. А вы сами не боитесь встретить в этой гостинице кого-либо из русских?

Я пояснил, что вероятность очень мала, так как гостиница дорогая, и у меня, кроме того, фактически нет знакомых в Нью-Йорке.

Затем Клифф значительно посмотрел на меня и раскрыл свой «атташе-кейс». Оттуда он начал извлекать документы: канадский паспорт с моей фотографией, но на имя Майкла Дзюбы, свидетельство о рождении, карточку социального страхования, расчетные книжки банков Канады и Швейцарии — все на то же имя.

Глядя на эти документы, я видел подтверждение того, что канадцы втянулись в игру серьезно. Мелькнула мысль, а не фальшивое ли все это? Стало немного не по себе, когда над своей фотографией увидел чужое имя и слова «гражданин Канады». Действительно, канадская сторона «сделала шаг первой».

А сияющий Клифф с чувством самодовольства молча извлек из папки документ и положил его передо мной. На гербовом государственном бланке генерального прокурора Канады Уоррена Олменда, являющегося одновременно министром юстиции страны, и за его подписью было напечатано:

> «Настоящее письмо гарантирует в соответствии с канадским законом об иммиграции 8(1), что Майкл Дзюба является гражданином Канады со всеми вытекающими последствиями.
>
> Одновременно канадское правительство гарантирует предоставление убежища Майклу Дзюбе в любое удобное для него время.
>
> *23 августа 1973 года».*

И снова я испытал чувство облегчения и тревоги — «вербовка» завершилась! Почему-то подумалось: а какую кличку они мне дали в своих досье?

Я допускал, что спецслужбы Канады могли и счета в банке, открыть, и страховые карточки оформить. Паспорт — это уже серьезнее. Это означало гражданство, предоставленное правительством. А письмо министра юстиции, члена парламента и от имени правительства! Гарантия выдана человеку, которого они считают своим шпионом в Советском Союзе.

И все же это было облегчение — поверили! Наконец-то свершилось — путь в несколько лет, труд многих моих товарищей завершились проникновением в агентурную сеть противника.

Мероприятие сковывало силы канадской контрразведки, заставляло ее работать вхолостую. Мы изучали кадровых сотрудников КККП, выявляли интересы этой службы в отношении советских людей. Зная, что усилия спецслужб НАТО координируются при работе против Советского Союза, мы выясняли некоторые интересы и других спецслужб, особенно США, с которыми канадские контрразведчики имели тесные контакты.

Во время беседы в Торонто речь шла о том, что в случае необходимости мне можно обратиться к любому первому секретарю канадского посольства за рубежом. Казалось бы, «мелочь», но реакция на это сообщение со стороны Калугина была немедленной. Прервав беседу, он тут же сообщил об этом начальнику Второго главка Боринову, своему бывшему шефу по управлению «К». И не напрасно. Представьте, что в канадском посольстве в Москве работает человек двадцать и за всеми нужен глаз да глаз нашей контрразведки. Сотрудники ВГУ стремятся

выяснить, кто из них связан со спецслужбой Канады, кто является их доверенным лицом. Теперь круг поиска сужался, и в нем в числе других — первые секретари посольства.

И для внешней контрразведки по линии «КР» в резидентурах — это возможность более целенаправленной разработки сотрудников канадского посольства в разведываемых странах, то есть первых секретарей.

А информация заключалась в короткой фразе Клиффа: «…В случае же провала обращайтесь к первому секретарю любого канадского посольства». За ней стояло доверие канадцев к моей «честной» работе с ними.

У фразы было продолжение: «… И назовите мою фамилию». Имелась в виду фамилия Клиффа. Такая «популярность» канадского контрразведчика говорила о его связях с высокопоставленными сотрудниками КККП и чиновниками из канадского МИДа.

…Показывая документы, Клифф смотрел на меня, явно ожидая высокой оценки оперативности КККП и его личной. А я думал, что надо внимательно изучить документы, запомнить их особенности, номера, тексты, установочные данные на Дзюбу… То есть все то, что, по возможности, сможет служить доказательством при компрометации канадской спецслужбы.

Необходимость тщательной проверки не пришлось особенно аргументировать. Почти сразу же заметил несоответствие в именах Дзюбы — в одном из документов стояло «Майкл», а в другом — «Мишель». Конечно, это было всего лишь разное написание одного имени «Михаил» на английском и французском языках, но в таком деле, когда речь идет о гарантиях! Тут вполне могут возникнуть «сомнения», а следовательно, законное право проверить все тщательно. Что и было сделано. Правда, это позволило значительно потрепать нервы Клиффу, но выиграть время для себя — не передавать «информации» уже на этой встрече.

Было жалко расставаться с такими уликами против канадцев, но Клифф, естественно, все документы забрал себе, сказав, что они в нужный момент будут в моем распоряжении.

В моей же памяти остались точный текст письма министра, данные паспорта (номер, дата выдачи, место), свидетельства о рождении (номер, место и дата рождения Дзюбы), номера счетов в банках и карточки социального страхования.

Эти данные позже сыграли свою роль в разоблачении канадской спецслужбы.

Следующий шаг был за мной. Договорились, что обмен «товар — деньги» состоится на очередной встрече, после моего

возвращения из поездки в Бостон и Канзас-сити. Я должен был позвонить Клиффу в определенный день и час. В выборе места встречи Клифф к этому времени полностью передоверился мне, приспосабливая свое время к времени «агента». Мне было удобно, если Клифф не знал точного места встречи заранее. Это еще раз подчеркивало мою особую «заботу» о безопасности.

В Канзас-сити, в отличие от Нью-Йорка, стояла жара. Это чувствовалось уже в аэропорту. Почувствовалось и другое — меня взяли под наблюдение и не оставляли все три дня — в гостинице, у фирмы, в музеях, за городом. Наблюдение было открытым, демонстративным. Сотрудники фирмы убеждали меня вечером не выходить из гостиницы во избежание опасности встретиться с криминальными элементами.

Это меня не обескураживало — еще в Канаде я знал, что в провинциальных городах наблюдающие не стесняли себя маскировкой своих действий. Так было и в Бостоне, где я побывал в знаменательный для любого американца день — 15 апреля. Именно в этот день 200 лет назад рейнджеры из Бостона понесли по стране весть о начале американской революции против англичан.

В память о Бостоне и по сей день у меня хранится набор прекрасно выполненных медалей в скромной коробке. События двухсотлетней давности изложены в рельефах четырех медалей, каждая из которых говорит о самом важном на тот период в жизни американского народа: рейнджеры-минитмены, колокол свободы, национальная армия, декларация независимости.

Любопытная встреча произошла на борту парохода, превращенного в неподвижный плавучий ресторан. Представители американской фирмы, завод которой я посетил в окрестностях Бостона, пригласили меня на ужин, избрав местом довольно известный в бостонской гавани ресторан «Энтони пирс 4».

Заняв место, мои коллеги по бизнесу указали мне на небольшого роста, крепкого сложения черноволосого человека лет сорока пяти. Он порхал между столиками, наклонялся к посетителям, что-то говорил им, хлопал по плечу и заразительно смеялся. Это был глава ресторана, его создатель.

Как это часто бывает на Западе, хозяин ресторана обходил гостей лично, обращая особое внимание на новых посетителей. Конечно, такой добрый обычай импонирует людям.

Было видно, что роль гостеприимного хозяина он исполняет без напряжения и рисовки: ни тени подобострастия — всем он рад, все его друзья, каждому найдет пару теплых слов.

Чутко реагируя на изменение обстановки на палубе, хозяин

начал поглядывать и в нашу сторону, кругами приближаясь к столику. Мы сидели на корме у самого борта. Уходящий день менял краски города, бирюзового неба и непрозрачной воды. Все больше ярких бликов всех цветов начинало плясать в водах гавани.

Невдалеке от ресторана виднелся корпус с плавными линиями и стройные мачты парусного фрегата прошлого века — музейного экспоната времен «чайной войны» между американцами и англичанами.

— Рад вас приветствовать на борту моего парохода! — услышали мы. Это был создатель чудесного уголка бостонской гавани, своеобразного «чуда-на-водах».

— Джордж, — говорил хозяин, обращаясь к одному из моих коллег, — ты давненько не бывал здесь. Все — в делах? В Старом Свете… Друг, удалось ли поклониться в сторону моей родины?

Джордж утвердительно кивнул, а хозяин продолжал:

— Рад, рад, рад… А это твои друзья? Спасибо, спасибо, спасибо…

Коллега представил нас, сказав обо мне:

— Наш друг из России…

Глава ресторана расплылся в широченной улыбке и чисто по-американски произнес до бесконечности длинное «о-о»… Он назвал себя Энтони Атанас. Выразив еще раз радость по поводу встречи с нами, Атанас упорхнул, пообещав еще раз навестить наш столик. Обещание воспринято было нами как простая любезность. И напрасно…

Через полчаса он припорхнул к нам снова, и за ним официант нес на подносе бутылку.

Присев к нам, Атанас стал расспрашивать меня о Советском Союзе. В глазах его светился неподдельный интерес. О себе рассказал, что является американским гражданином уже лет двадцать. Он албанский еврей, родители которого жили в Греции. Сам он родился в Египте.

Атанас сказал несколько слов в адрес русских воинов, которые сражались в Европе за свободу Албании. За всех русских он предложил тост, отметив, что мы угощаемся коньяком редкой даже для Греции марки.

Он спросил, знаю ли я о русском фильме из истории Албании, и когда услышал, что одним из любимых фильмов моего детства была мосфильмовская лента «Великий воин Албании Скандербег», то радости его не было предела.

Мы каждую неделю смотрим этот фильм в албанском землячестве. Наши дети вырастают, знакомясь с героической историей нашей родины по фильму — лучшей из наших

кинолент.

Глаза Атанаса затуманились, и он, положив мне руку на плечо, легонько сжимал его. Ему явно не хотелось уходить от нас. Его ждали дела, но минут пятнадцать он пробыл за нашим столиком, чем очень удивил Джорджа.

Было странным видеть, как этот беспечный на вид человек уходил от нашего столика не таким веселым. Он уже «не порхал». Видно, что-то в делах Албании беспокоило его, но заговорить о своей родине со мной он, как мне показалось, так и не решился. Да и что я мог ему ответить, кроме того, что мы с маленькой Албанией в ссоре…

В полной темноте мы покидали гостеприимный ресторан. Нас нагнал Атанас и каждому вручил большую открытку с видом на его детище — пароход-ресторан.

Уже в гостинице я обратил внимание на сделанную на открытке надпись-обращение ко мне: «Наилучшие пожелания в надежде на хорошие отношения между нашими странами, такими же долгими, как длинны Уральские горы».

Что имел в виду американский албанец? Дружбу Америки и СССР или СССР и Албании?

С высоты увиденного и пережитого далекие события середины семидесятых высвечиваются ярче, а память ищет новый смысл во встречах, беседах, отношениях между людьми.

Во время этой поездки по Америке осталась в душе удовлетворенность и той пользой, которую работающий «под крышей» разведчик несет своей стране, добросовестно выполняя обязанности по прикрытию. Теперь, более чем через тридцать лет работы в разведке, могу с большой убежденностью сказать, что, поднимаясь в работе по прикрытию до профессионального уровня, разведчик заставляет прикрытие работать на себя, на прикрытие.

«Друг Ленина»

Для изучения дел с аммиачным заводом, ноу-хау и оборудование для которого поставляла нашей стране американская фирма доктора Хаммера «Оксидентал петролеум», я дважды побывал в Канзас-сити. Этот город был известен мне по замечательной книге «Волшебник Изумрудного города». В этом городе работали проектировщики фирмы Хаммера, готовившие строительные чертежи.

Кроме того, я, по легенде, должен был разобраться, в чем суть тяжбы Хаммера с одной из семи «нефтяных сестер» — фирмой «Стандарт Ойл». Она хотела поглотить «Оксидентал петролеум». Конечно, «Техximимпорт» не могла не беспокоить судьба трехсотмиллионного контракта.

Я получил досье с перепиской между Хаммером и руководством «Стандарт Ойл». Там, в частности, говорилось, что объединение фирм невозможно из-за антитрестовского закона, запрещающего монополию на эту отрасль. Обратил внимание и на небольшую заметку в местной газете. В ней говорилось, что жители небольшого городка в центральной части страны подали в суд на фирму «Оксидентал петролеум», требуя компенсацию убытков за ущерб: находящийся в сотне миль от завода городок пострадал от ядовитых осадков.

Значит, очистные сооружения завода не защищают природу. Осторожно выяснил, что на заводе по нашему проекту и описываемому в заметке стоят одинаковые очистные установки. Побеседовав со специалистами фирмы, я в Москве доложил руководству «Техximимпорта» результаты изучения ситуации, представил документы. В результате фирма вынуждена была переделать эту часть проекта, заменив очистные сооружения на более совершенные.

Понимая серьезность ситуации, сотрудники фирмы более охотно откликались на различные мои просьбы. В частности, они предоставили в мое распоряжение материал о трубопроводах для транспортировки агрессивных химических жидкостей. Завладев досье по этой проблеме, я снял копии с отдельных документов.

Прикрытие было использовано для сбора информации по заданию НТР — передачи на расстояние жидкого водорода, который являлся одним из компонентов ракетного топлива. Информация о километровом трубопроводе для водорода говорила, что американцы вынесли взрывоопасный завод по производству водорода на значительное расстояние от космических ракет. Полученные материалы содержали сведения

об особенностях конструкции трубопровода и инструкциях по его эксплуатации.

Забегая вперед, скажу, что завод по производству аммиака был построен в срок, из Тольятти и Горловки по трубопроводам жидкий аммиак подавался в порт под Одессой. Этим жидким удобрением мы расплачивались с Хаммером за построенный завод.

Имя Хаммера — «друга» Ленина действовало на руководителей нашей страны магически, в бизнесе ему давали «зеленую улицу». В среде деловых людей Европы поговаривали, что Хаммер был явно не бескорыстен с друзьями в Союзе. Опыт «обдирания» России доктор Хаммер имел, делился им с западными дельцами. На вопрос о происхождении своего капитала отвечал: хотите быть богатыми — дождитесь революции в России.

Работа с фирмой «Оксидентал петролеум» завершилась встречей с доктором Хаммером в его нью-йоркской конторе за несколько дней до отъезда в Союз. Контора производила впечатление нежилой. Хаммер руководил фирмой и ее отделениями из лос-анджелесской штаб-квартиры, стремительно перемещаясь по Штатам и всему миру в личном самолете и вызывая восхищение выносливостью его натуры.

Десятиминутный разговор завершил показом копий фотографий с дарственными надписями Ленина, Хрущева и Брежнева. Причем только Ленин полностью написал свое посвящение собственноручно, а остальные расписались под каллиграфически выполненными пожеланиями здоровья «другу Советского Союза». Подлинники фотографий Хаммер хранил в банковском сейфе.

«Друг Союза» с шестидесятилетним стажем умел ценить время. Его вопросы были точны и конкретны. Мне показалось, мы отлично поняли друг друга: он — цель моего визита на фирму, а я — «друг» подвержен коллекционированию картин. О причастности к «умыканию» их из революционной России говорил каталог художественной галереи Хаммера. Теперь для меня этот каталог — реликвия.

А вот как обстояли дела с главной целью визита в США. Тревога все эти дни меня не покидала. Предстояла встреча, на которой необходимо сделать мой «первый шаг» — передать «информацию». Еще и еще раз вспоминал беседы с Дэнтермонтом и Клиффом об этом, готовил фрагменты беседы, продумывал возможные уточняющие вопросы и ответы на них или уклонение, искал тактические уловки…

Особенно важным было оговорить для себя право передачи

«информации» канадцам по своему усмотрению, при этом не вызвать подозрений Клиффа и тех, кто будет эту беседу анализировать. В беседе с Клиффом этот вопрос уже затрагивался, хотя и косвенно. Однако нынче должно решиться: кто определяет характер и объем передаваемой «информации».

Возвратившись из Канзас-сити, я позвонил Клиффу. Его на месте не оказалось, хотя время связи указывалось точно. Меня такой поворот дела даже устраивал — это был удобный козырь сорвать Клиффу наступательный характер в беседе об информации.

Чуть позднее я все же дозвонился до Клиффа и оговорил встречу в ресторане «Шале Сюис». Подходя к нему, я сделал круг по прилегающим улицам. К самому ресторану подошел минут за семь. Издалека увидел Клиффа, которого привезли на автомашине с нью-йоркским номером. Клифф, заметив меня, направился к ресторану, в который мы вошли одновременно.

Выслушав сообщение Клиффа о том, что он весьма доволен предыдущей встречей, я перешел в наступление. Обвинив его в неаккуратности (отсутствие во время утреннего звонка), я увязал это с гарантиями безопасности работы с ним. Припомнил некоторые минусы, которые имели место в предыдущих встречах. Предпосылки к беседе были созданы. Клифф виновато напомнил, что пора бы переходить к вопросам информации.

Передавать «информацию», даже подготовленную, было не просто. Обмен «товар — деньги» проходил в полупустом зале. На первый взгляд, моя устная информация выглядела солидно. Здесь были, прежде всего, характеристики некоторых людей. Передал я и содержание разговоров, происходивших в одном из помещений советского учреждения в Канаде, которое, как подозревалось, прослушивается канадцами. Назвал товары и оборудование, якобы намеченные к закупке в Канаде, и сказал:

— На сегодня хватит…

Клифф задавал уточняющие вопросы, однако если они выходили за рамки обеспечения, как я представлял Клиффу, моей безопасности, ответы на них были общего порядка.

Во время разговора была применена маленькая уловка, которая мешала Клиффу в полную меру вкушать результаты работы с «завербованным» русским. Дело в том, что, заказывая официанту, Клифф отказался от сыра, сказав, что он его терпеть не может. Я же пояснил, что выбор ресторана связан с возможностью полакомиться знаменитыми швейцарскими сырами. Клифф заказал вино и что-то мясное, а я — ассорти из сыров.

Было видно, что запах сыра Клиффу неприятен. Чтобы

сообщать информацию, пришлось сесть к нему поближе. Жуя сыр, я беседовал, а Клифф страдал, но терпел. Иногда я давал ему передышку и откидывался на стул. И каждый по-своему использовал паузу: Клифф — от сыра, а я — для обдумывания ответа.

Когда я предложил подвести черту, Клифф не возражал. Он достал конверт с деньгами и передал мне, спросив, не потребуется ли его помощь для провоза денег через американскую границу. Я отказался.

Еще раз подняли рюмки за хорошее начало и разошлись часов в десять. Клифф вышел первым и сел в ту же автомашину, а я пошел пешком в гостиницу.

Кто бывал в Нью-Йорке, знает, что такое его улицы, да еще не центральные, в позднее время: ни дерева, ни куста — голый камень зданий и яркий свет фонарей. Все в желтом сиянии. Редкие прохожие жмутся к стенам домов. Укрывшись в нишах подъездов, опустившиеся личности пьют что-то из завернутых в газету или засунутых в пакеты бутылок. Нищего вида люди бросают косые взгляды на одиноко идущего.

Правда, и я не выделялся слишком элегантным видом. На мне был видавший виды светлый плащ, купленный в Японии еще в середине шестидесятых. Но все же полчаса ходьбы не придавали мне бодрости, особенно если учесть, что карманы мои были набиты не одним десятком тысяч рублей.

Через день-другой Клифф позвонил мне и уговорил встретиться минут на 1520. Он был в необыкновенно приподнятом настроении, веселым и говорливым. Немедленно поделился своей радостью:

— Мы с вами отлично поработали. Информация оказалась весьма полезной. Просили передать: и в будущем информацию выбирайте сами, думайте о своей безопасности…

«Агенту» было удивительным слышать от Клиффа о предоставлении права выбора передаваемой информации. Но только в первый момент. Затем Клифф не очень навязчиво, как бы в форме предложения, попросил меня выяснить об экономических связях СССР с другими странами, особенно долгосрочного характера. В первую очередь в отношении Канады, США и Англии. Но особенный упор он все-таки делал на США.

Такая «забота» наводила на мысль, что музыку все-таки заказывает ЦРУ и, возможно, дает деньги.

Второй раз возвращался из Канзас-сити через Вашингтон. Минут на сорок самолет совершил посадку в Сан-Луисе. В город выехать я не рискнул и бродил по территории аэропорта.

В зале ожидания было пусто. Присел у окна, выходящего на

летное поле. Неожиданно из глубины зала показался толстяк, страдающий от духоты, вокруг были сотни мест, но он плюхнулся на одно из трехсекционных кресел рядом со мной.

Ну, подумал, это уже было в поезде Монреаль-Оттава. Минут пять толстяк отдувался, обтирался огромным клетчатым платком и… так же стремительно удалился, исчезнув в проемах автоматически открывающейся двери — канул в залитое солнцем пространство.

На кресле, где он сидел, остался еле заметный на черной коже кресла туго набитый чем-то черный бумажник. Нужно было «смываться» с этого места, чтобы не влипнуть в непредвиденную историю — ведь при мне были тысячи, полученные от Клиффа в «Шале Сюис».

Шагах в двадцати лениво передвигался по ему одному известной системе поворотов и остановок сотрудник службы безопасности аэропорта. К нему-то я и направился, радуясь каждому шагу, удалявшему меня от злополучного бумажника. Сотруднику я рассказал о толстяке и, возможно, им оставленному бумажнике. Страж порядка подробно расспросил приметы толстяка, а я поторопился исчезнуть в проходе к самолету моего рейса.

Был ли этот случай совпадением или попыткой подготовки провокации? В зале ожидания было пусто, но телекамеры фиксировали обстановку и могли записать все мои действия. И по сей день ломаю голову: могла ли американская сторона использовать случай с бумажником для закрепления моих отношений со спецслужбой?

Главный же вывод из случившегося — разведчик любую ситуацию должен рассматривать с позиций осложнения его пребывания в чужой стране. Морально быть готовым к неожиданным поворотам.

За несколько часов в Вашингтоне я побывал в мавзолее Авраама Линкольна, на Арлингтонском кладбище, а вот увидеть город со смотровой площадки знаменитого «карандаша» — стеллы Вашингтона не удалось. Времени было в обрез.

Огромный лайнер «Л-1011» авиакомпании «ТВА» на час с небольшим завис в воздухе между Вашингтоном и Нью-Йорком. Слабый гул двигателей и редкое покачивание давали знать, что я все-таки в летящем самолете.

В главном салоне лайнера на сотню пассажиров сидело всего несколько человек, часть из которых спала или безучастно взирала на огромный экран телевизора с ковбойским фильмом.

Но вот подлетное время кончилось, и на экране появилось пространство, которое обозревает пилот самолета со своего

места. Самолет выходит на посадочную прямую. С помощью телевизора мы наблюдаем, как набегает бетонная полоса. Мягкий толчок — и мы в аэропорту имени Кеннеди…

А через несколько дней «Ил-62» доставил меня домой. Начинался новый этап работы «московского агента» КККП.

Письмо председателю КГБ

Отчет по операции «Турнир» занял несколько дней. Я работал в новом здании разведки на юго-западе Москвы, выезжая туда под легендой. Приходилось скрывать от руководства и товарищей эти поездки. Иногда встречал в коридорах сотрудников из НТР, они интересовались моим приездом в дальний конец Москвы. Все время приходилось быть начеку. Спасало то, что я активно работал над десятками заданий по линии НТР с позиции Внешторга.

К семьдесят пятому году вновь появились задания повышенной сложности, связанные с имитацией космоса в условиях Земли. Была развернута работа по добыванию информации об экономике Китая, особенно тех ее аспектов, которые усиливали его военный потенциал.

К этому времени мне удалось обобщить приемы и способы добывания информации по Китаю, которые я свел в справку о выборе организаций-носителей информации торгово-экономического характера. Фактически этот материал в полтора десятка страничек стал методическим пособием для сбора информации по этой стране.

Информация поступала из нескольких источников, среди которых был специалист по авиакосмической технике. Китайцы пригласили его в качестве консультанта. Несколько недель его пребывания среди китайских ученых и на заводах позволили оценить общий уровень развития этой отрасли промышленности. Поступила от него информация о планах ее развития на ближайшие годы, сотрудничестве с западными странами, состоянии исследовательской базы и, что важно, о потребностях отрасли в импортном оборудовании, материалах, расширении конкретных заводов и нуждах в специалистах.

Бывает так, что разведка длительное время работает с источником, но возможности его не вечны, и оперативное дело сдается в архив, а связь с ним прекращается. В семидесятые годы экономическая разведка еще не была организационно оформлена, поэтому получение материалов по экономической проблематике было не столь трудным, как реализация.

Звучит это парадоксально, но так и было с экономической информацией, добытой инициативно. В частности, разведчиками, работающими под прикрытием. Думаю, случаи получения информации об экономике Китая в какой-то степени ускорили переход экономической разведки на организованное начало.

Одним из источников, дело которого готовилось к сдаче в

архив, был «Шток». Этот бизнесмен имел торговые отношения с Ближним Востоком и рядом стран Арабского Востока. Ему подсказали путь по налаживанию контактов с Китаем. «Шток» был вхож в торговые, экономические и финансовые круги ряда европейских стран, имел связи в их правительственных кругах, располагал капиталом в нескольких ведущих банках Европы и имел контракты с фирмами-производителями в Англии, Италии, Франции, США и в немецкоговорящих государствах.

Первая информация пришла от «Штока» из Франции: подробное досье одной французской корпорации, в котором были собраны сведения об уровне электронной промышленности Китая. Материал был настолько интересен, что более чем тысячу страниц полностью перевели на русский язык в течение трех дней и направили в ЦК КПСС.

На основе этой информации «Штоку» было подготовлено конкретное задание с учетом его возможностей. Так в наших руках оказались подробные документы, освещающие позицию европейских банков в отношении развития торгово-экономических и финансовых контактов с Китаем, в частности, по основам кредитных сделок.

Я с благодарностью вспоминаю мою работу с «помощниками». Но именно в середине семидесятых у меня остался тяжелый осадок от участия в судьбе внешнеторгового профессионала — моего «помощника» еще с шестидесятых годов, когда я привлек его к сотрудничеству.

«Комов» был энтузиаст любого дела. Для меня он послужил моделью при попытке сформулировать критерии первичной оценки деловой личности. Были и другие знакомые коммерсанты и специалисты, но «Комов» особенно интересовал меня в этом отношении. Дело в том, что за основу деловых характеристик человека я брал ответственность в его отношении к делу. Она характеризовалась тремя параметрами: организованность, обстоятельность и обязательность. Каждый их этих параметров имел несколько признаков. Я назвал все это «системой “О”» плюс три «О»: ответственность — это организованность, обстоятельность и обязательность. Сотни раз эта «формула» спасала меня от работы с людьми, неспособными решать серьезные вопросы, которые много говорили и мало могли сделать, не умели управлять временем или проникнуть в глубину вопроса.

Так вот, «Комов» был отличным «помощником», причем в лучшем смысле слова добровольным. Мы были с ним одногодки и быстро нашли общий язык на основе увлеченности работой во Внешторге.

Я уехал в Канаду, а «Комов» года через три — в одну из стран Европы. Я возвратился в «Техимимпорт» в семьдесят втором, и почти сразу из командировки приехал «Комов», не пробыв за рубежом и двух лет: его досрочно отправили из страны наши «бдительные» контрразведчики.

Уже во Внешторге «Комов» рассказал мне: в той стране его обвинили во внеслужебных связях с местной гражданкой. Для сотрудника Внешторга это было равносильно «профессиональной смерти» — «Комов» стал невыездным, даже в соцстраны, и, конечно, не мог рассчитывать на служебный рост, хотя и окончил Академию внешней торговли.

Попытки помочь «Комову» через мои возможности в НТР не дали результатов — все отмахивались от вмешательства в дела контрразведчиков, а те отвечали, что заключение о неправильном поведении «Комова» за рубежом давали сотрудники НТР. Круг замкнулся. Я понимал, что разорвать его может только что-то необыкновенное.

Начальник архивного отдела КГБ, из недр которого идут сведения в ЦК КПСС в виде разрешения на выезд за рубеж, показал мне оперативное письмо из резидентуры, в котором говорилось, что «Комов» «имел внеслужебные связи с местной гражданкой русского происхождения». Добавил, что это вопиющая безграмотность в оценке поведения советского человека за рубежом, а приписка о том, что «Комов» якобы «проявил при разборе дела неискренность», говорила о вмешательстве партийных органов посольства.

Что означают «внеслужебные связи»? В лифте? В дружбе семьями? В постели?

Исповедуя принцип деликатного использования мощи госбезопасности в отношении наших граждан, я встал на защиту «Комова». Что греха таить, раньше я испытывал робость в борьбе с сильными мира сего. Но к этому времени уже двадцать пять лет как я в рядах госбезопасности — целая жизнь, пора выступать и в таких ситуациях с позиции здравого смысла.

Когда руководство НТР ответило окончательным отказом уточнить термин «внеслужебные связи», я вынужден был инспирировать «письма председателю КГБ». Его должен был написать «Комов».

Я знал историю «Комова» во всех деталях, верил ему, а не моим коллегам, которые, возможно, под воздействием «бдительных» контрразведчиков сломали жизнь толкового внешторговца и прекрасного «помощника». «Комов» поведал мне историю общения с дочерью русского эмигранта еще времен Гражданской войны. Ей было за пятьдесят, она держала

продуктовую лавочку вблизи дома, где жил с семьей «Комов». Услугами лавочки пользовались многие советские граждане. «Эмигрантка» была весьма приветлива с такой клиентурой, контрразведка не препятствовала этому, внеся лавочку в список благонадежных объектов контрразведывательного наблюдения.

Скандал разразился неожиданно. Под Новый год в страну приехал новый сотрудник резидентуры. Он поселился в бывшей квартире «Комова», с которой тот только что съехал. В Рождество в нее пришла «Эмигрантка». Узнав, что семья «Комова» съехала, попросила нового жильца передать жене и дочери «Комова» простенький новогодний подарок. «Эмигрантка» назвалась другом семьи, с которой часто общалась.

Молодой разведчик, еще не остыв от многочисленных предупреждений о кознях эмигрантов, был «потрясен» фактом общения.

Дальше все завертелось по известному сценарию: молодой сотрудник доложил резиденту и представителю контрразведки, в дело вмешался партком посольства. «Комов», по натуре вспыльчивый человек, стал энергично протестовать, но после короткого «суда» ему приписали «внеслужебные связи» и «неискренность при разборе дела». А так как он не хотел каяться в не совершенных им грехах, его убрали из страны.

— Извини, друг, но я больше ничего сделать не могу, — сказал я «Комову» после очередной встречи с руководством НТР.

— Анатолий, я понимаю, ты столкнулся со стеной. Мне все это надоело, язва снова обострилась — уже две трети желудка вырезали. Уйду в промышленность, в Министерство химии. Но туда меня зовут в отдел внешних сношений, а это опять выезды за рубеж, которые мне запрещены твоей службой.

— Твой вопрос может разрешить только председатель КГБ, — осторожно стал я подводить «Комова» к мысли о письме в адрес руководства.

— Но как до него добраться? Не идти же на прием?

— Приемная находится на Кузнецком мосту, но идти не обязательно…

— Письмо? — выжидательно посмотрел на меня «Комов».

Я пожал плечами.

Через несколько дней «Комов» передал мне в двадцать страниц письмо Андропову. Это был крик души несправедливо обиженного человека. Особенно неприглядно выглядели в нем сцены разбирательства обстоятельств дела, в частности, сотрудниками резидентуры.

Я оставил письмо у себя, пообещав довести его до сведения адресата. Руководству НТР доложил, что видел письмо в адрес

Председателя КГБ, в котором «Комов» решительно осуждает несправедливость. Сказал, что нахожусь в затруднительном положении, так как запретить «Комову» посылку письма в КГБ не могу — это чревато нарушением его гражданских прав.

Меня попросили получить это письмо. Я сказал руководству, что как чекист несу ответственность за судьбу привлеченного мною к работе человека и за облик КГБ в его глазах. Обещал предпринять кое-какие шаги по недопущению посылки письма.

Был шок, когда я передал письмо «Комова» руководству НТР. «Крик души» оскорбленного человека дошел до сознания чиновничьих голов. Они забеспокоились не столько за «Комова», сколько за свой престиж в глазах руководства КГБ. Машина «реабилитации» завертелась весьма стремительно. Потребовалась неделя, чтобы все уладилось. Письмо с обстоятельствами дела ушло в архив, вопрос был закрыт, через месяц «Комов» начал оформляться в короткую загранкомандировку, пока в соцстрану.

А мне было стыдно перед ним — несмотря на личную беду по вине КГБ, все время разбора «дела с эмигранткой» он помогал мне в оперативной работе.

Нас давно интересовала Норвегия. Ее, члена НАТО, вооруженные силы имели вооружение от ракет до систем противолодочной защиты. Не ахти какие масштабы торговли были между нашими странами, но все же двадцать объединений продавали наши товары в Норвегии и десять закупали у нее.

Доля «Техимпорта» в торговле с Норвегией отсутствовала. Но я знал, что дела с «Техимпортом» — мечта любой фирмы. К этому времени объединение закупало за рубежом товаров более чем на четыре миллиарда долларов ежегодно. Лакомый кусочек манил всех.

На одной из промышленных выставок в Москве я познакомился с норвежским бизнесменом — представителем фирмы-производителя машин для переработки полимерных материалов. «Пульс» отличался весьма нервной и быстрой реакцией. Он не страдал «комплексом щепетильности» при обсуждении любых деловых допросов: от официальных сделок до скрытых на основе конфиденциальных и фиктивных контрактов. Мы быстро поняли друг друга, и вскоре «Пульс» уже работал над закупкой и доставкой в Союз образцов по тематике эмбарго.

С ним мне пришлось решать две наиболее интересные проблемы по авиационной тематике и подводным лодкам. Тогда я еще не предполагал, что в недрах нашего Генерального штаба Вооруженных Сил вынашивается идея войны в Афганистане. Но когда она началась, я вспомнил «Пульса» и те материалы, которые он добыл по моей просьбе из Англии.

Задание НТР касалось защиты топливных баков вертолетов от пуль и осколков. Нужно было ноу-хау на изготовление пенистого полимера с заданными ячейками пенопласта. Я сообщил «Пульсу» название и адрес английской фирмы, фамилии нескольких сотрудников. Оговорили вознаграждение в размере 25 тысяч долларов. Договорились об условиях переписки телексом и при разговорах по телефону.

Прошло месяца три, и довольный «Пульс» привез обещанное ноу-хау, которое представило всего пятнадцать страничек текста. То есть чуть менее полутора тысяч за страницу. А наши вертолеты получили дополнительную защиту.

Можно, конечно, сказать: грязная работа, промышленный шпионаж! Да, по форме — он, а по справедливости? Это даже не недобросовестная конкуренция — ее в отношениях Запада и Востока просто не было. Игра шла в одни ворота: КОКОМ против Востока. Сколько жизней летчиков и пассажиров вертолетов мы потеряли бы, если бы не информация «шпиона» «Пульса». А речь шла всего-навсего о пенистом полимере для простой мебели.

Как-то «Пульс» показал мне маленький кусочек оранжевого цвета, похожий на резинку для стирания карандашного следа.

— Анатолий, тебя интересуют вопросы противолодочной защиты?

— Что-нибудь ценное? Откуда это?

— Образец покрытия подводной лодки от обнаружения локаторами. Кусочек материала был доставлен специалистам в закрытое бюро. Они подтвердили интерес к образцу. Бюро запросило ВПК добыть квадратный метр образца. Задание попало ко мне. Оно было ярко выраженной военной тематики. Как говорил один из генералов из Пентагона, «русские намереваются залезть под юбку в поисках секретов из кладовой военных».

«Пульс» начал работать над заданием, и вскоре условный телекс уведомил меня, что «груз с резиновыми изделиями отправлен в адрес “Техимимпорта”». Так оно и случилось.

Вся эта работа по НТР проходила в условиях моей основной работы по операции «Турнир» — шло интенсивное обдумывание очередного хода в отношениях с канадцами.

Удачная неудача

В Москве было решено подготовить для Клиффа новую «информацию». Собирались задокументировать беседу, скрытно записав ее на магнитофон. Опертехнику мне должны были передать сотрудники резидентуры в день встречи с Клиффом. Пока я не знал, когда и в каком городе это произойдет.

Весной семьдесят шестого года я направился в Швейцарию на промышленную выставку, которая ежегодно проводилась в Базеле. Но путь начинался с Берна, где необходимо было посетить торгпредство. Там я получил суточные на проживание в гостинице и пропитание и встретился с сотрудником резидентуры — мы должны были оговорить план совместных действий.

Молодой оперработник, чуть более года находившийся в стране, передал предложение резидентуры: он готов ехать со мной в Базель, там передать и затем принять опертехнику. Все это он предполагал сделать в один день, скрытно, тщательно проверившись. На вопрос, знает ли он Базель, коллега ответил, что бывал там в прошлом году на подобной выставке.

Согласно стратегической задумке, мне следовало избегать официальных контактов с советскими людьми, особенно из числа сотрудников резидентуры. Наши учреждения посещать только при крайней необходимости и под хорошо понятной спецслужбам противника легендой. А тут предлагалось иметь контакт с разведчиком, да еще дважды в день! Такая активность не может быть не замеченной и станет предметом пристального анализа спецслужбы.

В ответ сотрудник предложил провести скрытную передачу где-нибудь на стенде советской организации. Это еще опаснее.

Мы обсуждали различные варианты, а в фойе торгпредства меня ожидал швейцарский коммерсант, чтобы отвезти меня в Базель. Времени было в обрез.

Пришлось на ходу искать решение. Теперь предлагал уже я. Наверняка на выставке есть большой гараж. Да, имеется, подтвердил коллега. Многоэтажный с выходом на крышу и четыре улицы. Подняться на этажи можно на лифте или по лестнице.

Договорились, что я в назначенное время поднимусь на крышу гаража якобы посмотреть панораму города, оценю обстановку и выйду на площадку лестницы одного из этажей, к дверям лифта. Коллега поднимется на лифте и, выйдя на площадку, передаст мне технику. Затем он пройдет к автомашине, заранее оставленной на этом этаже. Оговорили и возврат опертехники в тот же день.

Одним из условий работы с опертехникой было минимальное пребывание ее вне пределов резидентуры. Поэтому мне пришлось подать условный сигнал о дне встречи: техника нужна во второй его половине. Коллега съездил в посольство и вместе с раздражением шефа все же привез его согласие на разработанный нами план.

Операция по использованию опертехники сорвалась в самом начале — не сработал фактор времени, передать ее мне не удалось. В какой-то степени я даже был рад этому. Конечно, я понимал, как важно задокументировать беседу, но в душе опасался провала всей операции «Турнир» именно из-за этого. Мне представлялось, что обнаружение работающей у меня спецтехники не могло быть слишком трудным для противника. И предчувствие меня не обмануло…

В Базеле весна запаздывала. То и дело шел снег, с гор дул ледяной ветер, и пешие прогулки, столь любимые мной, были не столь приятны. Но на выставку я все же ходил пешком. На это уходило минут двадцать. Дорога проходила по экзотическому средневековью — Базель, не испытавший нашествия чужих войск почти двести лет, содержал старину в отличном состоянии.

Была и другая «корысть» в пешем передвижении — почувствовать «наружку».

По приезде в Базель позвонил в Оттаву и передал телефонистке условный текст: «Переговоры по машинам для уборки снега могут быть продолжены в Швейцарии на промышленной выставке с 24 апреля по 2 мая. Дзюба». Фирма «Дангарвин» «специализировалась» на уборке снега, это было отображено на полученной от Клиффа визитке.

Конкретное место в стране не оговаривалось, но существовала договоренность, что в случае вызова Клиффа на выставку за рубежом меня можно будет найти возле советского павильона или стенда.

Я заглядывал каждый день с утра на стенд «Интуриста» и на третий после отправления условной телефонограммы день увидел Клиффа. Он стоял у входа в павильон, промерзший и явно больной. Не подавая вида, я перебросился парой слов со стендистами — милыми девушками из «Интуриста», прошел по территории выставки и, выйдя за ее пределы, направился в старый город. В одном месте над тротуаром был целиком крытый дощатый коридор — защитное устройство у строящегося здания. Клифф шел сзади шагах в десяти-пятнадцати, но из этого коридора мы с ним вышли вместе.

Клифф действительно простудился, но дело есть дело. На набережной между нами возник спор. Клифф просил подготовить

ответы на задание, переданное мне в США, и сделать это в письменном виде. Я «возмутился»:

— Ничего не писал и писать не буду. Сообщить кое-что смогу. Много слов о безопасности, а требуете от меня письменное сообщение. Имея его на руках, вы быстро из меня сделаете «выжатый лимон» и выбросите. Я еще не уверен, есть ли счета в банках. Билл, вы должны еще помнить, что с моим письменным сообщением вам придется путешествовать через океан.

«Успокоившись», предложил продолжить беседу часа через два в ресторане «Базель». Это время мне было нужно, чтобы приготовиться к беседе, о характере которой я догадывался по некоторым репликам Клиффа.

Клифф опоздал минут на двадцать, чем помог мне опять показать «придирчивый характер». Выслушав «информацию», Клифф заметил, что это не совсем то, интерес к чему он проявляет:

— Этого недостаточно. Я принес вам очередной гонорар и новые вопросы. Я буду называть фамилии ваших товарищей по работе, а вы охарактеризуйте их. Особо прошу отметить увлечения, недостатки, пороки… А главное — принадлежность к русским спецслужбам.

Такой ход мы предвидели, и на прессинг Клиффа я ответил многословием. Наговорил ему столько, что он буквально увяз в моей «информации». Кое-какие данные, заготовленные в Москве, Клиффа заинтересовали. Он задал уточняющие вопросы.

Важно было выиграть время, протянуть разговор часа на полтора и завершить его под предлогом занятости. А она всегда соответствовала действительности — график работы в стране специально составлялся весьма плотным. И в этот день была назначена встреча с коммерсантом из Женевы, которого я, естественно, не мог заставить ждать. Встреча с коммерсантом была своеобразным «алиби» перед канадцами, если бы они проверяли мою искренность в отношениях с ними.

Клиффу я усиленно предлагал пить «перно» — анисовую водку, проверенное средство от простуды, пространно объяснял, как оно действует.

Клифф хотел передать мне деньги, но я, сославшись на совместное проживание с другими русскими, попросил его принести их на следующую встречу в гостинице «Три короны».

В день встречи, зайдя в гостиницу заранее, я узнал, что там в это время устраивает банкет Общество швейцарских часовщиков. Меня это устраивало: смена места затрудняла обстоятельную беседу, к которой Клифф, несомненно, тщательно готовился.

Рядом с гостиницей находился причал прогулочных

пароходиков. Его красочная реклама предлагала совершить часовую прогулку по Рейну, на борту работал ресторан. Прогулка устраивала, ибо лимитировала время беседы.

На борту мы оказались одни, только на корме мерзла парочка. Место для беседы оказалось весьма неудобным — официант сидел совсем рядом, стояла тишина, нарушаемая стуком двигателя да вялыми фразами парочки на верхней палубе. Клифф задавал вопросы, я отвечал.

Нужна была зацепка, которая осложнила бы беседу, выбила бы Клиффа из колеи. И она была найдена. Клифф сказал, что приготовил за «информацию» пять тысяч долларов, но в швейцарской валюте. Я удивился — швейцарская хотя и наиболее надежная, но менее приемлемая в обиходе. Лучше иметь «всемирный вездеход» — американский доллар. Попросил Клиффа поменять швейцарские франки на доллары.

Клифф занервничал. И было отчего: когда пароходик причалит, до закрытия банков останется чуть более получаса. Успеет ли? Ведь рано утром завтра я должен выехать в Женеву…

Тут уж было не до беседы. С пристани Клифф стремглав бросился в ближайший банк. А потому, как быстро он вернулся, можно было предположить, что ему кто-то помогал. Минут через тридцать Клифф принес требуемую сумму.

Он заговорил о постоянных условиях связи, заметил: может случиться так, что он не сможет выйти на встречу, поэтому вместо него может прибыть господин Норман. Так, по крайней мере, он назовется. Норман предъявит фотографию Клиффа и личное удостоверение сотрудника КККП или службы другой страны. На мои возражения против участия в работе другой спецслужбы, кроме канадской, Клифф ответил, что этого требует безопасность. Убежденность в такой необходимости сквозила во всем его облике, и я согласился. Впрочем, подчеркнул Клифф, такая ситуация может случиться только в виде исключения.

О Нормане он сказал:

— С ним можете разговаривать открыто, как со мной. Главное — это компетентный и полномочный человек, опыт которого будет способствовать нашей общей работе.

Я, в свою очередь, обратил внимание Клиффа на то, что мои встречи с ним формально ничем не прикрыты. Я коммерсант, моя узкая специальность — пластмассы, поэтому и прикрытие сотрудника КККП, работающего со мной, должно быть близким к такой специальности, хотя бы формально.

Расстались на берегу Рейна. Всегда веселый и жизнерадостный, Клифф уходил со встречи хмурым и тусклым. Его плотная фигура, в тот день сутулая и понурая, медленно

удалялась вдоль пустынной набережной…

На другой день после прибытия из Швейцарии я первым делом зашел к Михаилу Ивановичу, «своему» генералу, который живо интересовался ходом операции «Турнир», не вдаваясь в подробности.

В общих чертах я передал суть результатов визита, с огорчением сказал, что записать беседу с Клиффом не удалось — передача опертехники сорвалась. Михаил Иванович рассмеялся:

— Тут на тебя от бернского резидента пришла шифровкой «телега». Он не пожалел красок: ты и упрям, и заносчив, и недисциплинирован. Короче, «грех» со срывом записи беседы он с себя снял.

И пока я приходил в себя от услышанного, генерал, загадочно посмотрев на меня, передал часы. Модные, массивные, с металлическим браслетом.

— Обрати внимание на крохотную точку внизу циферблата. Действительно, там поблескивало какое-то отверстие.

— Ты был, возможно, на грани провала. Это первые образцы с приборами обнаружения работающих магнитофонов. Часы, а они настоящие, обнаруживают слабое магнитное поле от работающего микроэлектромотора на расстоянии одного метра…

Меня же бросило в жар, внутри все оборвалось — это был запоздалый страх. Вот и не верь после этого в предчувствия.

Михаил Иванович достал из шкафа бутылку коньяка, густота цвета которого говорила о его высоком качестве, наполнил две крохотные рюмки:

— Ну, поздравляю с удачной неудачей…

Даже бывая за рубежом, больше сигналов я Клиффу в этот год не подавал. Отсутствие связи с «московским агентом» должно было его и службу беспокоить.

Поэтому я не удивился, получив в конце года приглашение на прием, устроенный министром иностранных дел Канады «по случаю визита Канадской торговой делегации и Советско-канадской смешанной комиссии» в ресторане «Прага».

На приеме встретил нескольких канадских бизнесменов, которых довольно хорошо знал, и некоего Олейникова, канадского гражданина русского происхождения, выходца из Югославии. В разное время он работал профессором кафедры славянского языка в Макгилльском университете, переводчиком в «Интуристе», «Аэрофлоте» и ИКАО, регулярно подвизался на многих мероприятиях, где требовалось хорошее знание русского языка. Знал он его не просто отлично — был лингвистом по призванию и специализировался на славянской литературе.

Сложилось так, что ни канадцы, ни мы не считали

Олейникова «своим». От такого положения он страдал, но зарабатывал весьма неплохо.

На приеме Олейников выступал в качестве референта-переводчика. Меня он явно сторонился и даже случайно не хотел оставаться наедине. Возможно, таковыми были инструкции КККП.

В январе семьдесят седьмого года в адрес отделения торгпредства в Монреале пришло письмо фирмы «Виркем оф Канада» за подписью брата Джеффри. Вслед за ссылкой на телефонный разговор, в письме говорилось о знакомстве со мной на «Экспо-67» и с 1969 по 1972 год в Монреале. Брат Джеффри сообщал, что собирается летом побывать в Москве, а потому просит указать ему, где можно найти его друга Максимова.

Контракт века

Семьдесят шестой год начался с подготовки масштабной акции «Пять стран», суть которой была в оказании средствами разведки помощи Внешторгу в получении документальных сведений о финансировании Западом проекта комплекса гигантской мощности по производству искусственного волокна. Речь шла о сумме в миллиард долларов, участии в коммерческой сделке нескольких Десятков фирм-производителей оборудования и владельцев ноу-хау. Участниками «контракта века» были Англия, США, Франция, ФРГ и Япония.

Основная коммерческая информация пришла от источников в Японии. В целом помощь разведки позволила советской стороне располагать в полном объеме коммерческой информацией по миллиардному контракту. Внешторг высоко оценил усилия, направив официальное письмо руководству КГБ с указанием конкретной экономии — 200 миллионов долларов. А работой занимались всего три разведчика, два зарубежных источника и один «помощник» — специалист по конъюнктуре рынка. Все мы за получение сверхконфиденциальной документальной информации по условиям и ценам были награждены грамотами за подписью председателя КГБ. Чего-чего, а душевности и бумаги в КГБ хватало.

Но главное — тогда я глубочайшим образом уверовал в прикрытие как фактор в разведывательной работе.

В семидесятые и восьмидесятые годы в рядах чекистов насаждалась партийная прослойка некомпетентных людей, в основном руководителей. Сейчас, в конце девяностых, некоторые посты заняли всплывшие на поверхность посредственности — эти «серые мыши» любого «тонущего корабля». Они глубоко скрывали свою некомпетентность и оказались наверху в силу личной преданности группам, кланам, порожденным «смутным временем». Но история со временем все расставит на свои места.

В конце семьдесят шестого года сидел я с одним из сотрудников на Дзержинке и беседовал о делах во Внешторге. Неожиданно он спросил:

— Слышал, что в ФРГ арестовали нашего разведчика из НТР? — и он назвал фамилию.

— Впервые слышу. Мы ведь узнаем о таких случаях не от своих отцов-командиров, а от «вражеских голосов» типа «Би-би-си» или «Свобода».

— Дело плохо — готовится судебное разбирательство. Как думаешь, что можно сделать?

— Мы — великая держава! И не можем воздействовать на ФРГ? — закипятился я.

— Это разговоры. А реально что можно сделать, используя Внешторг?

Я думал: с ФРГ у нас широкие торговые дела, из развитых капиталистических стран — самые крупные. Торговля — это сила, которая может остановить любые акции против Советского Союза.

Выписки из планов на торговлю в очередном году были у меня на руках. Я начал изучать их, размышляя, как помочь вызволить коллегу из немецкой тюрьмы.

Нужно было использовать возможности торгово-экономического давления на правительство ФРГ, чтобы не довести дело до суда.

Я выяснил, что десятки западногерманских фирм вели переговоры, на которых вырисовывались около тридцати реальных контрактов на общую сумму около полутора миллиардов долларов. С десяток из них намечалось заключить уже в январе-марте семьдесят седьмого года. Один из этих контрактов предусматривал сумму в 200 миллионов долларов. Переговоры вели представители фирм «Крупп», «Фридрих Удэ» и других. Одна фирма договаривалась о поставке нефти в ФРГ. Фирмы имели тесные связи с правительством Германии, образно говоря, являлись этим правительством.

Детали отношений Союза с ФРГ в вопросах ближайшей торговли были доложены руководству разведки. «Колесо» по подготовке операции вызволения разведчика из тюрьмы завертелось. В случае успеха удастся приостановить судебное разбирательство и, как следствие, ликвидировать угрозу развязывания шпиономании.

В фирме ФРГ был найден политик — член бундестага. Он сделал запрос в правительство: «Кому выгодно судебное разбирательство в отношений советского шпиона?» Там трезво рассудили, что нового в судебном деле они не откроют, лавров на антисоветской истерии в Европе не заработают, а вот хорошо налаженные деловые отношения могут быть подпорчены: реакция на такие вещи России трудно предсказуема…

И наш разведчик Новый год справлял в кругу семьи в Москве.

«Майкл Дзюба умер. Теперь вы — Стадник…»

На очередную встречу с Клиффом я смог вылететь только в ноябре семьдесят седьмого года.

Вынырнув из-под облаков, самолет устремился к посадочной полосе, метрах в трехстах от которой проходила автомагистраль. Слабый толчок, и многотонная машина стремительно покатилась, притормаживая.

Взглянул в окно: о Боже, пристроившись к нам, почти под крылом, по бетону неслась крохотная танкетка на гусеничном ходу. В ее открытом кузове за турелью крупнокалиберного пулемета сидел солдат, устремив ствол в сторону автомагистрали.

От встречающего бизнесмена я узнал, что за день до прилета неизвестными с автомагистрали при посадке был обстрелян самолет одной из авиакомпаний.

Танкетка — мера предосторожности.

Гостиница была заказана рядом с вокзалом. В тот же день заметил за собой слежку, которая с этого момента практически сопровождала меня все время пребывания в Швейцарии.

Закончив дела в Цюрихе, через пару дней я выехал поездом в Берн. Прямо с вокзала направил в Оттаву условную телефонограмму с вызовом на встречу в Женеву. Быстро закончив дела в торгпредстве, в тот же день выехал туда. За окном неторопливо идущего поезда разворачивалась красивая панорама. На душе было неспокойно: как-то пройдет очередная встреча, не появится ли новое лицо — ведь к Клиффу я уже привык…

В Женеве предстояла работа на Международной выставке изобретений. Я зарегистрировался, оставив адрес гостиницы, в которой останавливался и в прошлый приезд.

Слежка продолжалась. Даже поздние вечерние прогулки подтверждали — «наружка» на месте.

На четвертый день в номере зазвонил телефон. Человек назвался Норманом и предложил встретиться «для деловых переговоров». Место — ресторан «Сенат» — я подобрал заранее по рекламному буклету. Пришел туда минут за пятнадцать, сел за уединенный столик. Народа в ресторане не было — начало дня.

Вскоре появился человек высокого роста, внимательно посмотрел на меня и, поздоровавшись, сел напротив. Был он сутул, костист, из-под кустистых бровей смотрели маленькие пристальные глазки. Большие волосатые руки, сжатые в кулаки,

он положил перед собой. Господин был внушительного и решительного вида.

Отрывистым, даже грубым голосом человек сказал, что рад видеть меня, хочет получить информацию и передать деньги. Я возмутился:

— Кто вы такой? Что вам нужно? Я вас не знаю!

— Да, да, конечно, — уже мягче произнес он, быстрым движением извлек визитную карточку и положил передо мной. В ней значилось: «Стадник. Торговый представитель фирмы “Хаски инджекшин молдинг системз лимитед” в Оттаве», телефон, адрес.

— Это мне ничего не говорит, господин Стадник, — сказал я.

— Стадник — это вы! — резко произнесла костистая личность. — Это ваша визитная карточка. Майкл Дзюба умер. Нет больше Дзюбы. И Билла Клиффа нет, ушел на пенсию.

Только теперь он показал мне фотографию Клиффа и свое удостоверение сотрудника КККП на имя Томаса Квилли, пояснив:

— Я четвертый человек в руководстве КККП. Теперь будете работать со мной. Звонить будете по телефону, указанному в визитке Стадника.

— Хорошо, — ответил я, — Клифф ушел на пенсию в сорок лет. Но почему же мне нужно менять фамилию? На имя Дзюбы открыты счета в банках, выписано много разных документов…

— Менять нужно обязательно, — властно перебил меня Квилли, — Дзюбу знает ЦРУ. В Штатах идет расследование, и парни из ЦРУ проваливают одно дело за другим. С разоблачениями их деятельности газеты выступают чуть не каждый день. Они уже завалили не одного агента, назревают новые скандалы. Если будете в США, то ни в коем случае не ищите связи с нами через американцев. Забудьте обо всем, что вам о ЦРУ говорил Билл. Что же касается документов и счетов в банках, то мы все предусмотрели.

Говоря это, Квилли достал из «атташе-кейса» пачку бумаг, извлек оттуда канадский паспорт с моей фотографией на имя Ярослава Стадника.

Мысли стремительно обгоняли друг друга — как вести себя в этой ситуации? А Квилли подсовывал новые документы: кредитную карточку Канадского банка, письмо об открытии счета, страховую карточку — все на новое имя.

Встреча прошла в разговорах и сомнениях по поводу обеспечения в новой ситуации безопасности моей работы. Решительный тон Квилли встречал мои аргументированные доводы, ибо меня весьма «беспокоило» будущее. Неожиданно Квилли спросил:

— А почему вы не спрашиваете о канадских документах на

жену и детей? Мы ведь и о них думали. В следующий раз привезем паспорта и им.

Нужно было отвечать незамедлительно. Квилли внимательно следил за моей реакцией. Да, это был не добродушный и покладистый Клифф.

— Если бы я хотел жить в Канаде, то мог бы это сделать еще во время работы там. Вы знаете, что Дэнтермонт предлагал мне это, и Билл тоже. Но я насмотрелся на жизнь там и не очень-то туда тороплюсь, разве что в целях безопасности… Знаете, не так-то легко сменить родные места, в которых прожил сорок лет, — тоска заест. Кроме того, есть обязанности перед детьми. Вот когда они вырастут, когда будет все позади… А пока я хочу жить у себя на родине. Потому паспорт для жены не нужен. А будет провал — паспорт понадобится только мне.

Квилли ответ вроде бы удовлетворил, но я был настороже.

И не ошибся. Через некоторое время Квилли задал еще один вопрос:

— А как вы обращаетесь с деньгами? Где храните? Как тратите? Как провозите через границу? Ну, через швейцарскую — тут ясно, проверки особой нет, а вот на русской границе? — и опять внимательное наблюдение за реакцией.

— У меня высокая зарплата и добавление к ней сотни из «ваших» денег не вызывает подозрений даже у жены. Кроме того, я покупаю книги в букинистическом магазине, истинную цену которых трудно проверить, она меняется. Или покупаю там же с рук… Но основная масса денег хранится «на черный день» на даче, в земле и за пределами участка. Провоз? Это тоже не так уж сложно. Конечно, деньги не держу на виду, маскирую. Ведь мы с таможенниками из одной системы, из Минвнешторга. Они к нам не придираются.

Не заставил себя ждать и третий вопрос, заданный также неожиданно, как бы врезанный в контекст другой темы:

— Почему вы выезжаете за рубеж один? — Квилли пытливо смотрел на меня в упор.

— Ну, это не совсем так, точнее, совсем не так. Прошлый раз нас на выставке в Базеле было человек десять.

Да и в Торонто в семьдесят третьем я был не один, вы это знаете. Почему вас не удивляло, что я разъезжал по Канаде один, когда работал там постоянно? — Я сам стал задавать вопросы.

— Это так, но русские обычно выезжают группами. Почему вам такое доверие? — настаивал Квилли.

— Какие русские? Делегации ученых и специалистов? Так они едут группами, чтобы вместе работать, а в торговле дела делаются по-другому. Там не нужна куча людей. В одном вы

правы: наши правила запрещают встречи с иностранцами поодиночке, но в торгпредстве практически невозможно работать по таким правилам — времени не хватит. И опыт кое-что значит, вот и езжу временами за рубеж один.

Квилли, судя по всему, ответом удовлетворился, даже поддакивал иногда.

— Мы проанализировали вашу информацию. Она далека еще от того, что нужно было бы нам. Вы опасаетесь, что она может быть реализована не так, как следует, и повредит вам? Ваше право так думать. Я предлагаю вам следующее: в будущем особенную информацию мы обсудим вместе и решим, как ее можно будет реализовывать, не нанося ущерба вам. Точнее, как ее не следует реализовывать…

Квилли подробно расспросил о программе моего пребывания в Швейцарии. Его тон стал менее напористым, даже взгляд потеплел. Ссылаясь на занятость, я стремился сократить встречу — это был все же новый человек из КККП. Предложил встретиться в Цюрихе перед отъездом, назначил место, дату и время.

За два дня до отъезда в Союз я прибыл в Цюрих. Заранее еще раз проверил ресторан, где ожидалась встреча, выяснил, что заведение открывается только вечером. Встреча же была назначена, на два часа дня. Пришлось подыскать другое место, вблизи первого, — маленький ресторанчик, затерявшийся среди домов старой постройки.

Около двух часов я направился к месту встречи. Издалека увидел долговязую фигуру Квилли, который стоял, прислонившись к стене дома на другой стороне улицы. Поздоровавшись, я сказал, что ресторан закрыт. Квилли уже знал об этом. Объяснил, что рядом есть местечко. Пошли к нему. В ресторане оказалось много народу — какая-то группа туристов заняла весь зал. Естественно, о серьезном разговоре не могло быть речи. Квилли заметно нервничал.

Я передал ему устную, заранее приготовленную, информацию. Квилли тщательно записывал в блокнот. Я спросил, есть ли у него магнитофон для записи нашей беседы, Квилли ответил отрицательно. Было ли это правдой, сказать трудно. Клифф записывал в блокнот, но было заметно, что делал он это лишь для вида. Квилли же весьма усердствовал в фиксировании моей «информации».

Затем он передал мне новое задание — небольшой листок бумаги, на котором от руки были написаны вопросы. Их было девять. Вопросы об интересе к Минвнешторгу чередовались с вопросами обороноспособности. Речь шла уже о целенаправленном сборе информации, которая могла бы нанести

государству большой политический и моральный урон, привести к миллионным убыткам в экономике. Вопросы таили в себе угрозу для безопасности советским людям за рубежом.

Передо мной вновь лег удлиненный пакет с долларами. Квилли сказал, что к следующему разу он приготовит перечень вопросов, которые для них представляют особый интерес, поэтому против каждого он проставит цену — от ста до нескольких тысяч долларов. Канадская спецслужба, видимо, была уверена, что этот своеобразный прейскурант заставит меня работать с удвоенной энергией.

Квилли заострил мое внимание на том, что если мне удастся заранее предупредить о готовящейся против Канады, США или другой страны НАТО конкретной политической или экономической операции, то только за одно это я смогу получить разовое вознаграждение, исчисляемое пятизначными цифрами.

Канадский контрразведчик тепло распрощался со своим «московским агентом».

Пленка для спутника-шпиона

Середина семидесятых годов была ознаменована потеплением в отношениях между СССР и США. На самом «верху» было принято решение о начале широкомасштабного торгово-экономического сотрудничества с американцами. Внешторгу дано указание прекратить конкретные торговые переговоры с фирмами Европы и Японии — традиционными партнерами СССР.

Заигрывание «кремлевских старцев» с США дорого обошлось стране. Выделенных «триадой» — ЦК, Советом Министров и Верховным Советом — средств на закупки в США не хватало. «Триада» распорядилась заключать контракты с американскими фирмами на выгодных для них, а не для нашей стороны, условиях. Это означало переплату на 15–50 процентов по сравнению с контрактами, заключенными с европейскими фирмами, а с Японией — и того больше.

Последовавшая в конце семидесятых новая конфронтация привела к расторжению американской стороной всех торговых сделок с СССР. Правда, США убытки своим фирмам компенсировали. Советский Союз понес только в масштабе Внешторга ущерб несколько миллиардов. Внешторг вынужден был восстанавливать деловые отношения со старыми традиционными партнерами, причем по тем же контрактам, но в ценах более высоких.

Советская сторона потеряла не только огромные суммы нищающего народа, но и время, необходимое для ввода технологических процессов фактически во всех отраслях народного хозяйства. Ни один агент влияния западных спецслужб в нашем правительстве, если бы он был, не смог бы нанести столько вреда.

В делах НТР наступил очередной виток в реализации «моей личной космической программы». И опять через источников в Японии. Это было мое последнее вложение в космические дела и, можно сказать, в дела по линии НТР вообще.

В начале девяностых годов со страниц ведущих газет и в сообщениях ТАСС исчезли сообщения о запусках спутников серии «Космос». К этому времени общее число запусков подходило к трем тысячам. И только в начале девяносто седьмого года в СМИ прошла информация: едва стартовав на космодроме Плесецк, взорвалась ракета со спутником серии «Космос».

А в шестидесятые и семидесятые годы запуски «Космосов» шли с интервалом в два-три дня. Миллионы «оборонных» денег «выходили» на орбиту в виде спутников-шпионов, делали свое

дело в интересах космической разведки над территориями США и стран НАТО в Европе. Затем они сгорали в верхних слоях атмосферы, успев вернуть на Землю контейнеры с фотопленками, запечатлевшими изменения на потенциальных театрах военных действий. Естественно, в прессе об этих задачах «Космосов» ничего не сообщалось.

Думаю, американские спецслужбы, специализирующиеся на анализе открытых источников информации нашей страны, должны были обратить внимание на тот факт, что в конце семидесятых интервал запусков увеличился фактически в три раза.

Что же произошло в нашей военно-космической программе? Более мощные ракеты выводили большее количество фотопленки? Едва ли — ракеты были поточного изготовления. Может быть, оборудование усовершенствовалось? Последнее было близким к истине, но…

В конце семьдесят шестого года ко мне обратился мой торговый коллега из Главного инженерно-технического управления Минвнешторга. В задачу ГИТУ входили закупки технологии и оборудования «строгого эмбарго». Обращение было не случайным: по линии прикрытия мне вменялось в обязанность возглавлять в «своем» внешнеторговом объединении группу новой техники, которая занималась заданиями ГИТУ по товарам эмбарго.

— Анатолий, есть дело, и щепетильное, — начал Олег. — Закрытое НИИ работает над весьма значительным для военного космоса проектом. Конкретнее сказать пока не могу — еще сам не разобрался. Ясно одно — нужна фотопленка. Ты уже занимался подобным делом — фотопластинками для космоса…

Многолетний опыт работы с ГИТУ показывал: с таких разговоров начинались дела, частенько выливавшиеся в сложнейшие задачи торгового характера с участием НТР.

Предположения оправдались. Спустя несколько дней разговор был продолжен в кабинете шефа ГИТУ (он же шеф «третьего добывающего ведомства»).

— Дело не просто в космической разведке — в принципиально новом решении проблемы с материальными выгодами в масштабе страны. Подробнее поговорите с заказчиком — оборонным НИИ.

— Мои отцы-командиры из НТР сопротивляются работе с вашим добывающим ведомством. Придется перед своими прикрываться работой по «крыше».

Заказчик не заставил долго ждать себя. Директор НИИ, главный конструктор и еще один специалист приехали в

Минвнешторг. Институт испытывал трудности в разрешении проблемы — «вписать» в стандартные фотоприборы спутника-шпиона серии «Космос» больший объем пленки. Требовалась принципиально новая фотопленка на более тонкой основе, с более тонким слоем фотоэмульсии при более высокой разрешающей способности.

Изучив мировую практику, в том числе материалы разведки, НИИ пришел к выводу, что ни одна страна, даже США с ее «Кодаком», не решали эту проблему — ни в интересах космоса, ни ширпотреба.

Я напомнил, что недавно по линии спецгруппы МВТ по заданию ВПК проходило задание по добыванию из США фотопленок из серии экспериментальных, причем того же «Кодака».

— Мы их получили, но нужна еще тоньше, — сказал специалист. — Основа у нас есть — от «Агфа-Геварт» из Бельгии. Это шесть микрон полимерной пленки, а вот эмульсии нет ни в США, ни в Японии, ни в ФРГ или Бельгии.

— И как вы видите разрешение этой задачи? — спросил я, все более увлекаясь предстоящим сложным делом.

— Соединение разных технологий разных фирм…

— И разработка принципиально нового? — начинал понимать грандиозность замысла. — Какие есть идеи?

Директор, главконструктор и специалист переглянулись и воззрились на шефа «третьего добывающего ведомства».

— Говорите, говорите, — подбодрил он. — Ведь и полимерная пленка из Бельгии, фотопленки и фотопластинки для космоса, да и кодаковские пленки — это все дело рук Анатолия Борисовича.

— Нас не устраивают даже шесть микрон. Мы решаем принципиально новую задачу — создать пленку, у которой эмульсия будет основой, хотя бы частично.

— Но ведь «Космосы» летают чуть ли не каждый день.

— А сколько они стоят! Миллион за один полет. Мы хотели бы продлить съемки в космосе раза в два. Нужно собрать в один «куст» — на одной из фирм Запада — сведения о самых современных фотопленках.

Итак, мне, как представителю разведки, отводилась роль гаранта и организатора решения этой задачи на конспиративной основе. Нужно было найти среди иностранных связей человека, который не только согласился бы на такую работу, но и смог выйти на фирму-проектировщика и изготовителя оборудования. Нужно было найти такую фирму, получить ее согласие на работу по фиктивному контракту в обход запретов КОКОМ. Наконец,

найти каналы комплектования оборудования и вывоза в Союз, минуя рогатки контроля.

Я остановился на Японии, имеющей свои возможности в США. Диапазон возможностей с позиции Японии был значительно шире: тонкие пленки для фотоматериалов, оборудование и отдельные узлы для производства и, наконец, спецфотоэмульсия для авиакосмических пленок.

У меня была заветная папочка — обобщение опыта. Что греха таить, любил посидеть и поразмышлять над фактами и случаями из оперативной жизни, превращая их в схемы и таблицы. В то время, в семьдесят шестом, папочка содержала всего несколько листочков, но каких! Например, один с заголовком: «Япония — канал для “эмбарго”». На нем несколько тезисов:

• Япония активно занята ПШ — промышленным шпионажем во всех областях науки и техники, причем во всех регионах мира;

• закона, запрещающего ПШ, в стране нет;

• ПШ — удел отдельных фирм и корпораций;

• «японское ЦРУ» — ИИБ (исследовательское информационное бюро) при кабинете министров, в его составе всего около ста человек, включая представителей от разных министерств;

• связи с США: через ТНК, наднациональные фирмы, путем слияния фирм, филиалы, международные организации;

• отделения и филиалы в США, Европе, СССР и соцстранах;

• особенность: японцы необычный объект интереса как люди, коммерсанты, специалисты и ученые.

На листочке делалось обобщение по каналам добывания информации и образцов: США, Европа (Англия, Италия, Франция, ФРГ), международные выставки, затем через Японию в СССР.

Я остановил внимание на красочной схеме. Условные знаки рассказывали мне об источниках и их связях на фирмах. Эта схема была самым ценным материалом в моей «коллекции». Она вобрала в себя более десятка полезных источников и полтора десятка подисточников, которые имели, выход на десятка три компаний — торговых, производственных, японо-американских и других. Они имели связи и отделения, а иногда филиалы, в двух десятках стран на всех континентах. По этим каналам уже не однажды поступала информация, которой источники обладали сами или могли получить по заданиям разведки через подисточников, чаще всего «втемную».

В цепочке: источник-подисточник-фирма-производитель фотооборудования прослеживалась связь со США и Англией. Там источник «Касандр» — имеет опыт работы с заданиями по скрытой поставке в Союз образцов, в том числе и объемных, а

главное — опыт работы с фотооборудованием ему не в новинку.

Недели через две «Касандр» был вызван в Москву. Оговорили возможных кандидатов из числа австрийских, английских и японских фирм. Конечно, мы понимали, что лучше всего было бы иметь дело с японской фирмой, имеющей источников в «китах от фотодела».

«Касандру» рекомендовали вселить руководству фирмы желание убить двух зайцев: заработать на делах с русскими и обогатить свой (да и мировой) опыт новой технологией и оборудованием на этом специфичном рынке, давно уже поделенном. Прием уже не раз использовался нами через своих источников.

О деталях моих переговоров с НИИ «Касандру» я не говорил.

Менее чем через месяц я получил условный телекс: «Фирма найдена, приезд ожидается в ближайшие месяц-два». И действительно, вскоре источник привез в Москву трех японцев — вице-президента фирмы «Конидай фото», главного специалиста и коммерческого директора. Троица была полномочна решать вопросы практического характера.

В целях безопасности от КОКОМ в Москве японцы были якобы проездом. «Касандр» начал приучать японцев к скрытности действий. Те дали «обет молчания», но не нашей стороне, а «Касандру». Такой подход всех устраивал, ибо не называл вещи своими именами.

Переговоры были трудными. Требования по технике были столь необычными, что настораживали японскую сторону. Японцев не покидало сомнение в возможности решения задачи, сформулированной русскими.

Но больше всего их беспокоила коммерческая сторона дела. И не столько сумма контракта и порядок оплаты, сколько гарантии с участием арбитражного суда — ведь контракт будет иметь фиктивную часть, которую в суде представить невозможно. Спас положение «Касандр», убедивший японцев довериться советской стороне.

Три раза представители фирмы побывали в Москве… Контракт был подписан с соблюдением всех внешних формальностей, но с фиктивной стороной дела.

Как стало известно через «Касандра», фирма раздобыла ноу-хау у ведущих фотокомпаний. Проектирование, изготовление оборудования и испытание его с последующей отработкой технологии заняло время до конца года. Осенью наши специалисты побывали в Японии, прикрываясь посещениями других фирм и промышленной ярмарки. Визитом они остались довольны, тем более что к этому времени «Касандр» «подработал»

одного из специалистов фирмы «Конидай», который передал за вознаграждение ноу-хау по тематике фотодела, полученное в результате ПШ.

Фирма «Касандра» выступала торговым посредником, но в силу своей малости не могла быть финансовым гарантом проекта ни для нас, ни для производителя. Последний мог попасться на ПШ по тематике фотопленок, когда решал свою задачу в США или Англии, ФРГ или Бельгии. Тогда он не выполнил бы контракт на разработку «русской идеи». С другой стороны, он мог не справиться с технической задачей, оказаться в поле зрения того же КОКОМ.

Наконец, и фирма «Касандра» могла стать объектом интереса КОКОМ при вывозе оборудования на основании экспертизы, которая позволила бы убедиться, что в Союз вывозят товар строгого эмбарго. При этом и «Конидай» и фирма «Касандра» попадали бы в «черные списки». А это уже лишение права для них иметь дела с двумя десятками стран-членов КОКОМ.

Это их риск. А наш? Не будет нужной нам технологии — потеряем время. В случае провала будет невозможно решить проблему нашей «оборонки», ибо КОКОМ возьмет под строгий контроль все каналы поставки по сходной тематике в Страну Советов. Наши материальные потери сводились к минимуму — это предварительная оплата в размере пяти процентов от суммы контракта. Хотя и эта сумма была значительной.

Все наши действия: переговоры «Касандра» с фирмой, подготовка отправки и оформление документов оборудования велись при участии разведчика, который совместно с «Касандром» разрабатывал стратегию и тактику ведения дела на всех этапах.

В результате наше военная космическая программа получила самый современный фотоматериал для космической разведки с помощью спутника-шпиона серии «Космос». Эффективность определялась не только разрешающей способностью фотопленки, но и тем, что вместо трех «Космосов» на орбиту выводился лишь один. И это в то время, когда стоимость одного полета была миллион рублей, а цена буханки хлеба — 10 копеек, книги — менее рубля, автомашины — 5000 рублей.

Когда готовился указ о награждении участников операции с фотопленкой для «Космосов», НИИ включил разведчика в списки. Поддержал кандидатуру и шеф «третьего добывающего ведомства». Но не руководство НТР. Шефу «третьего» было сказано: «Это его не главная задача в работе с позиции МВТ…»

Ради государственного дела мне пришлось пойти наперекор руководству НТР. Такое не прощается. Но именно в полезности отечеству и состояла моя главная награда.

Ведомственные амбиции расцветали на теле живой разведывательной работы. Награды раздавать тем, кто был ближе к начальству, за податливость, бесхребетность. Я же был строптив, с чиновничьей точки зрения назойлив, а значит, неудобен, хотя бы это и ради дела.

Нет, сегодня мне не горько от былых несправедливостей. Сегодня я свободен, ибо никому ничего не должен: ни руководству, ни НТР, ни госбезопасности в целом. Работал, не считаясь с оценками, как мог. И мне удалось кое-что сделать. Это главное.

С годами я обратил внимание на странную особенность: если разведчик в силу разных причин проваливался, был арестован, его представляли к награде. После этого его карьере «открывался зеленый свет».

Провал в разведке — это волна шпиономании, политический ущерб стране. Выставляя «погоревшего» разведчика в ореоле «мученика», руководство госбезопасности преследовало определенную цель — получить от правительства и партии своеобразную «индульгенцию» на право провалов, узаконив его путем официального награждения «виновника торжества».

А как быть с рядовыми, чернорабочими разведки, кто не провалился? Их ведь было большинство! И нет мне ответа.

На середину 80-х пришлось разбухание штатов в центральном аппарате и в резидентурах, «показуха» достигла своего апогея. На партийной конференции представители всех подразделений разведки собрались в актовом зале штаб — квартиры на восемьсот мест. В президиуме сидели руководители разведки и курирующий ее представитель ЦК КПСС. Энергичный в «показухе» очередной начальник НТР, но не истинный ее руководитель, бодро докладывал о достижениях. Отчитаться было чем. Но почему-то особо он выделил работу над специальным заданием ЦК партии по добыванию технологии производства высококачественного мороженого.

Подуставшие от словопрений разведчики дремали или обсуждали шепотом свои проблемы. После сообщения «о разведзадании по мороженому» зал разразился неистовыми аплодисментами. Это был, можно считать, первый массовый вызов бюрократизации разведки. Это был и вызов политике управления страной «кремлевскими старцами».

Вот почему августовские события девяносто первого года я воспринял как возможность перемен в моей стране.

Глава 6
Ответный ход

Финал «ближнего боя»

В феврале семьдесят восьмого года я интенсивно готовился к очередной встрече с канадцами. Однажды мой куратор по операции «Турнир» позвонил мне домой и попросил следующим утром приехать в штаб-квартиру в Ясенево. Рабочий день начался в кабинете Калугина.

— Анатолий Борисович, канадцы начали очередную кампанию против советской колонии. Объявили, о выдворении тринадцати человек — дипломатов и из торгпредства. Такого они еще не устраивали.

Я почувствовал: что-то произойдет с «Турниром». И не обманулся.

— Нам поручили принять ответные меры. Пока хотим уведомить канадскую сторону — через их министерство иностранных дел — о противоправной работе КККП в среде советских граждан. В общем виде. Может быть, они поймут, что у нас есть что представить на суд канадской общественности.

— Вы хотите реализовать операцию «Турнир»? Предать гласности ее детали? Но остановит ли это канадцев?

— Щепетильность вопроса в том, что канадская спецслужба стравливает нас с «чистыми» — мидовцами, торгпредовскими, прессой — в списки выдворяемых они тоже попадают.

Озадаченные, мы с куратором покинули кабинет Калугина. Началось характерное для любого государства раскручивание политического давления. Через советскую прессу в адрес канадской стороны последовали обвинения в недружественных актах. ТАСС, «Правда», «Известия» писали о необоснованности обвинений в «недозволенной деятельности наших граждан в этой стране».

Сделала заявление и Коммунистическая партия Канады, в котором обращала внимание общественности страны на попытку отвлечь внимание от противоправных действий канадских спецслужб в отношении своих граждан. «Известия» писали о слежке КККП за политическими деятелями Канады, ее сотрудничестве с американскими разведслужбами.

О работе канадской спецслужбы по вербовке советских граждан пока не упоминалось. Шла обычная в таких случаях перепалка с обвинительным акцентом: «Нас выгоняете, а сами…» Приводились факты вмешательства ЦРУ в дела франкоязычного Квебека. И все это с использованием сведений из канадской прессы. Не миновал упреков даже генеральный стряпчий Канады Уоррен Олменд, который курировал КККП в 1971–1975 годах. Тот

самый, что подписал документ о предоставлении моей персоне политического убежища под именем Майкла Дзюбы.

Свертывание операции «Турнир» фактически началось 10 марта 1978 года, когда в «Известиях» появилась обширная статья под интригующим заголовком «Кому это выгодно?» Часть ее была посвящена событиям, связанным с операцией «Турнир». Но и этого было достаточно, чтобы понять: наши органы госбезопасности располагают сведениями о «завербованном русском коммерсанте».

Прочитав статью, я понял, что в ближайшие дни мой коллега Саша начнет готовить дело «Турнир» к сдаче в архив. Наша сторона обвиняла КККП в попытках вербовки советских граждан, в подслушивании их квартир и учреждений. Обо мне было сказано, как о некоем сотруднике торгпредства М., ставшем жертвой происков канадской спецслужбы, упоминались документы на вымышленные имена и гарантийное письмо на случай моего бегства за рубеж.

Канадская пресса активно подхватила сообщения из Москвы. Тем не менее все попытки советской стороны смягчить скандал и помешать выдворению из страны хотя бы несколько «чистых» сотрудников успехом не увенчались.

И вот тогда мне было предложено встретиться с известным писателем и публицистом Аркадием Сахниным, человеком легендарной судьбы. Участник войны, чудом выживший после тяжелейшего ранения, своими острыми статьями он не раз будоражил общественность страны: о работе «вражьих голосов» или организаций типа Народно-трудового союза, разоблачал зарвавшихся чиновников высокого полета. В антисоветские организации за рубежом он проникал под чужим именем с риском для жизни.

Несколько дней мы работали над статьей «Паутина» о событиях 1967–1977 годов. Во второй половине марта она появилась в «Литературной газете». Мои фамилия и место работы были в статье изменены. Выступал я под именем Алексея Богдановича Мартынова. Но факты были изложены почти в полном объеме.

Ажиотаж вокруг публикации быстро улегся, и мне стало тоскливо: я потерял «ориентацию» при отсутствии острых ситуаций «ближнего боя со спецслужбой». Для меня исчезла линия фронта тайной войны — я оказался в глубоком ее тылу.

Воспоминания о «Турнире» грели душу, но не заменяли былую остроту восприятия окружающего мира. Я по крохам собирал разрозненные сведения об этом важном в моей оперативной жизни событии. Два тома с пометкой «хранить

вечно» были сданы в архив, и доступ к ним для меня был закрыт. Но личное досье тоже под названием «Турнир» пополнялось. Когда я в 93-м от канадского «коллеги» узнал о названии операции с их стороны — «Золотая жила», в досье входило более семидесяти документов.

Взгляд за кулисы КККП

Когда с момента операции прошло пять лет, мое досье пополнилось новыми сведениями. Причем информация исходила с канадской стороны. Это был взгляд за кулисы КККП.

По заданию оттавской газеты «Ситизен» журналист Майкл Макдональд в течение нескольких недель вел расследование дела, связанного с «вербовкой» русского коммерсанта сотрудниками канадской спецслужбы. В январе 1983 года результаты его работы появились в канадской печати.

Журналист кратко изложил статью в «Литературной газете», одновременно давая обширные комментарии к действиям КККП в связи с вербовкой «московского агента».

Что же творилось в Канаде и штаб-квартире КККП все эти годы нашего «сотрудничества»?

В субботний день февраля 1978 года в доме Брюса Джеймса, одного из руководящих сотрудников КККП, раздался телефонный звонок. На другом конце провода был обеспокоенный глава КККП Роберт Сайммондс: «Русские преподнесли нам сногсшибательную новость. Я заеду за тобой. Нам надо обсудить, что же делать». Несколькими часами раньше советское официальное лицо посетило канцелярию премьер-министра Канады и предъявило ультиматум: если антисоветская кампания не прекратится, то советская сторона будет вынуждена предать гласности тот факт, что сотрудники КККП осуществляли разведывательную деятельность в других странах. Фабриковали фальшивые паспорта и подделывали письмо от имени кабинета министров. Это был вызов премьер-министру Трюдо, который однажды заявил, что КККП не проводит тайных операций за пределами Канады.

Когда прозвучал звонок Сайммондса, Джеймс понял, что «сногсшибательной новостью» может быть только одна вещь. Он позвонил своим людям в отдел операций «Б» и потребовал подобрать досье с документами по делу Анатолия Максимова, добавив при этом: «Всех нас ожидает длинный уик-энд…»

В Министерстве иностранных дел Канады Сайммондс и Джеймс предстали перед трибуналом, который состоял из Айвина Хеда — советника премьер-министра по внешним сношениям, Алена Готлиба — помощника министра иностранных дел и Мишеля Питфильда — члена тайного совета и наиболее влиятельной фигуры в общественных делах. Трибунал заседал два дня.

Питфильд уведомил трибунал, что обвинения русских

наиболее серьезные из всех, которые они когда-либо выдвигали против КККП. Хед огласил рукописные заметки, сделанные во время встречи с русскими, которые были готовы предоставить в распоряжение канадской стороны все — имена, даты, места, номера паспортов. Они ожидали ответа от канадского правительства.

Сайммондс и Джеймс понимали: все, о чем говорили русские, — правда. Они подтвердили собравшимся: зарубежные операции КККП имели место в других странах, но осуществлялись с разрешения их правительств, в частности США и Швейцарии.

Но об изготовлении паспортов и других документов, а также письма за подписью министра юстиции канадское правительство не знало. Члены трибунала и глава КККП пришли к выводу, что эти документы имели жизненно важное значение для дела. Журналист добавлял, что цена этому «делу» — карьера шести блестящих сотрудников КККП.

После трибунала Сайммондс говорил в близком окружении: «Что меня разозлило, так это то, что парни, которые готовили документы, не воспользовались обычной процедурой получения паспортов». Трибунал он заверил, что незаконные действия будут расследованы, и дал указание двум беспристрастным сотрудникам КККП допросить Джеймса и всех его сотрудников, которые имели отношение к этому делу.

Когда стало ясно, что закон нарушен, Сайммондс доложил выводы по расследованию правительству и комиссии Макдональда. Позднее один из сотрудников КККП с горечью говорил: «Эти парни действовали ради того, чему они посвятили всю жизнь, а Сайммондс третировал их как заклятых преступников…»

Журналист рассказал о начале моего знакомства с Джеффри Вильямсом. Последнего он назвал ловким собеседником, который умеет хорошо слушать. Эту дружбу вскоре заметили люди канадской спецслужбы и быстро нашли с Вильямсом общий язык. Для КККП он стал человеком, которого на жаргоне разведки называют «агентом, имеющим перспективный подход», то есть тем, кто уже установил хорошие отношения с интересующим разведку лицом и может снабжать ее информацией, имеющей важное значение для проведения вербовки. С помощью четырех других агентов — «связей Максимова» КККП к моменту моего отъезда из Канады составило обо мне такое представление: «Алчен к деньгам и корыстолюбив, как любой капиталист…»

В главной штаб-квартире КККП в Оттаве остро обсуждались аргументы «за» и «против» продолжения работы со мной.

Дэнтермонт приводил доказательства, говорящие в пользу того, что Максимов искренне желает перебежать на Запад и работать пока на канадцев. Другие сотрудники соглашались с этими доводами. Но Дан Мулвенна, специалист политической разведки КККП, предостерегал: русский может лишь «изображать перебежчика».

Порешили, что работу можно продолжить, но осторожно. Возникли и осложнения. Неожиданно стало известно, что слухи о попытке вербовки русского коммерсанта проникли в другие подразделения штаб-квартиры КККП. По вине болтунов возникла ситуация, которая была способна убить идею всего дела.

В КККП решили отвести от связи со мной Дэнтермонта: во-первых, он должен был продолжить работу в Монреале и, в частности, распространить слух, что попытка вербовки в поезде сорвалась, во-вторых, если Максимов действительно агент-двойник, штаб-квартира в Оттаве хотела осуществлять прямой контроль за ходом дела.

Встреча в плавучем ресторане была передачей меня на связь новому «контролеру». Журналист написал, что русский взял верх, ставя свои условия. И заметил: русский имел довольно хорошую память, но умственные его способности не были поняты сотрудниками КККП еще несколько лет.

После моего отъезда из Торонто в 1973 году в штаб-квартире КККП настала горячая пора: если удовлетворить условия Максимова, придется нарушить канадские законы. Однако сотрудники КККП располагали до следующей встречи достаточным временем, чтобы серьезно призадуматься, как работать с появившимся в Москве источником.

Они понимали, что ошибка в таком деле означала бы ошибку и в их жизненном пути. Но невыполнение условий Максимова означало бы провал наиболее важного для КККП дела.

Через сотрудника КККП Френка Шортхилла подошли к работнику паспортного стола министерства иностранных дел Канады, который изготовил фальшивый паспорт на имя Майкла Дзюбы. Сотрудники подделали банковский счет, свидетельство о рождении, карточку социального страхования, а отдел «Л» обеспечил деньгами.

Оставалось гарантийное письмо. Но такие гарантии по канадским законам невозможно предоставить. Убежище — да, но гражданство? Ни один министр, тем более Трюдо, не стал бы подписывать подобные гарантии. И в КККП на бланке генерального прокурора Канады Уоррена Олменда сфальсифицировали письмо, подделав подпись прокурора.

Встречу в Нью-Йорке проводили с согласия и при участии

ФБР. После этой встречи сотрудники КККП поняли, что теперь для работы с русским надо иметь настоящий паспорт. Документы на имя Дзюбы были приготовлены только для того, чтобы показать их мне и тем укрепить доверие к КККП. Сотрудникам КККП требовался паспорт и другие документы, которыми я мог бы воспользоваться, если бы действительно решился уйти на Запад. Значит, Майкл Дзюба должен был «умереть». И он «умер», а узаконенное канадское гражданство должно было появиться.

После встречи со мной в Нью-Йорке сотрудники КККП Арчи Барр, Стенли Чишолм и генерал Майк Дар встретились с Эдом Риши, заместителем помощника министра иностранных дел. Когда Риши сказали о паспорте, который был необходим для обеспечения безопасности одного важного источника в деликатной операции, он выразил согласие помочь КККП. Однако позднее отказался от участия в этом деле. Сотрудникам ничего другого не оставалось, как понадеяться на свои силы. И они организовали новый паспорт через документалиста КККП Барта Харта.

Весной 1976 года швейцарцы дали согласие на встречу сотрудника КККП со мной в их стране. Полученная от меня информация, как они оценивали, производила впечатление поверхностной, но последовательность в работе позволяла предполагать о перспективности и полезности агента.

Дан Мулвенна и Джек Макмахон, экономический эксперт КККП, были решительно настроены доказать свои предположения в отношении советского инвестирования в Канаде, а также каким образом скрытая иностранная политика достигает результатов в области коммерции. Поэтому мне и был предложен вопросник.

К этому времени Брюс Джеймс занял новый пост в отделе операций «Б», его прямым начальником стал Муррей Сексмит, заместитель директора отдела общих операций. А так как к началу 1977 года еще не было настоящего паспорта, Джеймс отдал приказ фальсифицировать заявку на него, взяв необходимые данные с надгробного памятника одного из эмигрантов. Министерство иностранных дел выдало настоящий паспорт на имя Ярослава Стадника. Когда Сексмит возвратился из отпуска, Джеймс рассказал ему о паспорте. Генерала Дара об этом даже не уведомили.

Несколькими месяцами позднее, когда Сексмит вынужден был явиться к главе КККП Сайммондсу для объяснений, он заявил: «Если бы я был в кресле Брюса Джеймса в то время, я бы сделал точно такое же богом проклятое дело».

Случилось так, что Клифф попал под расследование и вынужден был устраниться от дела. КККП боялось, что он

расскажет о работе с русским за рубежом. Операции в Швейцарии, кроме Клиффа и Квилли, обеспечивал инспектор КККП Дарелл Колвелл. Квилли в конце 1977 года привез мне вопросы, подготовленные Даном Мулвенна, который все же не хотел отказаться полностью от своих подозрений.

Журналист спрашивает: был ли предан Максимов? Ведь в штаб-квартире КККП в свое время имела место утечка информации. В 1977 году «дело Максимова» достигло критической точки. Если русские смогли сопоставить факты, думали в КККП, то для «их» русского это означало бы смерть.

Макдональд беседовал с несколькими сотрудниками КККП, и с их слов он отмечает, что после провала операции они понимают: возможно, Максимов с самого начала подхода к нему сообщил обо всем компетентным лицам в Москве. Об этом, в частности, говорят факты запоминания им номеров документов, текста письма. Один из экспертов КККП заявил: «Только тренированный КГБ человек мог бы сделать это». Журналист замечает, что о памяти русского свидетельствует то, что советские смогли назвать имена, даты, особенности паспортов и номера их и счетов в банках…

В то же время в КККП считают, что требования Максимова в Торонто были хорошо аргументированы, хорошо продуманы. Один из сотрудников говорил, что хотя информация, полученная от русского, была недостаточно полезной, но содержала определенные сведения, чтобы привлечь к ней внимание.

Другие сотрудники КККП считали, что КГБ с помощью Максимова заманило КККП в Нью-Йорк и Швейцарию, где следило за их действиями.

И тем не менее в КККП существует мнение: конкретных доказательств, что Максимов был нечестен с ними, нет. Наоборот, сторонники этого мнения утверждают — русский был предан и сгорел из-за сведений, полученных советскими в результате утечки информации о работе с ним.

И опять журналист задавал вопрос: будут ли получены веские доказательства, подтверждающие лояльность Максимова, или факты о замученном агенте, который стал жертвой предательства?

Завершая экскурс по «делу Максимова», журналист подводит итог судьбам сотрудников КККП, в той или иной степени связанных с этим делом. Брюс Джеймс, поняв, что его карьера потерпела крах, ушел из КККП. Он работает в службе безопасности одной из частных корпораций. Ушел из КККП Томас Квилли. Билл Клифф и Фрэнк Дэнтермонт также работают в частном секторе. Находится на пенсии Майк Дар и Муррей

Сексмит.

Фрэнк Шортхилл продолжает работать в оттавской штаб-квартире, а Дарелл Колвелл — офицер связи КККП при американской разведке в Вашингтоне.

Заканчивал канадский журналист статью словами: «Ходят слухи, что Максимова видели за пределами России после 1978 года, но это только слухи…»

Весьма характерно, что в статье канадского журналиста, занявшей газетную полосу, не нашлось места ответу на вопрос: почему все же сотрудники КККП пошли на обман своего правительства? А может быть, «обмана» и не было? Подобное время от времени происходит в США, где из года в год упорно создается «миф о самостоятельности ЦРУ», цель которого — в случае провала в щепетильных шпионских делах отвести удар от президента и его администрации.

Как мне кажется, волей или неволей, но канадский журналист подыгрывал тем, кто хотел бы ответственность «за разведывательную деятельность КККП за рубежом» и связанный с ней провал в «деле Максимова» свалить «на парней из службы», которые якобы «ради дела преступили закон».

Один из «специально подготовленного контингента»

Считаю ли я себя человеком с фатальной судьбой? Судите сами: средняя школа на Севере, в которой я учился, давно не существует, аэроклуб закрыт, военно-морское училище расформировано в конце 50-х годов, а контрразведывательная школа — в середине 60-х. Разведшкола возведена в ранг Академии, а сама разведка выведена из органов государственной безопасности и превращена в самостоятельную службу.

Может быть, фатальность заключается в том, что мои многосторонние увлечения в конечном счете привели меня в разведку и мне представилась возможность поработать на «молчаливом фронте» не одно десятилетие? И, возможно, в том, что именно на меня вышла канадская спецслужба?

События оперативного мероприятия «Турнир» лишний раз иллюстрируют мысль, высказанную и реализованную на практике одним из директоров ЦРУ, который придавал особое значение такому виду работы разведки и контрразведки. Он считал, что при создании «непреодолимых барьеров для агентуры иностранных разведок, пытающихся получить доступ к национальным интересам США, наиболее эффективным средством мог быть специально подготовленный контингент» — приманка для разведки. «Эти лица должны быть везде», — говорил глава разведывательного ведомства США, подчеркивая, что «только так можно контролировать действия иностранных разведок и отвлекать их от истинных устремлений».

По решению руководства нашей разведки, тогда еще части госбезопасности, Центр общественных связей организовал встречу с канадским журналистом Нейлом Макдональдом — автором статьи о работе КККП с «русским коммерсантом». В девяностом году он занимал руководящий пост в государственной Канадской телерадиокомпании и заинтересовался предложением создать совместную телепередачу о тех событиях.

Макдональд нашел канадских участников операции «Золотая жила» — бывших сотрудников контрразведки — и получил их согласие выступить в передаче. Четверо из них раскрыли перед общественностью обман правительства Канады: оно было в курсе «дела Максимова», давало санкцию на изготовление документов для «агента» и финансирование его работы с канадской стороной. Эксперты правительства надеялись через этого «агента»

проникнуть в торгово-экономические и коммерческие секреты Советского Союза. Уговорив сотрудников КККП взять всю вину на себя и скрыть причастность правительства к этому «делу», оно никак не компенсировало им же обещанного вознаграждения. Развал Советского Союза «заморозил» работу по преданию гласности тех событий.

Тогдашнее мое положение в нашем разведывательном ведомстве, роль и, смею надеяться, неплохой вклад позволяют мне отнести себя к категории рядовых разведки. Звание — капитан 1 — го ранга — далеко не из самых последних и меня вполне устраивает, даже нравится. Более того, разнообразие проблемных направлений в работе, ее география и, отброшу ложную скромность, эффективность позволяют хоть и несколько вычурно, но точно определить зрелый период моей жизни — как «оперативную жизнь чернорабочего разведки».

Добытая мной и с моей помощью научно-техническая информация имела и имеет сегодня конкретный «выход» в развитии оборонной мощи страны, а операции содействия внешнеторговой политике и крупным сделкам на международном рынке имеют цену в сотни миллионов долларов. Именно разведка дала мне возможность приложения всех свойств характера и применения приобретенных в разные годы знаний — общих и профессиональных.

Не скрою, и сейчас живут во мне два противоречивых чувства — гордость за причастность к судьбе моей страны через работу в разведке и горечь от далеко не полного использования профессионального потенциала. Но я всегда причислял себя к «партии добросовестного труда», к коей относятся большинство разведчиков моего поколения. Все мы оптимистически смотрим на будущее России.

Судьба каждого разведчика глубоко индивидуальна. Она богата событиями, многие из которых плотно укрыты от постороннего взора. Тешу себя надеждой, что эта книга привнесла что-то новое в знакомство со сложным явлением жизни, именуемым разведкой.

notes

Примечания

1

Королевская канадская конная полиция.

2

Отдел военной контрразведки КГБ СССР.

3

Так называлась в 1943–1946 гг. военная контрразведка «Смерть шпионам» (сокращенно «СМЕРШ»). Она подчинялась Наркомату обороны, затем вошла в Министерство госбезопасности под прежним названием — Управление особых отделов.

4

Контейнеры — всевозможные вещи и предметы, приспособленные для маскировки при передаче и хранении агентурных материалов, шифров, спецтехники, денег и тому подобного.

5

Микроточка — специально изготовленная фотография документа, уменьшенная до размеров точки при письме ручкой или пишущей машинкой. Такую микрофотографию можно разобрать только под микроскопом.